

СВЕТЛАНА
ДИЛЬДИНА

Светлана Дильдина
Песня цветов аконита
Серия «Лабиринты Макса Фрая»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143596
Дильдина, Светлана Песня цветов аконита: Форум; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089417-8*

Аннотация

Причудливый рисунок ложится на лист бумаги, по диким тропам идет караван... Мальчика из крестьянской семьи судьба вознесла высоко, многие не отважились бы и мечтать о таком. Вот только Йири хотел совсем другой жизни.

А за каждый шаг вверх придется платить своей свободой и сутью, пока не останутся только долг и канон, пока не будет достигнуто совершенство...

В узор повествования, пронизанный дальневосточными мотивами, вплетено много нитей – императора и придворных, крестьян и разбойников, художников и актеров. Найдется место и рассказам о страшной нечисти – прекрасной и беспощадной. Забирающей души...

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Часть первая	5
1. Сказка	6
2. Желтый цветок	24
3. Долг	28
4. Отори	41
5. Аэси	57
6. Островок	69
7. Взлет	78
8. Знак	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Светлана Дильдина

Песня цветов аконита

© Светлана Дильдина, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая Избранный

Звонят стремена, пахнет мокрой травой и лошадиным теплом. Прозрачное небо – серое от жары, облачко, похожее на бегущего зайца. Ах, как хорошо!

С привизгом девочка осаживает коня. Ее волосы с разноцветными вплетенными бусинками из крашеной глины давно не знали гребня. Спрыгивает на землю – широкие штанины не сдерживают шага. Бежит к отцу. Его ладони с грубой кожей крепки, а губы привыкли смеяться и выкрикивать команды всадникам. И сейчас он широко улыбается.

Другая девочка, рыжеволосая, застенчивая до дикости, выходит из-за спины отца. В руках ее – кукла из конского волоса. Обнимаются сестры.

А мать не покинула стен жилья. Черноволосая хрупкая женщина все время болеет, хоть и родила здоровых дочерей. Ее не лечит воздух степи, она чужеземка – и не надо о ней.

– Шафран, ты лихая наездница, – отец не скрывает гордости за старшую. – Скоро тебе тринадцать, будешь скакать на празднике Трех Даров. Награду получишь!

Его широкое темное лицо властно и весело. Она порывисто обнимает отца...

Хали вновь гонит от внутреннего взора живые картины. В пятнадцать лет беспечная юная всадница покинет сухие и пыльные степи, чтобы через два года подняться высоко – так высоко, как может женщина в этой стране. Больше она никогда не увидит родных, даже мать, рожденную в Тайё-Хээт.

Человек с глазами цвета терновых ягод запрет дитя холмистой степи в ледяную беседку, украшенную изящным и острым узором. Та, кого называли Шафран, станет – Омиэ. Она будет любить только дочь. И умрет молодой.

«20 день месяца Выти, год 324 от Великой осады. Сияние неба погасло. Благословенная Омиэ, чья доброта согревала страну, ушла вослед своим предкам. Все Земли Солнечной Птицы, скорбят о ней, и лишь в дочери, Хали Желтом цветке, находит утешение повелитель».

(из придворных хроник)

1. Сказка

Мальчик стоял на коленях возле рыжего холмика. Цвел жасмин, и стрекозы садились на плечи. Все осталось, как раньше – так же скрипит колодезный ворот, так же саднят царапины, оставленные колючим кустарником. Только родителей нет. Почему? Они были совсем недавно, еще зимой, а потом заболели. Мальчик не плакал – видя чьи-нибудь слезы, тетка, толстая шумная женщина, сама начинала реветь в три ручья. Тетка была незлой, но ворчливой. Судьба подарила ей трех детей – двух девочек и еще одного мальчика, только очень маленького. Он все время кричал. Просил есть.

Сзади затрещали ветки. Мальчик быстро поднялся с колен.

– Йири, вот горе! Перестань ходить на могилу, не тревожь души родителей! Наказание, а не ребенок!

Мальчик молчал, теребя верхнюю губу. Он всегда слушал старших, но тут были *его* родители. Он угрюмо зашагал вслед за теткой. Все же она кормила его.

– Йири, сделай нам игрушку! – тут же пристала старшая из сестренек. Младшая толком не говорила еще. Мальчик огляделся по сторонам, увидел рогатый корешок на земле, обмотал его стеблями повилики, кончик стебля оставил свисать.

– Смотри, это бык. Он говорит: «муу!»

Девочки засмеялись. Потом старшая полезла на веревочные качели – она любила качаться. Йири взялся одной рукой за веревку, другой – за сиденье, темную доску. Слегка подтолкнул...

Хромая, вышел дядя в почти новой темно-синей куртке-кэссу. Собрался в большое село? Или просить в долг у соседа? Йири видел того однажды. Худой, но важный. Говорят, у него есть дочь немногим младше Йири, и он души в ней не чает. Мальчик вздохнул. Его, Йири, наверное, тоже любят... Только не очень-то это показывают.

– Ребенок, иди сюда! – это тетка. Опять ей в чем-то надо помочь. И малыш опять плачет. Может быть, ему одиноко? Но почему? У него ведь есть папа и мама. А родная сестренка Йири тоже умерла...

Месяц Лани, четыре года спустя

Йири вышел из дома. Он стал уставать от постоянного шума, который сопровождал двум младшим детям, хотя возиться с ними было приятно. Прищурясь, мальчик смотрел на солнце. Оглянулся через плечо, покачал головой. Совсем развалился домик. Плети ползучих трав, осмелев, подбираются к окнам. Доски старые, гнилые. А новых – где взять? Тут уж не до роскоши, выжить бы, да налог заплатить. Вот и дядя болеет... Устает, едва взяв в руки лопату, все время кашляет. О том, чтобы принести дров, и речи нет – как ни трудно, и топор держать приходится мальчишке. Весь дом, грядки, поле размером чуть не с ладонь – только с голоду не умереть, забота о младших детях – на Йири и тетке. Старшая девочка тоже старается, но толку от нее мало. Она глуповата и часто словно спит на ходу. А вторая сестренка – шустрая, но мала ростом даже для пятилетней. Мальчик хотел, чтобы она подольше побыла ребенком, побегала, поиграла. Порученную ей несложную работу часто втайне брал на себя.

Йири оглядел свою одежду, вздохнул. Запашная рубашка с дядино плеча – перешита, но все равно велика. Штаны тоже большие, и от времени выцвели. В деревне нет богачей – кроме того, что живет за озером.

Вчера Йири видел там девочку. Она каталась на лодке. Ее одежда просто светилась. А как звонко смеялась та девочка! Интересно, она красивая? Наверное, это дочь богача. Тогда это ее зовут Лин. Имя как золотой колокольчик. Получится ли снова ее увидеть?

Мальчик вновь оглянулся и побежал по тропинке, боясь, что вслед раздастся жалобный теткин голос. В кленовой роще Йири остановился, перевел дыхание. Кажется, получилось. Он заслужил отдых. Мальчик направился к озеру. Цвел жасмин и фиолетовый «бычий глаз». Вовсю болтали сороки.

...Йири издали услышал смех – колокольчик. Шарахнулся с тропинки прямо в заросли, и вовремя. Мимо пронесли паланкин. Занавеска была отдернута, и милое личико смотрело по сторонам. Дочь богача возвращалась домой. У нее были темно-голубые глаза и круглый подбородок. Восхитительное видение! Йири она не заметила. Мальчик сел на тропу, глядя вслед паланкину, оперся рукой о щеку. Он улыбался.

Два года спустя зима выдалась на редкость холодной. Почти три недели лежал снег. Неглубокий, не такой, как в горах, – но стыла под снегом трава, и неопавшие листья дрожали под ударами ветра. Озеро не замерзло – все так же солнце играло неровной рябью, все так же отражались в воде стволы молчаливых деревьев, только рыба бродила у дна – и плыли по озерному зеркалу мертвые листья, не сумевшие удержаться на ветках.

В деревне умерли трое. Семью Йири смерть не задела, а маленький холм – к нему мальчик ходил теперь редко – украшен был россыпью птичьих следов. У птиц была своя письменность-яна...

Девочка Лин болела. Йири молился за нее, как умел. Просил за нее у всех – у холодного мокрого ветра, у колкого снега, у редкого бледного солнца... Даже у трав, которые гордо стояли под снегом, просил он силы для Лин. А ведь она не перекинулась с ним даже словом. Йири просто любил смотреть на нее, как на радугу, на лепестки бледно – розового вишневого цвета. Дядя ворчал на мальчишку – а тот не мог понять, что в этом дурного. Разве нельзя улыбаться, зная, что Лин живет на земле?

Впрочем, и дядя, постаревший, сильно хромающий при перемене погоды, жалел заболевшую девочку.

– Девчонка-то добрая, ласковая. Слуги от нее слова плохого не слышат. Жаль будет, если умрет.

При этих словах Йири испуганно вскидывал голову – и выбегал из дома. Прислонившись к стволу, шептал, как заклятье, отчаянную просьбу о той, что только раз улыбнулась ему, даже не зная имени.

...Когда темнело, часто выл ветер, и было жутко даже возле огня. Казалось, что за окнами бродит существо с ледяными руками, в серо-белых лохмотьях одежд. Сестренки жались к Йири – мать постоянно вздыхала, поминая зиму недобрым словом и предсказывая всем в доме скорый конец. Йири, не отрываясь от очередной домашней работы, рассказывал им сказки, услышанные летом от старого полуслеплого корзинщика, который этой зимой окончил свои земные труды.

В этих сказках были прозрачные феи, напоминавшие голубые и сине-зеленые струи ручьев. В них были говорящие птицы – длинноносые оборотни, способные шутки ради завести человека в самую глушь и там бросить, и вредные *ишильке*, чьи проделки вызывали смех. В них были *ишииро* – духи, так же подобные оборотню, принимающие обличья прекрасных детей или юношей и девушек – и выпивающих кровь и душу поверивших им. Сестренки дрожали от страха и от любопытства, закрывали глаза ладошками – но поднимали гвалт, стоило Йири умолкнуть.

Тетка ругала племянника за такие рассказы – но, забываясь, слушала его сама.

– И складно же у тебя выходит! – поражалась она, подпирая ладонью щеку. – Выучить бы тебя да отправить в столицу – поди, должность бы получил! И нам награда на старости лет!

Дядя расправлял свою старую зимнюю одежду, хмуро смотрел на огонь.

– Не забивай голову мальчишке! Я с ногой этой проклятой едва хожу, а сын когда еще подрастет.

– Я не хочу в столицу, – смеялся Йири. – Там, верно, по улице не пройдешь, столько народу, и все чужие. А тут – и вы, и лес.

А потом были новые дни. Мороз отступил. Весна подходила все ближе, – и деревья, и птицы ощущали ее приближение. Молитвы Йири не были напрасными. Лин выздоровела.

...Он собрал под кривыми корнями бледно-желтые первоцветы. Оставил их у мостика, на котором любила стоять Лин.

Месяц Рыси вступал в свои права, прогоняя месяц Чирка. Созвездие, названное именем кошки с кисточками на ушах, царапало небесный свод – и с него падали звезды.

– Ты еще мальчик, – грустно сказала тетка, – но тебе придется стать взрослым. Твой дядя решил – этой осенью тебе придется уйти с караваном. Будешь помогать с лошадьми – ты хорошо ладишь с ними. Знакомый кузнец договорился насчет тебя. Сделал нам доброе дело...

– Я не оставляю вас, – откликнулся Йири. – Дядя совсем болен, брат еще мал. А девочки... что они могут?

– Нам нужны деньги, малыш, – возразила она. – В деревне – свои люди, как-нибудь проживем – осенью легче. К нам переберется племянник мужа моей тетки. Будет вместо тебя пока. А ты поучишься новой работе. Может, потом устроишься лучше нас...

Йири молчал, грустно улыбаясь. Он любил эти места и никогда не мечтал путешествовать – особенно по дорогам между соседними городами. Он знал, что там – то же самое. Те же заботы – свои у богатых и бедных. А здесь были – могилы родителей, были его сестренки и Лин. Здесь цвел жасмин, плыли по озеру смешные хохлатые утки, и мостик, горбатый и важный, нависал над ручьем.

...Тетка не знала, что он слышал их разговор. Йири сидел возле двери, вырезая фигурку из куска дерева, когда тетка в очередной раз причитала – трудная жизнь, бедность. Потом мальчик уловил свое имя.

– Жаль его, – говорила она. – Полдома на нем держится. И хоть бы слово наперекор.

– Хороший мальчишка, – голос дяди был хриплым. Он много кашлял после холодной зимы, еще больше, чем раньше.

– Боялись, что будет обузой, – отзывалась тетка, будто признавая какую-то вину. – А он вон как... И девочки к нему льнут, не отгонишь – он им как родной. Жаль отсылать. Тяжело ему будет. Сам знаешь, мальчишек в дороге гоняют как проклятых. Что потяжелей – все на них. А ему всего лет-то...

– Справится, – хмуро отвечал дядя. – Не младенец. Разве тут ему многим легче? Тем, кто в бедной семье родился, счастья ждать не приходится. Да к тому же эта девчонка...

Йири застыл. Оторвать его от двери теперь было невозможно.

– Дочка нашего богача...

– И что же плохого? – спросила тетка.

– Слишком часто я встречал его возле озера. А еще он торчит на дороге, поджидая свою ненаглядную. Зимой, когда она болела – ведь извелся весь. Сейчас-то он мальчик, а вырастет? Так и будет сохнуть по ней всю жизнь? Ей-то, поди, жениха уже сейчас выбирают. Отец кому попало свое сокровище не отдаст, выберет побогаче да познатнее. Может, девчонку и в город увезут. Не в столицу, конечно, – там такими, как ее отец, пыль подметают, и все же не стоит племяннику думать о ней.

«Зачем вы!» – чуть было не крикнул Йири. «Я знаю, что я ей не пара, и что тут плохого? Она даже не знает меня!»

Но он промолчал, сдержался. А тетка снова заговорила. В ее голосе звучала обида.

– Беднякам никогда не везет. А мальчишка хорош. Прямо цветок ириса. В мать уродился...

– И где она, красавица сестрица твоя? Семь лет как в могиле. И, думаю, это для нее лучше. Осенью Йири отсюда уйдет. Не смотри так сердито. Я не выгоняю сиротку из дома. О себе ты заботишься, а не о нем. Трудно будет – так выдержит. Может, где и найдет свое счастье...

Тетка что-то пробормотала в ответ, но Йири не слышал. Он отбежал подальше от двери, сел на тропинку, обхватил колени руками. Зачем они так о Лин... Она ведь еще так мала – какие ей женихи? А когда вырастет... Да пусть бы хоть десять раз ее выдали замуж, лишь бы не увозили. Она – как фея этих лесов, ее нельзя забирать!

Внезапно он испугался, что Лин уже не живет на озере. Он вскочил и, не разбирая дороги, помчался к горбатому мостику.

На мостике не было никого, только стрекозы вились над водой. Мальчик вцепился в перила, отчаянно глядя на высокую ограду дома. Как узнать там ли она? Заберешься – сочтут за вора. Нельзя! Плохо придется всей семье.

Йири ждал долго. Так и не дождавшись, не углядев никого из слуг – расспросить, – побрел домой. Встретили его не слишком-то ласково; впрочем, потом тетка смягчилась.

– Вот подарочек оставила родная сестра! И как тебя в раннем детстве длинноносый оборотень не забрал!

Вскоре в жизни мальчишки случилась неожиданная радость. Йири любил рисовать, и, хотя такую роскошь, как бумага, тушь и краски, родные предоставить ему не могли, он находил замену в угле и древесных срезах. Рисовал то, что видел – во сне или наяву. Ветви в цвету, траву, поникшую под дождем, рваную паутину среди упругих стеблей. Или играющих в мелком снегу детенышей лесовика – юо...

Дальний родич тетки, проездом заглянувший к ним, был мелким чиновником и ровней деревенскую родню не считал. Однако Йири пришелся ему по душе – и он оставил мальчишке в подарок немного бумаги и две коробочки дешевой цветной туши – настоящей, не чета блеклым деревенским красителям. Кисть Йири смастерил сам из конского волоса. Теперь рисунки мальчика были трехцветными – зеленый и красный причудливо смешивались с черным углем. Тетка привычно ворчала, когда видела племянника с кистью в руках, и она же первая бурно восторгалась простыми рисунками Йири. Они были во многом неправильны и неуверенны, но в них жила своеобразная прелесть, невесомая, как метель лепестков весной.

К тому же мальчишка нашел способ доставить радость младшим детям – теперь он раскрашивал вырезанные из дерева игрушки в яркие цвета. Лето было счастливым, летело как песня. Если бы не осень, которая подходила все ближе...

Когда месяц Журавля, *анна-и-Хита*, тронул листья огромных ясеней желтым крылом, Лин привычно взбежала на мостик, любуясь ладошками поздних кувшинок. Пара слуг сучала невдалеке, коротая время за игрой в кольца. Бросив взгляд влево, девочка замерла. Возле перил лежала искусно вырезанная из дерева цветущая ветка сливы. Лин осторожно коснулась ее, улыбнулась. Словно весной повеяло над осенним прудом. Краем глаза Лин разглядела мальчишку, спрыгнувшего с ветви старого дуба, который рос возле ее любимого мостика. Мальчишка стоял и смотрел на девочку. Лин помахала ему рукой, рассмеялась. И, сжимая ветку в руке, побежала прочь, заслышав голос отца.

Неделю спустя дядя позвал Йири к себе и долго разговаривал с ним. Деревенские жители были бедны почти поголовно – как и во всех небольших поселениях глухих провинций. Йири знал, что придется уйти, что работой на грядках или помощью корзинщику в деревне он не принесет денег семье – а просить для него место среди слуг отца Лин дядя не

станет. Йири и сам не хотел этого. Лучше таскаться по дорогам в дождь и ветер, чем получать деньги от ее отца.

Хозяин каравана брал Йири к себе на три месяца, до наступления зимы. Зимой движение на торговых путях севера прекращалась. Если мальчишка справится со своими обязанностями, весной он вернется к прежней работе.

Конечно, силой выгонять Йири из дома никто бы не стал. Если мальчишка воспротивится возвращению к караванщикам, он будет вынужден думать, как иначе доставать деньги. Против этого Йири не мог возразить, даже если бы захотел.

Дядя сам решил отвезти мальчишку в соседнее крупное село, где останавливался тот караван. Прощание с семьей не затянулось – дядя не допустил этого. Лишь тетка умиленно всхлипнула:

– Цветочек ты мой! – и смахнула слезу. Йири удивленно взглянул на женщину. Обычно она только беззлобно ворчала или вздыхала при виде племянника, вспоминая сестру.

Невысокий, с огромными ласковыми глазами олененка и волосами, пушистыми, словно зимний мех белки, Йири был удивительно ладным, хотя многие мальчишки в его возрасте обретали забавную неуклюжесть подростков.

Старшая из сестренок – в ней уже начинали проступать черты будущей девушки – с плачем прильнула к брату.

– Возвращайся скорей!

Он прижал девочку к себе, погладил черные косы.

– Что же ты плачешь? Птицы зимой улетают поближе к теплу, и ты не слышишь их песен. Но ты же знаешь – они вернутся весной. А я приду зимой.

Простившись со всеми, он замер на мгновение, не сумев сдержать вздоха. Дядя угрюмо взглянул на него, словно прочитав мысли племянника.

– Довольно. Идем.

До места добрались за день, на старой повозке. Идти пешком было бы ничуть не медленнее, но такой путь был не для больной ноги дяди. Разбитая дорога не вызвала желания смирно сидеть в повозке, и мальчишка часто спрыгивал с нее и шел рядом. Миновали светлое озеро, на берегу которого стоял дом Лин. Йири пару раз оглянулся, вызвав недовольство родственника, которому казалось, что все может сорваться или вообще пойти не так, как следует.

– Смотри, – дядя ронял слова, как всегда, хмуро, – я говорил со старшим в караване. Он за тобой присмотрит, защитит, если что. В остальном – уж как себя поставишь. Работы ты не боишься, а люди бывают всякие. Я хочу тебе только добра, хотя ты вряд ли считаешь меня добрым.

Мальчишка пропускал слова мимо ушей – за последние он только это и слышал. Он то и дело притрагивался к висящей на шее фигурке из зеленоватого халцедона – защитница деревни, казалось, обещала ему свое покровительство.

В селении, куда прибыли они с дядей, Йири уже приходилось бывать. Оно было крупным, грязным, шумным и не нравилось мальчику. Однако сейчас он даже не обратил внимания на место, куда приехали, – был слишком взволнован предстоящей встречей с начальником каравана.

Тот оказался немолодым, суровым с виду и похожим на воина, не на торговца. В молодости он и впрямь служил в войске одного из наместников. Хиранэ – так звали старшего – явно ожидал более высокого и крепкого с виду подростка, однако не сказал ничего. Йири почувствовал доверие к немногословному жесткому человеку. Он даже не пожалел, когда дядя, «передав» его в новые руки, покинул селение; хотя и поглядывал с опаской на остальных караванщиков. Многие из них, судя по речи и по зеленовато-черной одежде, были уроженцами северо-восточных областей – а таких тут считали особами подозрительными. Йири

выжидающе поднял глаза на старшего. Однако Хиранэ отвлекли, и Йири оказался ненадолго предоставленным себе самому. Мальчик растеряно огляделся по сторонам, краем глаза увидел черную тучу, которая встряхивала длинной густой гривой. Мальчишка восторженно замер. Такого огромного коня ему не приходилось видеть. Глаза вороного казались довольно злобными, однако жеребец был настолько красив и с таким надменным видом глядел на Йири, что тот не выдержал.

– Эй, ты что, громом ударенный?! В Нижний дом захотел?! – заорал кто-то из караванщиков, знавших бешеный нрав коня. Йири даже не оглянулся.

...Когда воронья махина, сперва сердито косящая глазом, тихо заржала и протянула морду к куску сладкого хлеба в руке мальчишки, а тот, не пугаясь огромных копыт, потрепал коня по щеке, Хиранэ удовлетворенно кивнул, хотя лицо его, похожее на маску из твердого дерева, осталось непроницаемым.

С рассветом караван тронулся в путь. У Йири была хорошая память – имена спутников он запомнил сразу. А те были не слишком похожи на людей из его деревни – держались самоуверенно, говорили отрывисто, быстро, и шутки у них были странные для уха Йири. Многие связывали волосы на затылке в хвост, как водилось за жителями северных провинций. Такую прическу Йири знал хорошо, хотя в его деревне и близких к ней поселениях мужчины обычно срезали волосы коротко. А караванщики... С этими людьми Йири чувствовал себя неуверенно.

Вот лошадей он понимал хорошо и сразу. Больше всех ему приглянулся Черный, конь господина Хиранэ, и Сполох, красный конь одного из охранников. Он разговаривал с ними, как с равными по уму, что забавляло некоторых караванщиков. Впрочем... порою над ним подсмеивались, порой рявкали на него, но в целом Йири, похоже, пришелся караванщикам по душе. Только один человек сразу принялся отравлять ему жизнь. Райху, невысокий остроносый нахал со скользкой улыбкой. От его шуточек и святому бы стало тошно.

Йири старался не попадаться ему на глаза, благо дел хватало. Вычистить лошадей, накормить их, починить упряжь, почистить и мелко нарезать корни для очередной похлебки, вымыть котлы после еды караванщиков, выполнить распоряжения Хиранэ, да и просто любого, кому вздумалось дать мальчишке работу. Он еще дома привык справляться со многим одновременно, и все же ему было трудно. Руки его были привычны к тяжелой работе, однако мелкие ссадины на них не успевали заживать. На привалах он отыскивал травы, соком которых смазывал ранки. Травы он знал лучше любого из караванщиков, и те скоро поняли это, порою просили помочь.

С лошадьми хватало других забот. Сполох, отличавшийся скверным характером, взревновал его к Черному и норовил укунить или лягнуть собрата. Черный также не оставался в долгу. Заболела одна из рабочих лошадей вдалеке от жилья, и конюх был злым от бессилия. Тут уж было не до Райху с его мерзкими шуточками. Порою надо было собрать всю волю, чтобы утром открыть глаза и сдвинуться с места.

Осень была благосклонна к мальчишке, впервые покинувшему дом. Дни стояли на удивление теплые, золотистый ласковый ветер бродил по дорогам, внушая людям ложную надежду на вечное лето. Перешли через Орэн. Йири был очарован спокойной широкой рекой – в ее светлой воде словно отражалось иное, высшее небо. Караван долго продвигался вдоль берега, и мальчишке нравилось разговаривать с рекой, опуская ладони в воду. Тусклая береговая осока шуршала ночами, не обращая внимания на костры и людей, осока – дитя и стража реки...

Йири никому не перечил, но спокойное достоинство, странное в крестьянском мальчишке, нравилось спутникам, хотя и удивляло их немало. Подросток из глухого угла, он часто бывал наивным, но никогда его наивность не оборачивалась глупостью. Присутствие мальчишки и впрямь грело душу. Он выглядел слишком хрупким для тяжелой работы –

однако в иные вечера вместо того, чтобы падать и засыпать раньше всех, ухитрялся еще сидеть в одиночестве у костра или на берегу реки, глядя на огонь или воду.

– Да тебя вместо лошади можно в повозку впрягать, и дотянешь ведь, – шутил старший. – А по виду не скажешь. Я ведь тебя когда увидел, чуть обратно не отослал. Смотрю – не крестьянский мальчишка, а цветочек какой-то.

Йири улыбался, плотнее запахивая ворот выцветшей синей рубашки, легкой для осени. Он привык все время идти куда-то, привык к своим спутникам. Провожая взглядом встречаемых бродяг, думал: откуда они, что ждет их в пути? О себе не задумывался, доверяясь Иями. Видя журавлей в небе, невольно прищуривался, пытаясь понять, нет ли среди них синеголубого тэммоку, посыльного Охотницы и Защитницы.

Селения, куда заходил караван на пути в город, вызывали у мальчика легкий интерес, и то ненадолго. Среди шума и толчеи он чувствовал себя чужим. Сначала Хиранэ отпускал его побродить по улочкам, пока не понял, что мальчишке приятнее в свободное время сидеть с листом дешевой бумаги в руках и рисовать или вырезать из дерева странные фигурки, чем толкаться на рыночной площади или носиться с другими мальчишками по селению. Йири чувствовал облегчение, когда караван снимался с места.

По вечерам у костра люди любили рассказывать разное. Даже охранники, молчаливые днем, начинали вспоминать разные байки, все, слышанное в пути и пережитое ими самими. Поначалу Йири только слушал. И впрямь – мальчишке из глухого угла очень многое было в новинку. Он даже с трудом представлял, где находится Сиз-Рэн, столица земель Солнечной птицы, не говоря о вещах, по его разумению, доступных лишь мудрецам. Новое узнавать было интересно. Однако иные рассказы пугали. На дорогах северо-западных областей было довольно спокойно, но временами с востока сюда пробирались разные шайки, а то и крупные банды. Охранники выглядели опытными людьми, а караван не был богатым; однако оголодавшие бандиты, попадись такие, не стали бы раздумывать, грабить или нет. Йири становилось очень тревожно, когда разговор заходил о разбойниках. Гораздо сильнее привлекали рассказы о виденных караванщиками диковинках – о статуе древнего святого, выточенной из малахитовой глыбы, о сидящей черепахе – маяке, сооруженном в далекой гавани юга, о женщинах синну – лихих лучницах и наездницах...

Кенну, молодой парень с необычными для области Тхэннин рыжими волосами, постоянно говорил о Столице, где прожил целых пять лет.

Сиз-Рэн, Ивовый Остров, считался одним из красивейших городов Земель Солнечной Птицы. Построенный на реке Аянэ, раскинувшийся аж на три *ани*, он был мечтой провинциалов.

– Какой город! Не чета тем, в которые мы с товаром ходили! – Кенну широко разводил руками, словно от изумления.

– Там, небось, крыс гонял, а тут строишь из себя столичного жителя, – бросал ему Райху, и в речи его было характерное для жителей северо-востока прищелкивание. – И что там? Дома из золота? *Тайо*, Высокие, тебе кланялись?

Кенну злился и замолкал.

– А ты что язык проглотил, детка малая? – обратился как-то к Йири острононосый насмешник. – Какой ты у нас тихий... Мальчики такими не бывают. Может, ты девочка? Только прикидываешься? Из тихих покладистых девочек лучшие жены выходят. Выдадим тебя замуж за столичного богача, вон, у Кенну наверняка знакомые есть.

– А у тебя случайно знакомых с мозгами нет? Попроси поделиться, – негромко ответил Йири и отвернулся, глядя в огонь. Райху выводил его из себя так сильно, что хотелось набить ему морду. Такого с мальчишкой еще не бывало.

– Рассказал бы ты что-нибудь, малыш, – попросил пожилой помощник Хиранэ, желая перевести разговор на другое. – Хоть сказку какую.

– Сказку? – задумчиво проговорил Йири, прислушиваясь к шороху тростника на речном берегу. – Хорошо... Только это не сказка. Так говорил человек из нашей деревни, он умер уже...

«Когда некий господин возвращался домой, его путь пролегал по заросшему лесом ущелью – таких немало в диких горах. Господин тот, младший офицер гвардии наместника Хэнэ, считался человеком честным и рассудительным. Он ехал, вспоминая жену и дочь, которых не видел давно и которых вскоре был должен увидеть. Так вышло, что ни одного слуги не было с ним – впрочем, это было досадной мелочью, не способной помешать на столь коротком пути. Внезапно лошадь его начала мотать головой и всхрапывать.

«Спокойно, Облачная Грива», – говорил господин офицер, и лошадь успокаивалась – но через пару мгновений вновь начинала дрожать. Был вечер, и теплый свет золотил листву раскидистых ясеней, играя на их бледно-серой коре. Внезапно господин увидел фигурку, стоящую возле ствола. Это была совсем юная девушка – одетая в гэри из серого шелка, она выглядела дочерью хорошего дома. Девушка доверчиво улыбнулась и, видя, что господин офицер придержал коня, подошла к нему. Такого прелестного личика господину еще не приходилось встречать. Русые волосы девушки отливали золотом в свете заката, глаза были темно-зелеными.

«Кто ты, дитя?» – спросил офицер.

«Я из хорошего рода; те, кому я верила, бросили меня тут, и я заблудилась. Я не знаю здешних мест. Прошу вас, добрый господин, помогите мне добраться до ближайшего селения»

Господин со смехом согласился, и, не замечая, что лошадь его дрожит, любовался девушкой, словно лесным цветком. Он хотел взять девушку к себе на лошадь, но животное, словно оцепенев, едва переставляло ноги – полудохлая кляча бежит быстрее. Девушка соскочила на землю и пошла рядом, улыбаясь, словно была чем-то довольна.

Господин расспрашивал спутницу о ее семье и о том, как она оказалась в лесу, – ответы девушки были неполны и уклончивы.

Смеркалось – господин офицер углядел хижину среди ветвей.

«Заночуем здесь», – сказал он. – «С лошадью творится странное. Не годится так ночью побираться по глухому ущелью»

Хижина оказалось пустой и заброшенной. Был разведен огонь, и бледные отсветы язычков заиграли на прелестном личике девушки. Она улыбалась так призывно, что господин нахмурился и призадумался – годится ли, направляясь к любимой жене из долгой отлучки, в десяти ани от дома связываться с незнакомой девочкой, которая всего на пару лет старше собственной дочери?

«Спи, дитя», – угрюмо сказал он ей.

Девушка вновь улыбнулась.

«Луна – белая рыба – плывет по небу, – прошелестел ее голос, – не время для сна»...

При этих словах слабое сияние окутало ее фигуру. Когда оно спало, господин офицер почувствовал, что волосы его стали дыбом – он понял, кто сидит перед ним.

Лицо девушки заострилось и стало еще прекрасней – и что-то птичье проступило в нем, глаза удлинились к вискам, напомнив о листьях ивы... Зрачки из кружков превратились в узкие черточки, а на лбу слабо светился знак «лапки» – верная примета оборотня – ииширо...»

– Демоновы рога! – выругался кто-то из караванщиков. На него шикнули.

«Господин офицер схватился было за меч, но рука его налилась тяжестью и лежала, как каменная. Он хотел было прочесть молитву Заступнице – но голос оставил его. Оборотень улыбался, приближаясь к нему.

«Вот судьбы и нашла тебя, человек знатного рода. Что ж... Ты переживешь эту ночь. Я хочу попасть в твоё селение – и ты меня туда отведешь».

С этими словами она прильнула к его губам, выпивая кровь и силы души...

Потом она отступила на шаг – и черты ее скрылись в легкой тени. В следующий миг она уже выглядела человеком...

Господин офицер очнулся лишь утром, и так велика была над ним власть оборотня, что он сел в седло и поехал, ведя смерть в родное селение.

Лошадь, как и вчера, была еле движима и покорна, шла, вся дрожа. Девушка-оборотень шла рядом с легкой улыбкой, нежная, чистая, словно роса. Не больше трех ани оставалось пройти до селения, как вдруг кто-то громко закричал с высокой ветки. Голос был похож на крик смоляной сойки, только громче и резче. Вероятно, это был добрый длинноносый оборотень-маки, из тех, кто ненавидят иширо. Лошадь господина заржала, и, стряхнув наваждение, галопом ринулась по дороге...»

– Бррр, – встряхнулся Кенну. – Рассказики у тебя. А то все молчал, молчал...

– Ну, конец-то хороший, – обронил кто-то.

– Э, нет, – покачал головой седой караванщик, старший из всех. – Эти твари никогда не оставят свою жертву. Всегда находят тех, кто имел несчастье встретиться с ними. Ты не слышал окончания?

– Нет.

– Ну, помани мое слово, лучше его и не слышать.

Разговор словно умер. Люди с опаской поглядывали по сторонам, кто-то вздрагивал от любого шороха.

– Да ты, малыш, просто золото – ишь, как язык у тебя подвешен, – пошутил Хиранэ, единственный из всех оставшийся спокойным. – Только ты моих людей не пугай больше. Мы иначе до города не доберемся, все по дороге разбегутся. Иди, отдыхай.

Караванщики начали устраиваться спать. Мальчишка вынырнул из круга костров и подошел к лошадям.

– Ну, как дела, Звездочка? – Йири ласково потрепал морду одной из них. – Устала? Не болей больше, не надо. Ты же умница.

Сзади в плечо толкнулось что-то мягкое.

– Сполох? Обидно, что разговариваю не с тобой? Не сердись...

Он провел рукой по шерсти, серебрившейся в лунном свете. Сполох тихо заржал – и вдруг замер, насторожив уши. Звездочка стукнула ногой о землю и пугливо скосила глаз. Йири оглянулся. Все тихо. Только вода в реке разговаривает сама с собой. Однако лошади были чем-то обеспокоены. Йири невольно взялся за амулет с изображением хранительницы его деревни, *Кори-са*. Он слишком хорошо помнил рассказы о том, КОГО чуют лошади даже издалека.

– Ну, что с тобой, Звездочка? – голос мальчишки дрогнул. Зашуршали разлапистые жесткие кусты. Чьи-то глаза блеснули меж веток.

– Это...какой-то зверь. Наверное, большая лиса... – пальцы Йири сильнее сжали амулет. Глаза в кустарнике погасли. Вновь тихо заржал Сполох. Сзади него появился Райху. В эту секунду Йири даже обрадовался ему, выпустил талисман.

– Не могу заснуть, – сообщил Райху. – Твоя вина. Нечего страсти рассказывать.

– Ты всегда недоволен, – тихо ответил мальчишка. Райху рассмеялся. Заглянул Йири в глаза.

– А ты что у нас ночами бродишь? Или ты сам из них?

– Замолчи! – испуганно вскрикнул Йири.

– А глазки зеленые...

– Ты... дурак! – мальчишка в страхе оглянулся. – Не зови их!

– Хорошо, хорошо, – примирительно проговорил Райху. – Ну, пойду, попробую, может, удастся поспать. – он неприятно усмехнулся, протянул руку, приподнял пальцем подбородок Йири. – А ты, сказочник, – хочешь со мной?

– Райху! – негромкий тяжелый голос Хиранэ словно придавил того к земле. – Еще раз услышу – ты у меня глины наглотаешься. Понял?

Остроносый скривился, хмыкнул и испарился. Йири, опустив голову, гладил шею Звездочки.

– Не беспокойся, дружок, – ласково сказал Хиранэ. – Он не такая скотина, какой временами кажется. Да и меня он боится... Я доволен тобой. Не ожидал, что от тебя может быть столько пользы. Если захочешь, весной опять пойдешь с нами.

– Но... и двух недель не прошло, – удивленно отозвался мальчишка. – Вы же не можете знать...

– Я уже понял, чего ты стоишь.

Впервые в голосе Хиранэ послышались отеческие нотки. Так с Йири разговаривал только старый корзинщик в родной деревне, бывший бродяга, тот, который кое-как научил его *яне*. Может быть, именно поэтому ночью Йири снилась деревня, сестренки – и Лин. В голубом верхнем платье – *гэри*, с серебристыми рукавами, она смеялась и рвала колокольчики. Ветер тормозил ее русые пряди, звал за собою в поле, и она убегала в густую траву, и трава росла высоко, скрывая ее целиком...

Караван продвигался вперед и скоро свернул в сторону от реки Орэн. Йири долго оглядывался, ему было жаль расставаться с величественной спокойной рекой.

– У нее есть сестра, Иэну, – сказал мальчишке Хиранэ. – Она течет на северо-востоке, и встречаются реки в озере Айсу, Серебряном. Может быть, ты когда-нибудь увидишь ее. Я был у этой реки в молодости, когда воевали с племенами ри-ю. Мне тогда только семнадцать исполнилось, – он о чем-то задумался, затем отвернулся от Йири, забыв про него.

...А город оказался большим. Во всяком случае городских стен и ворот Йири еще не доводилось видеть. И много-много людей: сутились, куда-то текли, что-то кричали, поскольку негромко говорить было почти бесполезно. Йири видел возникающие на быстрой воде водоворотики, в которых крутились листья, речной сор и прочая мелочь. Этот же водоворот был огромен. И ярок. Переливался всеми цветами.

Голова Йири пошла кругом. Он был испуган. Городские ворота впустили караванщиков; по обеим сторонам дороги появились льнувшие друг к другу домики с пестрым орнаментом. Лучи солнца, розовые, утренние, скользили по ним, и те казались игрушечными. И люди тоже становились игрушками, куклами в разных одеждах. Словно кто-то из Бестелесных решил сотворить себе живую забаву.

– Это тебе не торжественный въезд, – смеялся Кенну. – Тут не живут богачи. А вот их дома... погоди, посмотришь, какие тут есть диковинки. Тебе понравятся города, белка лесная.

Йири пока не знал, что и думать. Он не ахал и не вертел головою по сторонам, рассматривал все и всех с настороженным недоверием.

Сельские жители не шли ни в какое сравнение с уверенными в себе горожанами – даже небогатые казались куда значительней, нежели самые зажиточные сельчане. И говорили тут немного иначе – суше, быстрее. Дороги были вымощены камнем, хотя зачастую требовали ремонта. И половина домов была из камня – однако большей частью дома казались тяжеловатыми, грубоватыми, что ли – над ними явно работали не лучшие мастера. И деревья росли

какими-то чахлыми, скучными, совсем не похожими на гигантские дубы и клены, живущие в деревне Йири.

Остановились в дешевой гостинице. Когда Хиранэ предоставил некоторым своим людям временную свободу, Йири примостился у окна, разглядывая двор. Смотреть было не на что, однако мальчишка торчал на своем месте с упорством караульного. Кенну попробовал оторвать мальчишку от окна и утащить осматривать город, но Йири в шутливом ужасе вцепился в тяжелую оконную занавесь.

– Дай пацану время прийти в себя, – неожиданно миролюбиво заявил Райху. – Он небось в своем глухом углу одних барсуков и лис видел, а тут столько людей. Поесть-то вниз спустишься или тебе, как сиятельной особе, сюда принести? – съязвил он, глядя на Йири. Тот непонятно кивнул, оставя Райху гадать, каким был ответ. Впрочем, особо долго отдыхать не пришлось. Хиранэ вновь нагрузил всех, кроме охранников, работой по самое горло. Вечером, когда с делами на время было покончено, Йири позволил Кенну утянуть себя на многолюдные улицы. На этот раз подходящее для неприрученного зверька желание спрятаться сменилось естественным мальчишеским любопытством. Приклеившись хвостиком к старшему, Йири жадно разглядывал все, что попадалось на пути. Что было в изобилии – люди и дома. Как тех и других было много! Больше, чем в самом крупном селе. И мастерских. И торговых лавок. Светлые стены, синие крыши, украшения – пестрая узорная резьба, разноцветные камни орнамента, на воротах – резные фигурки, изображения цветов и животных. То искусно, то плохо сделанные, в зависимости от достатка хозяев, они были повсюду. В деревне Йири тоже знали о таких украшениях... только там ворот почти ни у кого не было, разве небольшие калитки. И одежда у многих горожан была богатая – на взгляд Йири, чаще серая и голубая – мода такая, сказал Кенну. Многие женщины укладывали заплетенные в косы волосы самым замысловатым образом, украшая прическу бусами и гребнями из лазурита. А лошади знатных господ... Тонконогие, с маленькими гордыми головами, украшенные дорогой сбруей, они высокомерно посматривали по сторонам. Богатые женщины передвигались по камнем мощенным улицам в носилках, зачастую расписанных причудливыми цветами, а у особ высокого рода – пестрыми сплетающимися драконами и морскими чудовищами.

Прошли мимо переулка, наполненного ароматами. Изгороди стоящих в нем домов казались особенно яркими, а крыши домов – вычурными, прихотливо изукрашенными. Мальчишка сразу свернул туда.

– Э, в Алый квартал потянуло? – хмыкнул Кенну, удерживая Йири за рукав. – Я не против, будет, что тебе показать. Только смотри, как бы тебя там не оставили, не сманили. Как же мы без тебя?

Йири приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но передумал, залился розовой краской и чуть ли не полетел дальше по улице, подальше от ярких изгородей. Смеющийся Кенну еле догнал его.

– Помедленней, птичка. Чего перепугался? Ведь уже не младенец.

– Да перестань, – отмахнулся младший, все еще не смотря на Кенну. – Идем дальше?

– Вор! Держите его! – раздалось справа от Йири. Мальчишка шарахнулся в сторону, едва не сбитый с ног угловатого вида подростком, за которым гналось несколько человек. Кенну радостно засвистел. Тут из ближайшей подворотни вынырнули двое стражей порядка. Незадачливый воришка угодил прямо им в руки. Кенну ломанулся вслед за бегущими. Укравшего кошелек у богатого ротозея ждало жестокое наказание.

– Пойдем, – взмолился Йири. – Я не хочу за ними.

Кенну недовольно скривился.

– Да брось. По заслугам получит. А ты и впрямь как девочка нежная...

Однако он подчинился желанию младшего. Настроение было испорчено. Они вернулись в гостиницу. Хиранэ встретил их не больно-то ласково.

– Все шляетесь невесть где... А Райху вон морду набили...

– Правда? – лицо Кенну расплылось в довольнейшей ухмылке. – Мир не без добрых людей.

Мальчишка словно не расслышал фразы Хиранэ, молча поднялся в их комнату. Присел у жаровни, уставился на угли и замер. По улицам медленно брел сиреневый сумрак, впервые напомнив о холоде осени. Рука Йири протянулась к углям извечным жестом желающего согреться. На его плечо опустилась большая ладонь.

– Дурачок. Как же ты намерен жить в этом мире? – спросил Хиранэ. – Нельзя быть таким незащищенным. Ты даже воров жалеешь. А кто пожалеет тебя, попадись ты такому вору на пути к спасению?

Йири молчал. Казалось, он так глубоко ушел в свои мысли, что вот-вот зачерпнет рукой углей из жаровни, чтобы просеять их, как песок между пальцами.

– Это все справедливо, я понимаю. Но в нашей деревне не так живут. Каждая семья больше думает о себе, да, – но и соседей не забывает. Иначе – совсем не выжить.

– В городах по-другому, малыш.

– Я понимаю... Каждому ветер шепчет свое. Есть много такого, чего я не хотел бы в жизни. Но это ... все равно есть. И от меня не зависит. Но от меня зависит не радоваться беде чужого человека. Будь он даже вор.

– А убийца?

– Я буду рад за того, кто сумеет выжить из-за его неудачи. Но ведь пойманного убийцу ждет смерть. И неизвестно еще, что потом... Как я могу радоваться такому?

– Тебе в отшельники надо податься, – усмехнулся Хиранэ. – Будешь творить чудеса милосердия.

– Не стоит с этим шутить, – негромко, но твердо отозвался мальчишка. – А отшельнику очень легко позабыть о людях, заботиться только о себе. Чтобы думать о людях, нужно любить.

– Иями-Заступница, откуда в тебе такие взрослые мысли? – подивился Хиранэ. – А сам ты чего хочешь?

– Жить, – слово прозвучало очень определенно и полно, словно мальчишка и впрямь точно знал, что значит жизнь для него.

* * *

Столица. Записки Хали

«Третий день месяца Журавля. Сегодня был праздник Осенних цветов. Я, Аину Намаэ, прозванная Хали по имени полевого цветка, впервые полностью устраивала его по собственному желанию. Многие из моих дам и служанок не одну неделю плели интриги, лишь бы я допустила их к участию в празднике на одной из почетных ролей.

Но как это скучно! Радуют только цветы. Особенно золотые шары с гор...но больше всего я люблю бледно – желтый цвет, хотя цвет этот многие называют грустным. А цвет серебристой молодой зелени – не люблю. Жаль, именно он испокон веков считается привилегией Золотого дома во время другого праздника – весной. Тогда мне приходится надевать то, в чем я выгляжу глупо.

После праздника у меня болит голова. Надо, чтобы принесли еще воды с ароматом абрикоса – этот запах возвращает мне силы. Саннэн знает какой-то секрет...кроме нее никому больше не удастся составить этот аромат. Лучше писать, чем думать – голова просто раскалывается на части... Однако отец был доволен тем, как я устроила праздник. Все напе-

ребой восторгались узором моего желтого гэри, затканного венчиками горицвета. Оно было простым. А мои дамы старались перещеголять друг друга пышностью и стоимостью наряда – каждая выдумала что-то свое, часто даже смешное со стороны. Дамы низких званий приложили всю фантазию, чтобы наряд их походил на платье женщин высокого ранга. Дурочка Рiku почти со слезами упрашивала меня позволить ей быть в числе девушек-шемэ, несущих сосуды Иями. Хотела надеть повязку, украшенную золотым янтарем – в таких могут появляться только девушки-шемэ на празднике осени. Зачем было приобретать то, что все равно не пригодится? Дурочка. Все же я позволила ей покрасоваться. Я знаю, на кого она смотрит.

День Осенних цветов – женский праздник, хотя участвуют в нем и мужчины. Теперь я гляжу на тех и других глазами не ребенка, но взрослой девушки. Мне ведь уже четырнадцать. Среди придворных много красивых людей. Не будь я дочерью Солнечного, наверное, и мое сердце занял бы кто-то...

Мои девушки разбирают листочки с надписями. Смеются. Даже сюда долетает их смех. Считают, сколько разных имен цветка им досталось. Считают...

Отец не пожалел для меня учителей, я образована лучше любой женщины Земель Солнечной птицы. Дочь Благословенного должна быть умной – но зачем знания женщине, которая даже не сможет сама устроить свою судьбу? Я всегда буду делать то, что нужно для государства.

Отец... Любил ли он свою дочь хоть один день? Всегда заботился – несомненно. Но о ком эта его забота? О капельке солнечной крови, единственной дочери, залоге будущего политического союза – или о Хали, ребенке от нелюбимой жены? Хроники лгут. Он не любил мою мать. Может быть, потому, что в его сердце вообще нет приязни к синну? Или потому, что он не хотел этого брака, и поступил так лишь на благо страны? И мать это знала. Но она была высокого рода и очень горда. Я хорошо помню ее. От нее я унаследовала волосы – темные с рыжиной, волосы синну. Отец сам выбрал именно ее...я никогда не спрошу, почему все так сложилось. И все-таки уже семь лет прошло...а он не берет себе новой жены. Впрочем...есть много вещей, о которых мне думать не следует. Я ведь послушная дочь. И я такая же подданная Благословенного, как и все. О, мой отец знает, как добиться повиновения. Может быть, он мог бы добиться моей любви – но ему не надо ее. Может быть, он сумел бы привлечь к себе восьмилетнюю девочку, ставшую сиротой... но не захотел этого делать. Теперь уже поздно...и я даже рада, что отец для меня – только носитель верховной власти. Все равно – я лишь фигурка в очередной игре, которую он поведет рано или поздно. Я никогда не буду свободна.

«Закружит, унесет с собою

Этот зимний вихрь полевой!»

Как остро пахнут листья вьюнка за окном!

* * *

Город неподалеку от Орэн

Йири спустился вниз. Он был один и был полностью свободен на этот вечер, что случилось нечасто. Хиранэ решал торговые вопросы и прочие дела каравана, Кенну наверняка развлекался в Алом квартале, Райху тайком напивался в кабачке... У прочих были свои интересы. Мальчик решил в одиночку пройтись по ближайшим улицам. Времени оставалось немного. Однако погулять не удалось. Прямо у ворот гостиницы он наткнулся на плачущего малыша, которому устраивал суровую выволочку коренастый парень года на два постарше Йири. Судя по возгласам, малыша угораздило случайно брызнуть грязью на безрукавку соседа, который и вымещал сейчас злость на младшем. Зареванный ребенок ухитрился

выдернуть красное ухо из безжалостных пальцев и бросился бежать, однако споткнулся. Крепыш с рычанием кинулся за ним – и натолкнулся на неожиданную преграду.

– Не надо, – голос звучал негромко, но до того уверенно, что крепыш оторопел. – Он же совсем маленький.

Малыш, наблюдавший за этой сценой, раскрыв рот, опомнился и задал стрекача.

– Да ты...! – замахнулся опомнившийся крепыш на помешавшего сопляка. Тот уклонился от удара, и с пути не ушел, а малек тем временем удирал со всех ног. Крепыш завопил, видя, что жертва убегает, и вновь попытался отбросить помеху со своего пути. Йири схватил того за рукав, и подросток невольно совершил оборот вокруг своей оси, чуть не приложившись лбом к стене в силу инерции. Малыш успел шмыгнуть в какую-то подворотню...

– Ты человек, которому Сущий забыл добавить мозгов, – выговаривал Кенну, прикладывая холодную пряжку от сбруи к лицу Йири. – В какое место тебя клюнул зеленый дятел? А если бы я не подоспел? Сколько раз он успел бы заехать по твоему личику? Надо же голову иметь!

Йири молча повел плечом. Кенну возмущенно отфыркивался, видя такое пренебрежение к его советам.

– Я знаю недоумков, которые вечно лезут в драку, дай им кулаками помахать. Но те хоть драться умеют. А ты-то на кой лад ему поперек дороги встал? Ничего не боимся?

– Да нет... Бегать и уворачиваться я же умею. Подумаешь, попал один раз... А тот был ребенок совсем, – ответил Йири, сжимая висок, чтобы унять звон в голове.

– А ты кто, горе неумытое? Герой – Дитя Облаков? И где только рос... Может, тебя хоть морду бить научить? – сжалился Кенну.

– Хотел бы, давно бы дрался со всеми. Я не хочу.

– Тогда какого демона лезешь, куда не просили? И впрямь, тебе стоит в святые податься... Живи в лесу и молись за обиженных. Что, у вас в глуши все такие? погоди, ты у меня еще станешь боевым петушком...

Мальчишка покосился на Кенну, неожиданно усмехнулся.

– Учитель... Мне на тебе, что ли, тренироваться?

Парень скорчил испуганную мину. Оба расхохотались. На шум, как муха на сахар, приманился Райху.

– Никак у нашей детки голос прорезался?

– На нем будешь тренироваться, – указал Кенну.

Оба расхохотались еще громче.

– Пожалуй, я соглашусь, – через силу выдавил Йири. – Только ты пряжками холодными запасись, ушибы лечить.

– Для тебя?

– Для него, – мальчишка смеялся, не переставая. – И нос пусть побережет. Острый... как бы не обломился.

Остроносый подозрительно поглядел на обоих.

– Ну-ну. Дохохочетесь у меня, – невнятно пригрозил он, и покинул комнату. Йири вытер слезы смеха с лица, покачал головой, переводя дыхание.

– Псих. Морду ему набили, а он ржет, как конь породистый, – осклабился Кенну.

Из города уехали в сумерках. Караульные не обращали на них никакого внимания. Райху обзавелся новой красной шапкой, страшно гордился, вызывая насмешки Кенну. Люди Хиранэ получали немного, однако Йири мог заработать здесь гораздо больше, чем в родной деревне.

А дни то бежали, то ползли. Неожиданно обрушился нескончаемый дождь, начались холода. Йири не хотел тратить деньги не теплую одежду, и Кенну отдал мальчику свою старую выцветшую куртку-кэссу. Мальчишка долго возился с ней, пытаясь подогнать по себе.

Шить он умел достаточно хорошо. Райху язвил, как всегда: «Зачем нашей детке наряды? Она и так себе хорошего дружка найдет», и настолько достал этим Йири, что тот едва не швырнул в него первое попавшееся под руку седло.

С Кенну Йири сдружился, несмотря на разницу в возрасте. В деревне у мальчишки были приятели, но из-за работы по дому и в огороде времени на них почти не оставалось. Да, по правде сказать, и не всегда тянуло к ним Йири – не слишком бойкого, любящего смотреть и слушать, а не носиться и вопить. Кенну же был неунывающим трепачом, довольно развязным, но добрым. Рассказывать байки он мог часами. Йири не верил половине этих рассказов, да и в другой сомневался – и этого не скрывал. Тем не менее обоим нравилось общество друг друга.

И другие караванщики Йири не обижали, хотя некоторые смотрели скорее как на зверька, суесящегося возле ног.

Старший в караване тепло относился к мальчишке, даже учил его чтению и письму, как раньше старый корзинщик в деревне – и скоро из-под руки Йири выбегали уже не каракули, а значки, не лишённые некой изящной легкости. Впрочем, это не было удивительным – Йири любил рисовать.

А времени на уроки было так мало... Зачем понадобилось заниматься с мальчишкой, да еще тратить на него тушь и бумагу, Хиранэ и сам толком не знал. Ему была приятна понятливость Йири.

– Слушай, малыш, – говорил ему Хиранэ. – Если захочешь, года через два сумею тебя в городе пристроить. А то жаль мне тебя. В вашем глухом углу совсем жизни нет.

– Есть, – негромко и твердо возражал мальчишка. – Я лучшего места не видел пока. Там мой дом.

– Да что ты заладил... не дом, а глушь, – морщился Хиранэ. – Да и места нездоровые. Сколько у вас умирают?

– Я ушел, только чтобы помочь им, – отвечал Йири. – А вам я буду благодарен всегда...

– Щенок ты лесной собаки! – беззлобно говорил старший. – Ну, хватит болтать. Дел для тебя достаточно.

...Он учился новому так же естественно, как солнце бросает тени на землю. Словно всем существом решил, чувствовал – то, что сейчас дают, нужно успеть понять и запомнить. Йири не думал о том, что он – деревенский мальчишка, доля которого – жить так, как и все его родичи, и не знать судьбы выше. Он не хотел ничего лучшего – просто брал то, чему его могли научить, жадно схватывая суть, не гадая, зачем ему эти знания, и был благодарен за них.

Так в раннем детстве он выучил *яну*. Так учился любой, даже тяжелой работе. Так осваивал кисть и резец.

Эйсен – горы севера – были огромны и холодны. Скрытые вечным туманом, они словно покачивались, шепча себе колыбельные. Караван ехал мимо, и Йири не мог оторвать взгляда от гор. Умирающая мокрая трава поздней осени, грязь под копытами и колесами повозок – и горы. Холодные, серые, далекие от жизни и смерти.

Разглаживая пальцами последний цветок медвяницы, Йири задумчиво смотрел сквозь тусклую взвесь дождя. Алые лепестки еще жили, но, похоже, и сами знали свою обреченность. Тетка говорила, что на цветок медвяницы была похожа его мать... Все ли живы дома, в деревне? Наверное... Умирают чаще зимой и ранней весной.

Ему казалось, что караван вечно бредет по сырому туману...

Прошел еще месяц. Теперь повсюду был неглубокий снег. А по ночам небесными тропами бродило созвездие Волка, *анна-и-Ёро*.

– Возвращайся, – однажды сказал Хиранэ. – Мы до весны не двинемся с места, остаемся в соседнем селении. Скоро будут твои родные места. Доберешься один? Два дня пеш-

ком. Дорога видна хорошо, мимо храма Святого Травника в Эйке, как раз там заночуешь... Только на днях там были паломники в честь наступления зимы, – не собьешься.

«Доберешься один»... Йири не думал, что это будет так трудно. Он привык переносить холод, и, хоть одежда его была залатанной и довольно легкой, чувствовал себя неплохо. Утро, когда он покинул караванщиков, выдалось солнечным и морозным. Снег слепил глаза, дорога была пуста. Кусты, усыпанные сухими сизыми ягодами, манили к себе стайки пестрых синиц. Птицы неохотно взлетали, стоило мальчишке приблизиться.

Одиночество на зимней дороге не пугало Йири, волков в тех краях почти не водилось. Он хотел поскорее попасть домой, шел быстрым шагом, надеясь к вечеру добраться до храмов Эйке. Там можно заночевать. Служители – почти отшельники – пустят мальчишку. Он мысленно видел перед собой почерневшие деревянные крыши, резные темные стены, чувствовал слабый дым смолистых корней, наполняющий маленький зал... Однако ближе к вечеру пошел сильный снег, а после поднялся ветер. Йири понял, что не успеет добраться до Эйке.

«Заступница Иями, Кори-са, помогите мне добраться домой», – взмолился он, с трудом бредя по дороге. Нелепо будет замерзнуть тут, недалеко от родной деревни, так и не донеся до родных заработанных денег. Ветер дул так, словно пытался разорвать в клочья одежду Йири. Колющий снег жалил лицо. «Я... не дойду», – обреченно подумал мальчишка, но продолжал идти. Он был уверен, что пока не сбился с дороги, но не знал, долго ли она еще будет вести его. Сойти с дороги значило умереть. Несмотря на юность, Йири хорошо знал, что такое смерть, как и любое дитя крестьян знал, что жизнь его может быть очень короткой. «Только не сейчас», – просил он Иями.

В конце концов силы у него кончились. Он упал на тропу, которая скорее угадывалась, чем виднелась. Темнота неумолимо надвигалась. Йири сжался калачиком, пытаясь согреться. Потом ему захотелось лечь в снег и не двигаться отсюда до весны. Весной паломники снова направятся в Эйке, они разбудят его и возьмут с собой. Он закрыл лицо руками, мокрыми от снега. Рядом, по колено в сугробах, танцевали голубые журавли Иями. Они вскидывали сильные крылья, и снег вихрился от их ударов.

Внезапно мальчишка вскинул голову. Прикусил губу и посмотрел в сизо-белесое небо.

– Меня ждут дома! – тихо и очень упрямо сказал он лохматому ветру. Побрел наугад, поскольку тропу различить был не в силах. Чутье, присущее диким зверям, просыпалось в нем.

«Это просто зима. Звери переживут эту зиму. Неужели человек хуже их?»

Звери не нуждаются в хижине. А Йири был рад увидеть ее. Радовался он несколько рано – перед ним была не хижина, а беседка. Однако он понял, что добрался до Эйке. Только вышел к нему с другой стороны. Йири вошел в беседку, задвинул дверь за собой. Тут было холодно. Однако тут не было ветра. На приступке в нише стоял светильник, в котором еще оставалось масло. Йири зажег огонь.

Огляделся. Маленькая, уютная беседка, стены изнутри украшены грубоватой резьбой. Небольшая плита из родонита, камня врачей. Только тут не теплее, чем за стенами, разве что ветра нет. Йири опустил на колени, прошептал короткую просьбу о прощении. Ему нельзя умереть, оставив без поддержки семью.

Небольшим тяжелым ножом он отделил несколько реек от задней стены, положил их на каменную плитку. Развел костер, благо было чем его подкормить – остатки масла из светильника огненной струйкой пролились на сухую древесину. Костер небольшой – но достаточный, чтобы до утра продержаться в беседке...

«Просится ли это мне?» – думал мальчишка. Он всегда чтит обычаи. А теперь... У него был выбор только – умереть или взять то, что он считал неприкосновенным.

...Было тихо-тихо, даже огонь хрумкал ветками неслышно, словно не уверясь в собственном праве тут находиться. Йири рассматривал пламя, расцветающие в нем огненные бутоны – глаза его слипались, голова начинала клониться книзу. Вдруг за стеной взвился и засвистел ветер – и в нем явственно послышался девичий смех, задорный, дразнящий. Йири застыл, беспомощно глядя на дверь.

Кто это был? Человек, девушка – ночью, вдали от жилья? Так могла смеяться дочь лесовика – юо – но те обычно спят зимой. Какой-нибудь местный дух? Но какой? Из тех, кто безобиден для человека – или из шутников, способных загнать человека зимой в снежную яму – отдыхай до весны... Или...или кто-то из тех, кого он боится больше всего – да и не он один. Говорят, даже в столице ииширо-Забирающих Души не поминают попусту. Пальцы мальчишки стиснули амулет. Но призвал он не хранительницу деревни, а Иями-Заступницу, на которую надеялся больше всего. Девичий смех прошелестел совсем рядом – а после словно теплая рука легла на плечо мальчишки. Йири повернул голову, посмотрел внутрь беседки. Никого. Что ж... Страх прошел. Кому бы не принадлежал смех, существо не было злым. Ветер стих – и оно ушло с ветром, исчезло в снежной ночи.

Потру он нашел полузанесенную снегом тропинку. Добрался до храмов Эйке – монахи отогрели его, накормили. Про изуродованную беседку слушали, качая головой, однако недоброго слова никто не сказал.

«Ты остался в живых, малыш – по сравнению с этим доски значат не больше, чем летом – растаявший снег. Весной мы починим беседку». Буро-желтая одежда монахов, казалось, излучала тепло, и теплыми были слова. Йири низко склонился перед ними, благодаря за заботу, намереваясь сейчас же отправиться дальше. Однако, поднявшись, он почувствовал, что куда-то падает – а потом большая желтая птица несла его куда-то, и там было хорошо и спокойно...

Он отсыпался целые сутки. Маленькая комнатка, увешанная циновками, была очень простой, почти бедной, однако такой уютной. Телу так не хотелось ее покидать – хотя сердце рвалось в родные места, которые были совсем уже близко. Казалось, зеленая халцедоновая фигурка на шее Йири начинает дышать в предчувствии дома.

...Услыхав далекие голоса, приветствия – а впрочем, какое там «услыхав», домик стоял на отшибе – девочка побежала по тропинке, позабыв вязанку хвороста возле порога. Завизжала, видя фигурку, черную на утреннем ярком снегу. Кинулась брату на шею – чуть не свалила его в сугроб. Мальчишка прижался щекой к волосам сестры, обнимая ее – он был дома.

А потом был огонь очага, насытная похлебка из корней и сухих овощей, кашель дяди и причитания тетки. Сестренки, изменившиеся за три с половиной месяца. Или просто он раньше не замечал? Старшая, с круглым плосковатым лицом, была теперь вылитая тетка Йири, только молоденькая. Коренастая, чуть неуклюжая, обычно такая медлительная, она суежилась возле брата, глядя на него с бесконечной преданностью. Младшая, Аюрин, шустрая, остренькая, юркая, как водяной уж, расспрашивала Йири, не переставая, поблескивала черными глазами, одергивала младшего брата почему зря. А тот, всегда ревниво относившийся к Йири, теперь, похоже, соскучился искренне и был рад, непривычно, неловко тянулся к вернувшемуся подростку. Впервые Йири было так хорошо. Впервые все суежилось вокруг него. И делать ничего не хотелось, было приятно просто смотреть на родные лица, огонь и отвечать на вопросы – хотя и говорить не особо тянуло.

Денег он привез немного – однако семья переживет эту зиму спокойно, если, конечно, Иями и Кори-са будут милостивы к ним.

– Ты снова уйдешь? – спросила старшая из сестренок.

– Если все будут здоровы, уйду.

– Знаешь... – она чуть покраснела, – сын кузнеца сказал, что я ему нравлюсь, и он подождет, пока я войду в возраст, а потом возьмет меня в жены.

Йири подумал немного, пытаясь представить, будут ли они хорошей парой. Кажется, да.

– Ну...Листья опадают не сразу. Это не скоро.

Сестренка коснулась его отросших волос, которые он теперь для удобства собирал в хвост, как многие на северо-востоке.

– А еще отец говорил, что дочь нашего соседа, господина Сотэ, увезли в город. Счастливая, правда? Она богатая и красивая, а в городе ее еще научат всякому, наверное...

«Лин».

Йири помолчал пару секунд, потом грустно улыбнулся. Кончилась сказка. Опустел навсегда изогнутый мостик. Кто будет отражаться в маленьком светлом озере? Ветви и облака...

2. Желтый цветок

Столица

Голос, немного надтреснутый, убаюкивал.

– Когда-то в нас текла одна кровь. Мы были родственниками, не самыми близкими, но все же... Наши девушки становились их женами, и наоборот. Давно это было... Тогда отдельные племена кочевали по нынешним землям тхай и сууру-лэ. Потом мы встретили пришедших с той стороны пролива, селившихся на наших землях. Они дали нам знания. Но сууру хотели другого. Они построили свою жизнь на развалинах Талы. Много войн было между нами, пока не определились границы. Тогда мы стали чужими друг другу. Они больше склонны к показной пышности; там, где сууру открыто тщеславны, тхай холодны. Но мы ближе им, чем синну, хоть в последнее время между нами и детьми Огня мир. А с западными соседями настоящего мира у нас не будет никогда. Мы слишком похожи.

– Скажи, наставник ... – Хали задумалась. – Мы считаем их равными, синну же – варварами. Ты сам сказал – в нас одна кровь текла раньше. Почему же мир между нами держится на кончике иглы? Неужели столько в нас спеси, что мы не желаем терпеть равного рядом?

Она облокотилась на руку – и так, полулежа, походила на статуэтку из светлого дерева, на одну из тех, что стоят в храме Защитницы. Невысокая лежанка без спинки, застланная синим бархатом с узором из мелких желтых цветов, причудливо изогнутые, на манер стеблей, светильники, столик и мягкий кубик сиденья для учителя – вот и все убранство комнаты. Тхай любили изящество, но не перегружали дома лишними вещами. Их мебель была проста – сиденья и кровати сууру, с высокими спинками, со множеством резьбы, позолоты рядом с ней казались тяжелыми.

– Насколько все проще у синну: любишь – люби. Значит, есть за что. Друг – значит, все пополам. Ненависть – сразу, но пока не успокоится ее яд в крови... А здесь – можно ждать годами возможности мести, и часто нельзя сразу ударить... И простить тоже нельзя.

– Поэтому и называем их варварами, – покачал головой учитель. – Владеть собой не умеют. Ждать не умеют.

– А надо? Чем сдерживать свой огонь и от врагов, и от друзей, не лучше ли дать ему выйти наружу? Ведь и у тхай горячая кровь, горячее, чем в сууру – те льстивы и текут, как ручей...

Она побарабанила пальцами по обивке. Сверкнуло кольцо с хризолитом – крошечный, острый кусочек солнца. Она понимала, почему отвернулся и перебирает листки наставник. Он не хочет выдать себя: в очередной раз Хали показала, что в ней течет варварская кровь. А учитель любит ее, как можно любить стоящую выше девочку – полукровку. Что с того, что ей уже почти 15? Для него она долго будет ребенком. А для отца давно перестала им быть.

– В горы хочу, – выдохнула она. – Помнишь цветы – колючие стебли, а сами синие? Там такие растут, много... И реки там быстрые... помню... с матерью были...

– Четыре года вам было, госпожа, – напомнил учитель.

– Помню... Все равно помню... Холодная вода по камешкам... а возле Дома-на-реке вода глубокая... – она встала, прошла по комнате.

– Иди, мой учитель, – поблагодарила поклоном – коротким, однако почтительным. – Кончен урок...

Он поклонился и вышел – бесшумно. Среди тхай многие двигались так. Не вкрадчиво, как сууру-лэ, и не размашисто, как синну, не робко, как Береговой народ.

Почти сразу вошла Амарэ. Годом младше, только что взятая во дворец и сразу отмеченная Хали. Понимали – если и дальше будет она по душе госпоже, станет в ряду самых доверенных дам. Подругами они не были – Хали вообще не знала подруг. Но Амарэ не мешала

ей никогда – и никогда не сердила. Спокойная, словно ель, была эта уже по-взрослому красивая девушка. Отец ее, главный распорядитель Дворца-Раковины, понимал и гордился – не только его званием держится дочь возле Желтого цветка тхай. Сама достойна.

– Что принесла?

– Рисунки, – Амарэ положила на столик на удобные для чтения части разрезанный свиток. Пожелтевшая бумага, но краски яркие.

Такие редкости служанкам не доверяют – разве что самым опытным.

– Красиво...

Давно умер художник, а белые цапли взлетают над озером, и ветер колышет невесомые ветви. И по тропинке в горах идет одинокий путник, идет, лица не видно – да и не нужно оно. Сразу видно – и душою он одинок, а в глаза смотреть одиноким нельзя. Твои такими же станут, чужая тоска в них перейдет.

* * *

«В области Хиё много обычаев, отличных от наших. Провинциалы юга часто заплетают волосы в косу, как принято у жителей Шавы. И это неудивительно – многие предки шаваров переплывали пролив и селились на южной оконечности Тайё-Хээт – Земель Солнечной Птицы. У них грубоватая, малопонятная речь, в которой много слов языка южан. Согласные они произносят несколько в нос. Любят одежды красного и бурого цвета, украшают тело и лицо татуировками и более смуглокожи, чем люди Тхай-Эт. Особенно это видно в провинции Сой, тогда как ближе к Эйя почти не заметно.

С востока Земли Солнечной птицы граничат с землями синну.

С севера – с племенами ри-иу, или ри-ю, как их называют у нас.

Люди северо-запада отличаются от большинства населения Тайё-Хээт так же, как и южане. Когда-то давно племена ри-ю кочевали по всему северу. Потом они разделились, и часть их ушла на запад. После они вернулись и поселились вблизи земель Тхай. Один из правителей древности расширил свои владения, и ветвь племен ри-ю оказалась под его началом. Они приняли это, как должное – может быть, и не совсем так тихо, как гласит легенда, но войн с ними не было.

До сих пор в провинциях северо-запада чувствуется след иного народа. Особенно в провинции Хэнэ. Речь там богата странными оборотами, жители, говоря, удлиняют гласные. Эти люди не устраивают погребальных костров, а оставляют своих мертвых в земле. Многие носят коротко обрезанные волосы; впрочем, даже в столице многие переняли эту моду, уже давно – однако на севере даже у женщин такая прическа не считается некрасивой, а в некоторых деревнях добровольно срезают волосы в знак глубокого траура. Многие из этих людей, как и ри-ю, невысоки и тонкокостны, с более светлой кожей, чем уроженцы иных областей. Однако они гораздо спокойнее и более мирные, чем люди северных племен, измучивших север Тхай-Эт постоянными набегами. У них самые необычные сказки, и их гораздо больше, чем в других областях. Видимо, бывшие кочевники собирали сказания всех встреченных когда-то народов, и переплавили их в одном огромном котле.

Синну приблизительно такого же роста, как и тхай, но с более крупными руками и ногами, более крупными чертами и широкими лицами. У них часто встречается рыжий оттенок волос. Их женщины высоки и сильны».

Кисть роняет легкие знаки – Хали пишет заданное учителем. А после, другим почерком, на листах бумаги иного цвета – свое...

«Мирэ недолго служила мне, но я успела привязаться к ней. Она была светлая и веселая. Чем-то похожая на Амарэ. Часто напевала себе под нос. Ее приняли в число моих «внут-

ренных» дам и поселили в Желтом дворце только потому, что она красивая. Отец ее какой-то офицер в младшем чине. Сначала я была против навязанной мне девицы, но не говорила ничего. Однако к Мирэ сложно чувствовать неприязнь. Старшие дамы помыкали ею, как угодно, пока я не вмешалась.

Она хорошо вышивала и ухаживала за моими птицами, словно простая служанка. Около полугода прошло. А пару дней назад мне донесли, что Мирэ верит в учение *Той*, пришедшее к нам от сууру, и не просто верит – это было бы еще полбеда – но весьма любит рассказывать о нем служанкам и младшим девушкам. А суть его такова, что, какую жизнь выберешь, от того и умрешь. Смелый – через смелость свою, щедрый – от щедрости, доброго обречет на смерть доброты. Как слушаешь – и впрямь жить не хочется.

Я вызвала ее к себе. Она пришла – в ярко-зеленом, как бы оправдывая свое имя, радостная. Когда я начала спрашивать, она расплакалась. И что с ней было делать? Я не хотела ей зла, я бы просто удалила ее из дворца. Однако все дамы уже знали о ее рассказах, хотя она не успела обзавестись сочувствующими. Я спросила – когда она стала верить в *Той*. Она отвечала – ей давно казалось, что это правда, а после смерти сестры поверила окончательно. Я спросила – зачем она смущала моих женщин подобными настроениями. Мирэ снова расплакалась.

Я с удовольствием выпроводила бы ее с Островка, не более того. Хотя я не люблю учение *Той*, поскольку оно внушает полную безнадежность – странно, что хохотушка Мирэ прониклась им.

Ночью я смотрела на пробивающийся сквозь занавеси лунный свет. Что сделала бы моя мать? Ей всегда были безразличны верования тхай, хотя она и выказывала им уважение. Но я так не могу. Меня глубоко задевают многие вещи, оставлявшие равнодушной мою мать – она была сильной и знала, что ей делать. А посоветоваться мне не с кем. В детстве она, умершая, приходила ко мне, и я говорила с ней, пугая прислужниц. Потом начала только снится. А теперь я не вижу ее даже во сне.

Я встала и кругами бродила по комнате, в конце концов перепугала проснувшуюся девушку из младших, спавшую по ту сторону двери. Она робко постучала – ей почудилось, что в моей комнате призрак.

В серебряном зеркале и впрямь отражалось какое-то странное существо – высокое, в светлых одеждах, с двумя длинными косами, очень просто заплетенными на ночь, и с огромными недобрыми глазами. Какая-то сова-оборотень. Неудивительно, что девушка испугалась.

Я сама зажгла светильник, села и начала писать. Записки – хороший способ собрать мысли воедино. А ныне мои мысли – какой-то неряшливый букет из лопухов и крапивы. Было бы, что собирать.

Если я всего лишь удалю от себя Мирэ, поднимется глупое, тщательно скрываемое кудахтанье среди старших женщин. Мне все равно. Однако отец будет мной недоволен. Я не имею права на это».

* * *

«Я сделала все. Мирэ будет выслана в место под названием Солёный Ключ, глухую деревушку на северной границе. Там живут уже несколько подобных ей женщин. За ними строго присматривают. Вряд ли ей суждено вернуться оттуда. Я разрешила ей взять с собой только двух служанок и немного денег. Если служанки умрут, других себе Мирэ там не найдет. Сегодня мои дамы восхваляли мою справедливость. Противно. Они-то невзлюбили Мирэ с самого начала.

А Мирэ только сказала, что теперь окончательно уверилась в правильности учения Той. Пожалуйста... пусть рассказывает свою истину горным воронам на севере.

Лучше бы я родилась в доме военного невысокого чина – говорят, они сильнее любят своих домочадцев. Тогда я писала бы стихи и новеллы, гуляла в синих летних сумерках в маленьком садике в сопровождении белой кошки и не знала забот».

Мирэ увезли с Островка. Она была одета в зеленое и издалека выглядела ярким веселым камешком – кусочком малахита. Лица ее почти никто не видел.

Юини, молодой офицер, получил от Хали пропуск и большой ящик из темного дерева – вместе с приказом следовать за теми, кто везет Мирэ. Хали не сомневалась – его не заметят, и он передаст порученное в руки Мирэ в глухой деревушке. Он с обожанием глядел на высокую девушку с холодным лицом – один из немногих, кто по-настоящему был предан ей – по велению сердца, не долга.

Он не знал, что содержит большая посылка.

А там были деньги – и украшения, которые можно продать. И любимая книга Мирэ, стихи древнего поэта, со старыми, но яркими рисунками. Бесценная книга.

Об этом никто не узнает – кроме той, кому предназначена посылка.

«Мать была бы довольна мной, – с грустью думает Хали, перебирая свои густые каштановые пряди. – Нельзя бросать тех, кто верен тебе. Даже если ты не одобряешь некоторых их поступков».

«Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой луну».

3. Долг

Сказка о Возрожденной

Сложилось так – у старика и старухи не было детей. Зря молила добрая женщина духа – защитника деревни, – его статуя из красного дуба стояла в маленьком храме в роще высоких ясеней. Зря упрашивала других Бестелесных. Все они были глухи к ее слезным речам. «Неужели мы так и умрем – одинокие, не оставив никого после себя?!» – воскликнула женщина однажды и, плача, пошла из храма домой. Что-то блеснуло в пыли – женщина нагнулась и подняла золотое зерно. Принесла зерно домой, зачем-то смастерила колыбель из тростника, положила находку туда и заснула подле своего старика. Разбудил ее и мужа громкий плач. «Что за диво?!» – воскликнули старые люди, видя большую колыбель на столе, и в ней близнецов – мальчика и девочку, неотличимых лицами друг от друга, как зерна одного колоса. «Услышаны мои молитвы!» – воскликнула старуха. Назвали детей похожими именами. Росли они – загляденье. Нездешние – золотоволосые, золотоглазые. Все у них сподобилось, быстро они выросли. Нашли дела себе по душе – сын охотился, дочь вышивала так, что мастера диву давались – и безбедно зажили старики. Одна беда – приглянулась их дочь местному правителю, и пожелал он забрать девушку себе. Не захотел брат отдавать сестру, вступился за нее – и был убит. И хотел бы правитель исправить свершившееся, да то было не в его власти. Но он не отступился от девушки, и вновь послал за ней своих приближенных. Тем временем горе было в деревне. Положили на костер тело юноши, и только взвилось пламя, как окружили костер и собравшихся жителей воины правителя. Даже законы скорби нарушил он. Никуда не деться красавице... Побежала она – и в пламени скрылась. Надежно укрыл ее костер брата, вспыхнул так, что все небо среди дня полыхнуло. А люди все словно окаменели...

А когда остыла зола, хотели люди собрать ее – и тут золотая птица взлетела из пепла. Птица-асаэ прозвали ее, Возрожденная. Не боится огня эта птица – даже сгорев дотла, возрождается вновь. Рождена она душами умерших, не отдавших свободы и гордости, и страха не знает, – значит, и бояться ей нечего. Говорят, красива та птица – золотом и огнем переливается ее оперенье...

Северные дороги

Вечером, когда караванщики отдыхали, приятели часто садились в стороне от общего круга и разговаривали. Когда говорил старший, Йири смеялся и не верил ему, когда заговаривал младший, Кенну хватался за голову и уверял, что Йири в детстве стукнула копытом лошадь – прямо по голове. Станные были у Йири вопросы.

– Ты когда-нибудь видел море?

– Нет. Море – не про меня. Что там? Большая соленая лужа. Там еще штормы, говорят, бывают – бррррр. Волны до неба.

– Говорят, голубые тэммоку прилетают оттуда. И ветер дует с Островов Лотоса. Если встать под этот ветер, станешь моложе.

– Ну, мне пока незачем, – подмигивал Кенну. – Да и тебе – что, в колыбели давно не лежал?

– Смешной ты, Кенну. Ты же сам веришь в это. А вслух не желаешь признаться.

– Поживи с мое, повидай, сколько я, тоже станешь таким. Ты не смотри, что я молод. Я за свою жизнь, почитай, треть Тхай-Эт обошел.

– А я и забыл, что ты у нас старичок, опытом умудренный... Или нет, ты – рыжий лис, притворившийся человеком. – Он легонько дергал его за пышный хвост на затылке.

За зиму кожа Йири посветлела слегка, и была теперь золотистой. Он немного подрос, однако самоувереннее не стал, и в толпе был незаметен – молчаливый, то смотрящий вдумчиво, то опускающий ресницы, уходя глубоко в себя.

– В тебе и вправду есть северная кровь. Ты похож на ри-ю, только ты лучше, – говорил Кенну.

– Ты судишь по словам господина Хиранэ?

– Да я и сам их видел, – парень хитро прищурился. – Невысокие, юркие такие, с виду – мелочь, плевком перешибешь. А поди ж ты – как лезут, так хуже мышей напасть.

– Спасибо, – рассмеялся Йири, на камне углем рисуя забавно – свирепую рожицу.

– Я говорю, кровь в тебе эта есть, – пояснил Кенну. – У них кость мелкая, лица острые. Да и глаза зеленые у всех, почитай. И много ее, этой крови, по Тхэннин гуляет...

Йири завернулся в кэссу, поправил ее, сползшую с плеч. Кенну задумчиво продолжал.

– А ты смотри, осторожнее. Такому-то... Много вокруг тебя объявится всяких... Ты хороший мальчишка. Только защищать себя совсем не умеешь.

– Может, и сумею, Кенну, – усмехнулся подросток. – Там видно будет. Не вся ведь защита – кулаком по морде.

– Это смотря где. Ну, да пока я с тобой, – полушутя, полусерьезно заметил Кенну, и голос его был много теплее, чем обычно.

Крепко они сдружились. И чем дальше, тем больше хотелось Йири довериться рыжему караванщику, получить совет старшего.

– Ты кого-нибудь любишь? – спросил он однажды. Кенну чуть не подавился похлебкой.

– Вопросыки у тебя! Себя, драгоценного – кого же еще?

– И это все?

– Слушай, мне девятнадцать лет. И я не собираюсь лишать себя радостей жизни из-за одного существа.

– А... – Йири замолк, не договорив.

– Понятно. Сколько тебе стукнуло, братишка?

– Мне? Я родился в самом начале месяца Рыси. Вероятно, уже тринадцать. Хотя я не надевал белую *тэй* – я же ушел с караваном.

– И уже угораздило? Бедный.

– Нет. Так... полнее жизнь. Хотя... у тебя своя правда.

Оба замолчали, слушая пробовавших голоса лесных сверчков.

– Да не знаешь ты жизни, – неожиданно зло сказал Кенну. – Ты – ребенок еще. Сердце у тебя детское. Тебе нужно гораздо больше, чем придуманная тобой звезда на небе, кто бы это ни был. А по годам ведь почти уже взрослый. Не трать жизнь на эти бредни пьяного пересмешника, ну их...

– Не знаю...

– Зато знаю я. Я могу показать тебе многое. Ты даже в монастыре был, а в Алом квартале – ни разу. Неправильно это. Там танцы, музыка, смех, красивые лица. Ведь ты тоже хорош. А смотришь не на людей, а на реку с выражением статуи. Идем со мной! Мы скоро будем в городе – идем!

– Да не знаю я, Кенну...

– Ты... просто дикая лесная зверушка. Чего ты боишься? Жизни?

– Я? Нет.

– Тогда идем. Не бойся, я не брошу тебя в погоне за *аширини*.

– Ты хороший, – улыбнулся Йири. – И все же – пока я не знаю.

...Он тихо напевал что-то, склонившись над лижущим хворост язычком пламени – новорожденным костром. Голос был – шелест ветра, едва различимый, но верный. Казалось, мелодия не хочет покидать губ, на которых возникла. Кенну прислушался – темные, мягкие звуки; такие песни поют малышам в деревнях, ласковые и печальные песни. В этой было что-то о конях, речном тростнике и ожидании. И Кенну, беспечный, порою развязный, не осмелился подойти ближе.

Менялось что-то вокруг – или менялся он? Теперь караванщики вели себя с ним немного иначе – уважительней, что ли. Старший, Хиранэ, только улыбался краешком рта и чуть качал головой, глядя на Йири. Теперь даже Райху придерживал язык. Даже как-то наладился поговорить за душу. Странно это было. Рассказывал о мытарствах своих – вполне приличным человеком казался, хоть и с языком не в меру злым.

И все же Кенну напрасно звал его в Алый квартал. Йири хотелось взглянуть на танцы и представления, он видел их только во время остановок в селениях – туда забредали циркачи и прочий веселый люд. Однако остальное привлекало и отталкивало одновременно. Он никак не мог проститься с тем, что чувствовал, поджидая появления Лин. Не только не мог – не хотел.

Когда-то старый корзинщик рассказывал ему о человеке, потерявшем любимую и жившем на поросшей сосновым лесом горе. Тридцать лет он сочинял песни о пропавшей подруге, а на тридцать первом году встретил девушку, похожую на нее, как два гречишных семечка сходны между собой. Он пел ей вечер и ночь, а потом умер. А девушка, по слухам, появляется на склонах горы во время тумана...

Йири знал, что жить мечтами и ожиданиями – не для него. У него есть семья. Он отвечает за тех, кто остался дома. Значит, нужно идти вперед, а не ждать на сосновой горе.

– Ты еще очень молод – ребенок, – сказал ему Кенну. – Не пытайся себя убедить, что пережил встречу всей своей жизни. Плюнь и забудь. Или не забывай, но не делай из себя тень.

Йири пристально посмотрел на него, повернув голову.

– И так, и не так. Но считай, что ты меня убедил.

Сорвал травинку, растер в пальцах до появления острого запаха сока.

Ветер дует с разных сторон. Посмотрим, что мне сможешь показать ты.

А на Севере становилось все беспокойней. Северо-восток всегда отличался трудным нравом, однако сейчас беспорядки затронули и области Северо-запада.

Приходилось принимать жесткие меры. Много людей лишились всего. Нищих в Тхай-Эт не терпели – их отправляли на работы в соответствии со здоровьем, а ни к чему не пригодных принимало Небо, и по своим законам судило.

В провинции Хэнэ довольно тихо было, жителям даже предоставили некоторые поблажки – слишком много бедных деревень насчитывалось там, взять с людей все равно было нечего.

А диких пчел не стоит выводить из себя...

Йири чинил уздечку, ласково отпихивая морду Сполоха. Тут, на пригорке, было тепло – нежно-зеленая трава, желтые цветы с кудрявыми лепестками. Часть караванщиков столпилась внизу – похоже, люди не могли о чем-то договориться.

Разговор донесся до Йири, и тот не сумел удержаться – с таким азартом спорили люди. Он подошел, стал неподалеку, не выпуская порванной уздечки из рук. Кажется, его даже не заметили.

– Не хочешь отдавать – не бери, – горячился один из караванщиков. Ему возразил Кенну, нарочито лениво, но с искорками смеха в голосе.

– Да брось. Тот сам предложил помощь.

– А такие, как ты, и рады кусок ухватить, лишь покажи!

Йири застыл в нерешительности, не поняв, о чем речь, и собрался тихо вернуться на место.

– А ты что скажешь, совесть нашего каравана? – громко спросил Райху, заметив мальчишку. И тут же громко хмыкнул, словно сказал смешное.

– Я... не знаю. О чем? – все взгляды обратились к нему, и лицо Йири залила легкая краска.

– А вот загадка, как раз для такого умника, – Райху присел перед ним на корточки, этим словно показывая, какой Йири взрослый и сколь весомо его слово.

– Если один человек долго жаловался, а другому это надоело, и он помог, первый должен быть благодарным?

– Должен.

– А он знать его не хочет. Я не просил, говорит.

Пара человек засмеялось – уж больно забавно это получилось у Райху.

– Все так и было? Это правда? – недоверчиво спросил мальчишка.

– Правда, правда, – подтвердил кто-то. – Только речь о деньгах и товаре шла.

– Ну, как можно деньги и совесть равнять, – засмеялся рыжий приятель Йири.

– Следует возвращать любой долг, – твердо сказал мальчишка. – И, даже если не просил помощи, следует быть благодарным.

– Возвращать? Любой? – прищурился Райху. – А ты плавать умеешь? Может, столкнуть тебя в речку, а после вытащить?

– А здесь мелко, – притворно сожаляющим тоном ответил за младшего друга Кенну. – Только в иле перемажешься. Ты же неповоротливый.

Ночь выдалась необычная – седая. И звезды были подернуты сединой.

– Скоро дожди начнутся, – сказал Хиранэ. – Недолгие, но сильные.

У ночных костров сегодня особо не разговаривали. Сонные были все. Около полуночи волки завyli – сначала неподалеку, а потом за холмами отозвались.

– Волки? – завертел головой Кенну. Хиранэ ответил:

– Тут мало волков. И трусливые. Не нападут.

– Мало, всего два, – Кенну фыкнул. – Один тут, другой за холмом. Сидят, друг друга боятся.

Он протянул руку в темноту, нащупал ухо младшего приятеля, потянул.

– Эй, а ты волчар не боишься?

– А ему что бояться? Он оборотень, – тут же прилетело с другой стороны.

Йири молчал, улыбаясь. Ему было хорошо.

Идти было еще долго, долго...

* * *

Он рад был снова увидеть Орэн – река не изменилась ничуть, такая же ласковая. Только на сей раз караван сразу направился к горам. В предгорье Эйсен было куда красивей весной, нежели поздней осенью. Цвели сливы и вишни – нежной пеной, казалось, окутаны ветви; множество розовых, белых и желтых цветов покрывало крутые холмы. А степь между ними была – словно зеленые шелка разбросали.

Вблизи гор леса начались, знаменитые северные, во многих стихах прославленные. С ветвей порою свисали длинные пряди мха; птичье многоголосье вплеталось в речь караванщиков.

– Говорят, тут нечисти много, – осторожно роняли люди, в сумерки оглядывались по сторонам.

Но день сменял день – и разве мелочь какую удавалось краем глаза увидеть; но та исчезала мгновенно.

Засвистели стрелы, и двое охранников забились в судорогах на земле. Еще несколько караванщиков были ранены. Стрела ударилась о борт телеги возле уха Йири, пробила дерево. Он шарахнулся в сторону – и тут же качнулся обратно, не успев подняться на ноги. Из лесу с двух сторон выбежали люди с ярко-зелеными платками на лицах. Больше они не стреляли, набросились на караванщиков молча и с какой-то звериной яростью. Заговорило железо, и звук его был холодным и страшным.

Йири замер на земле у телеги, огромными глазами глядя по сторонам и не зная, на что решиться. Поначалу он даже понять ничего не успел. Как, оказывается, мало времени надо, чтобы убить человека. Достаточно взмаха ножом...

Его не заметили – или не сочли достойным внимания. Вероятно, Йири мог убежать – но он даже не подумал об этом. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Он должен был сделать хоть что-то, чтобы помешать... чтобы помочь... У мальчишки не было не то что оружия, под рукой не нашлось даже подходящего камня – но даже камень вряд ли помог бы. За всю жизнь Йири ни разу не ударил живое существо.

Хиранэ... он один стоил половины охранников. А те, кому не досталась стрела, хоть и дрались отчаянно, погибли быстро. Долго держался Райху – склочный, противный Райху, который крикнул подростку «Беги, недоумок!»

Быстро... так быстро...

Один из бандитов прыгнул за спину Хиранэ и замахнулся ножом. Миг – и мальчишка повис на занесенной руке. Тот – высокий и широкоплечий – попытался избавиться от помехи, и не смог. У Йири были крепкие руки. Он сумел удержать нож до тех пор, покуда клинок Хиранэ не снес нападавшему голову. Кровь брызнула на Йири. Много крови, целая струя. Перед глазами все закружилось, Йири шагнул назад, словно в тумане, обернулся. Увидел тело Кенну, лежащего, раскинув руки, обнимающего небо. Вновь оглянувшись, увидел, как стоит на коленях Хиранэ, зажимая ладонями бок. Йири качнулся к нему – и в этот миг горло сдавила чья-то рука. Сделав судорожный вдох, подросток дернулся в сторону – и тут же перед глазами поплыли бурые пятна. Чужие руки подхватили его и бросили на жесткие корни.

– Какая славная куколка! – услышал Йири сквозь звон в голове.

Над ним склонились разбойничьи рожи, наполовину скрытые платками.

– Неужто это мальчик? Наверное, переодетая девочка.

– А вот сейчас и проверим, – хмыкнул другой, со сползшим платком, сжимая плечо Йири.

Мальчишка рванулся из этих рук молча, с неожиданной силой, ударил по ухмыляющейся роже – улыбку с той просто снесло – но ответный удар под ребра почти лишил его дыхания.

Воздух жег Йири горло, сердце словно хотело проломить ребра и вырваться наружу. Ругань. Смех, в котором еще не остыла жажда чужой крови. Корни, узловатые, перекрученные. Влажная глина. Его собственный крик.

– Не верещи. Живым оставим, не бойся, – услышал он хриплый насмешливый голос. Перед глазами поплыли кровавые пятна...

Он уже не кричал. Дыхания не хватало даже на стон.

Он уже не понимал, что происходит. Почти ничего не видел.

...Почувствовал, как в горло вливается обжигающе-едкая жидкость, едва не задохнулся. На миг в глазах прояснилось. Потом все опять потеряло цвет.

Кажется, его куда-то везли. Он видел небо и листья, какие-то тряпки возле лица, но мало что сознавал. Кажется, кто-то из караванщиков обращался к нему... он слышал смех

Кенну, тот рассказывал очередную байку. Мальчишка хотел обернуться, позвать приятеля, но не смог. Все тело горело, и в то же время казалось, что его бросили в ледяной поток и течение швыряет Йири о камни.

Потом не стало ничего.

* * *

Столица

– Привезли голубей, госпожа. Не хотите взглянуть?

– Нет. – Хали зябко повела плечами, одетая чуть не по зимнему. Вот только цвет... Темно – желтая ткань, коричневые узоры – плохая гармония с яркими платьями прислужниц.

– Вы только взгляните. Среди них есть очень красивые и редкие птицы. С венцами из перьев...

Говорила молодая женщина с властным точеным лицом. Кору из дома Мийа, чей знак – Зимородок, *Кьоро*. О ней отзывались, как о весьма умной особе – всего за несколько месяцев она успела стать подле дочери Благословенного, оттеснив других дам.

– А еще... она наклонилась к уху девушки, – Юини прислал пару строк. Заверяет вас в своей преданности...

– Надеюсь, он в добром здравии.

– Жаловаться не на что, кроме... вы же знаете эти западные провинции, госпожа.

– Давно ли старший Дом проявляет интерес к полужасохшей младшей ветви? – довольно прохладно спросила Хали.

– Мийа всегда стоят друг за друга, – в голосе Кору слышалась только искренность.

Дама прошла по комнате, сжала пальцы. Несколько девушек низкого ранга она словно не замечала.

– Ах, как подло поступили с нами Асано! Юини, честнейшая душа... он был так вам предан. Как они посмели обвинять вашего человека?

– Он не был моим человеком. Он просто служил мне.

Кору бросила косой взгляд из-под длинных ресниц.

– Какая жалость, что он не смог оправдаться... Если даже вы оказались не в силах что-либо сделать...

– Я должна была вмешиваться? – Хали заговорила еще холодней. Она заметила брошенный дамой взгляд. Да, Кору подозревала истину. Что ж... если сама Аину не вступилась за молодого человека, какой спрос с богатой и равнодушной родственницы, к тому же не кровной? Про Юини вспоминают, когда нужно бросить тень на злейших врагов, Асано Белых Лисов. А так – словно и не было человека.

Четыре месяца прошло...

...Как забыть сдержанно-самоуверенную улыбку Шену Асано, еще молодого, но уже опасного, словно *яссин* — змея? Его полные лицемерного сожаления слова о том, что отпрыск младшей ветви Дома Мийа позабыл, что такое высший указ, и уехал на север навещать некое сосланное туда семейство. Если бы не люди Шену, проследившие за молодым человеком, никто бы не заподозрил...

Хали только взглянула в темные, таящие усмешку глаза. Поняла – он знает, что все сказанное им – ложь. Вступишь Аину за офицера, обвинение было бы снято. И доказательств бы не потребовалось – правда, их нет у Хали, но никто не усомнится в слове ее. Но она вынуждена молчать, чтобы не поползли по стране слухи – дочь Благословенного поддерживает учение Той.

И она молчала. Но из покоев выходила ровно столько, сколько необходимо. Улыбалась дамам своим. Когда Юини лишили звания и отправили служить куда-то в западную провинцию, попрощалась с ним скупой и холодно. Одно утешало – они поняли друг друга.

Мийа отступились от своего – младшая ветвь, полузасохшая. И начинало казаться – нанесенный Лисом удар – не удар, а так, касание ветерка. И даже устроили так, что место вблизи Хали заняла молодая жена одного из Зимородков – Мийа.

Впрочем, Шену и бил не сильно. Двум Домам уже не нужно было подбрасывать дров в костер – они и без того были врагами. И Лисы ныне стояли выше.

Хали терпела все, как всегда. И дела свои почти добровольно отдала в руки Кору – какие там, впрочем, дела... А после привыкла.

Только по вечерам удавалось ей увидеть отца – если он позволял. Не любила она приходить в его покои, тяжело было там, стены давили. И цвет – серебристый, синий, холодный. Или малиновый – словно к земле пригибали.

Шла, будто по острому гравию босиком. Выслушает. Как всегда. И то, что и всегда, скажет.

– Отец... Все было не так. Юини отправился на север по моей просьбе.

– Зачем?

Аину – как веточка невзрачная среди вышитых на занавесках цветов.

– Я не могла бросить ту, что не сделала ничего дурного.

– Ты думаешь? Хорошо. Теперь ты хочешь сказать слово в защиту другого человека, которого ты подставила под удар?

– Я бы хотела сказать... Разве это возможно? – шепчет Хали. Ее глаза красны, но сухи. – Если бы я знала, что выбирать придется из этих двоих, я бы поступила иначе.

– Прекрасно. Впредь думай.

Он не отвернется, показывая, что разговор закончен. Никто не посмеет замешкаться хоть на миг, если его взгляд приказывает уйти.

Слово ее отца – больше, чем закон. Он – наследник Солнечной птицы. Не найдется безумцев пойти против воли Благословенного. Он – все для страны.

А она...

Забыв про свой ранг, Хали сбежала по лестнице, пронеслась, постукивая невысокими каблучками, по золотистым плитам дворика. Тут не было никого, кто поглядел бы ей вслед удивленно – только стража невидимая, слишком хорошо вышколенная, чтобы замечать то, что им заметить не полагается.

Амарэ перехватила бежавшую, усадила на каменную скамейку. Безмолвно поправила госпоже прическу, ожерелье, сбившуюся набок пелеринку.

– Амарэ, если я должна поступать безупречно, почему я не родилась иной?! – вырвалось у девушки.

– Зачем вам быть иной? Вы стоите так высоко.

– Я должна была родиться красивой, и не полукровкой. Зачем требовать то, чего я не могу дать?!

– Вы жалеете о помощи Мирэ? – прямо спросила Амарэ.

– Ты знаешь? Откуда??

– Я знаю вас, госпожа. Я бы сделала то же самое.

– Ты не поймешь... Я теряю всех, кто мне верен. Отец... кто посмеет сказать ему слово против? Но я лучше была бы такой, какой меня хотела бы видеть мать.

– Это невозможно, – голос Амарэ был ровным, в самую меру сочувствующим. *Амарэ* – жемчуг, и сама, как имя, спокойная, мягко светящаяся. Хали сама еще раз поправила ожерелье. Вечерний свет разбился о грани хризолитов и золотые цепочки.

– У меня нет подруг. У меня никогда не будет ни подруг, ни друзей. Потому что в любой момент я смогу отступить от них, если так будет надо.

* * *

Предгорье Эйсен

Йири открыл глаза. Над ним был невысокий светлый потолок. Поднять голову и осмотреться не получилось. Он чувствовал себя так, словно долго-долго кружился на одном месте, пока не упал без сил.

– Где я? – произнесли губы едва слышно.

– Не беспокойся ни о чем, – тут же откликнулся голос, и его обладатель появился в поле зрения Йири. Был он весьма немолод, с почти уже белыми волосами и странным лицом – по-старчески сморщенным и в то же время лукаво-детским. Редкая борода придавала ему еще более странный вид – только некоторые старики в Тайё – Хээт носили бороду. У тхай и ри-ю она, почитай, не росла и украшением считалась сомнительным.

– Где я? – повторил Йири, словно собственное эхо.

– Меня зовут Сэнхэ. Говорю тебе, не беспокойся. Сказать по совести, я сомневался, выживешь ли ты. У тебя было не все в порядке с головой.

– Другие... они...?

Старик досадливо поморщился.

– Если ты спрашиваешь о ком-то, кто был с тобой, полагаю, они все мертвы. И думать о них тебе не следует. О тебе же позаботились Бестелесные. Скажи мне, кто ты?

Йири закрыл глаза. Словно темные волны качали его, и хотелось упасть на дно, чтобы не видеть этой огромной воды, чтобы не видеть вообще ничего...

– Я из деревни недалеко от Эйке. Мое имя Йири. Я был помощником в караване Хиранэ...

Вода сходилась над головой.

– Эээ... Да ты все еще совсем плох. Выпей-ка это, – холодная горькая жидкость.

– Спи.

Назавтра Сэнхэ снова возник возле постели Йири, словно лесовик-ююю.

– Ну как, получше? Ты достаточно крепок, хотя, похоже, причина твоему состоянию не только то, что ты испытал, но и то, что ты видел. Да... много крови было на этой дороге. Тебя я нашел в овраге.

– У меня на шее был талисман, – Йири поднял руку к груди, и рука замерла, словно растерянная. Привычный жест – ныне бессмысленный.

– Почему я знаю, где он? Может, забрали с собой, а может, просто сорвали, чтоб не мешал.

– Почему они меня не убили?

– А они убили тебя, малыш. Зачем было брать на себя лишнюю кровь, кровь мальчишки, если понятно и глупому – тебе не выжить? Поразвлеклись они от души, и кто бы пришел на помощь потом? Случай привел меня на эту дорогу, и он же дал услышать твой стон.

– Другие все умерли, – слова давались с трудом. – Все. Почему Небо это допустило?

– Поживешь с мое – перестанешь задавать такие вопросы, – скривил рот Сэнхэ, и спросил уже другим тоном: – Твоя семья бедна?

– Да. Чтобы зарабатывать деньги, я ушел с караваном.

– Обычное дело, – кивнул старичок. – Что ж ... вероятно, кому-то просто не повезло. Или наоборот – как посмотреть.

– Когда я смогу к ним вернуться... господин? – Йири не мог определить, к какому сословию принадлежал Сэнхэ, и как стоит обращаться к нему. Просторная одежда его была белосерой с синей каймой. Странная одежда.

– Сначала встань на ноги, – прищурился старичок. – А после... хм. Ладно. Посмотрим. Думаю, возвращаться тебе не стоит.

– Почему?? – вскинул голову Йири.

– Чего ты так испугался? Я вовсе не хочу сказать, что с твоими родными что-то случилось. Я их не знаю.

– Тогда...

– Ты был крестьянским мальчишкой, и в караване тобой всякий командовал – любой, кто погорластей, уже господин. Не хочешь попробовать начать иную жизнь?

Йири тихо сказал:

– Старая все равно не вернется. Я хочу только домой.

– И что там? Тяжелый труд и голод?

– Там моя семья.

– Что ж, малыш... ты, видно, еще не пришел в себя, раз возражаешь старшим. Я не могу просто так отпустить тебя. Ты – настоящий дар кого-то из Бестелесных, и дар весьма дорогой.

Йири резко сел, опираясь на руку. Перед глазами весело запрыгали разноцветные пятнышки.

– Я не останусь здесь!

– Твоя жизнь принадлежит мне, – откликнулся старичок. – Не любишь платить долги?

– О, Иями! – вырвалось у него. – Но моя семья с голоду умрет без меня!

– А у тебя есть выбор, малыш? – насмешливо улыбнулся Сэнхэ. – Кто-то из Бестелесных решил, что будет так. Может, твоей семье тоже повезет. Если доля тебе выпадет счастливая, так ты им поможешь вернее – если захочешь, конечно. И лучше ложись. А то опять потеряешь сознание.

– Но что я могу? Зачем мне здесь оставаться? – он уже с трудом справлялся с собственным голосом, однако не мог не признать правоту старика. Сэнхэ выходил его – значит, жизнь Йири принадлежит ему.

– Я пристрою тебя служить богатому человеку. Ты войдешь в сословие *сиин*. Это большая удача.

– Но почему? – Сэнхэ показалось, что тот сейчас просто по детски расплачется. – Я совсем не то, что вам нужно...

– Почему? Ты меня удивляешь. Ты когда-нибудь видел свое лицо? Я могу тебе показать. Конечно, сейчас ты выглядишь не лучшим образом... – Сэнхэ извлек откуда-то бронзовое зеркальце, поднес его к глазам Йири. Подросток отвернулся.

– Напрасно. Есть, на что посмотреть... И в тебе хорошо не только лицо. Северная кровь... тут, на севере, часты подобные жемчужинки, их тут гораздо больше, чем возле моря. Когда станешь старше, поймешь, чем тебя наградила природа. Такие, как ты, обычно не теряют красоту вместе с юностью. Будь твоя родня поумнее, сами отдали бы тебя на обучение... еще лет пять назад. Да тебя, полагаю, половине учить не придется. Наверное, ты мало знаешь о них... их называют Несущими тень. Лучшие – своего рода драгоценности... никто не посмеет поднять на них руку – кроме господина, конечно.

– Если мои все умрут... сестренки, тетка... не хочу жить.

– Твоя жизнь нужна мне, – старик похлопал ладонью по тонкому одеялу, словно в знак примирения, и поднялся.

– Я хочу отсюда уйти, – силы изменили Йири окончательно. Он упал на постель, неудачно вывернув руку.

– Иди, – весело сказал Сэнхэ. – Сейчас я тебя отпускаю. Даю тебе два часа. Если сумеешь уйти достаточно далеко, чтобы тебя не нашли – ты свободен.

– Я не смогу. И вы это знаете, – тихо ответил подросток. – А я – знаю о благодарности. Но не подобает так требовать платы за услугу, когда человек не мог от нее отказаться.

Сэнхэ рассмеялся совсем молодого.

– О, как умно ты говоришь! Ты умирал. Значит, ты не принял бы помощи? Тогда откажись от нее.

Йири молчал.

– Так как? Позволить тебе уйти в Нижний Дом? Под ладонь Сущего ты точно не пойдешь, если поступишь так. Тоже не хочешь? Так разберись сначала с собой.

Он точно не знал, сколько человек в доме. Ему не позволяли общаться с другими. Работу он выполнял в одиночестве, прислуживал или иное что делал, когда прочих слуг рядом не было. Кажется, в доме находились две женщины – но те вели себя тихо, как полагается обитательницам женской половины. В деревне Йири таких правил не держались – там и дома-то были крошечные. Здешние стены тоже не блистали богатством, однако постройки были добротными, циновки и ткани новыми. Но мальчишка по сторонам не смотрел.

Йири понимал, что Сэнхэ имеет право требовать от него подчинения. Старик подобрал его полуживого, Йири бросили умирать. Конечно, если бы тогда Йири мог просить помощи, он сделал бы это.

И все же он пытался говорить о своем – теряясь в словах, потому что правым себя не считал. Старик не принадлежал к сословию высшему – Йири надеялся, тот позволит такие слова, и поймет... И поначалу Сэнхэ ему отвечал – неохотно, со смесью добродушия и раздражения, поскольку давно все решил. Спустя несколько дней, – как только мальчишка встал на ноги, – он попросту запретил ему упоминать о семье, деревне и желании отсюда уйти.

Йири не подозревал, что за ним следили, но бежать не пытался. Его же не цепью держали, а долгом жизни. И, принимая это, он оставался здесь – но словно задался целью добиться, чтобы Сэнхэ сам от него отказался. Да, Йири знал, что такое долг. Но все время смотрел в сторону дома, в каждой мысли, тем паче во сне. С момента, как понял, что старик не отступится, он чувствовал себя тряпчатой куклой. На каждое слово отвечал хмурым взглядом, на каждое поручение – медлительностью чрезвычайной; в такое не поверили бы родня и соседи.

Непросто было вести себя так. Йири словно надвое разрывало. Когда было время свободное, проводил его, сжимая ладони, прося Покровителей дать ему знак. Но те молчали – сердились, видимо, на то, что он смеет противиться начертанному. А он все пытался понять, в чем его судьба – уйти, нарушив законы долга, или остаться, бросив свою семью. Но разве та не в руке Сущего? Губы беззвучно шептали вопрос, но не было ответа.

Он собирал щепки, которые остались после рубки дров. На глаза попался темный кусок дерева с острым, как шило, краем. Йири знал – это очень твердое дерево. Странно, что им решили кормить огонь. Подросток оглянулся по сторонам, сжал в ладони «добычу». Старик говорил про лицо. Если это причина... родным Йири без разницы, как он выглядит. Он приставил деревяшку острым краем к щеке. Слегка нажал. Так, если быстро – наверное, не больней, чем ножом.

...Кто-то словно вздохнул за спиной. Йири оглянулся – никого. Но его кисть разжалась, и деревяшка упала на землю. Ему показалось – он узнал. Та, что смеялась в метель, когда Йири возвращался домой. Она – не хочет. Он нерешительно подобрал «нож». Неправильно... так нельзя. Это было бы трусостью. Та, что вздохнула, права. Йири бросил обломок в большую корзину.

Сэнхэ все чаще чувствовал раздражение. Ему надоело упрямство лесного звереныша. Он привык, что домашние слушают его беспрекословно. Он же не только себе хотел выгоды,

но был убежден, что так лучше для этого пустоголового мальчишки. Однако тот не только не изъявлял благодарности, но и просто вел себя недостойно. В конце концов Сэнхэ пригрозил отдать его в рудник – а там найдутся желающие развлечься, не осужденные, так смотрящие за ними. Мальчишка воспринял угрозу куда более серьезно, чем рассчитывал Сэнхэ, и открытое, хоть и тихое, сопротивление на время прекратил. Однако скоро снова взялся за старое, выполняя пустячные поручения с такой неохотой, что вконец разозлил старика.

«Лесовик» поручил двум младшим хозяевам дома заняться воспитанием найденыша, а сам все чаще отлучался из дома – в город неподалеку. Что за дела там у него были, кажется, и домашним знать не полагалось.

Двое эти являлись то ли сыновьями Сэнхэ, то ли какими-то младшими родственниками. Похожие, только глаза у одного обычные, а у другого навывкате. Старика слушались беспрекословно. Сам старик больше не обращал на Йири никакого внимания, кроме моментов, когда давал ему уроки – учил, как стоит держаться в приличных домах. А при виде тех двоих мальчишка чувствовал себя совершенно беспомощным, и в груди холодело. Они прекрасно владели искусством наказывать, и делали это за малейший просчет – даже там, где, казалось, все было исполнено безупречно. Тем более тогда, когда он не выдерживал и говорил что-то такое, о чем сам после жалел.

Его язык нельзя было назвать острым – Йири никогда не был насмешником. Но сказанное им задевало этих людей за живое. А еще больше их раздражало, как он смотрел. Изпод ресниц, но упрямо.

А ночами он метался во сне. Однажды приснилась река, заросшая острым узким тростником. Лодочка – плоскодонка. Он – в ней, неподалеку от берега. На берегу – вся его семья. Тетка всхлипывает, куда деть руки, не знает, дядя стоит, отвернувшись. Брат и сестренки... А лодочку уносит от берега вниз по течению.

Вдруг младшая сестренка вскрикнула, от матери отскочила, побежала следом по берегу. Йири упал на одно колено, руку ей протянул. Почти соприкоснулись ладони. Но потом отвернулся он – и больше сестру не видел. Река понесла его.

И тогда Йири не выдержал. Зимой, вблизи Эйке, он взял неприкосновенное. И сейчас решил поступить не так, как учили – но так, как считал единственно возможным. Следующей ночью, прошептав молитву Иями, отодвинул тяжелую незапертую дверь, змейкой скользнул за окно. Лес казался ближе, чем был. Круглые стебли тысячелистника, высокие, жесткие, мешали бежать, отбрасывали резкие тени, делая поле похожим на гигантскую черную паутину.

А потом из этой паутины выступила фигура, опрокинула наземь, чуть не сломав ему запястье, подхватила и унесла. Кто из двоих это был – Йири не понял. Теперь мало что имело значение.

...Крошечная ступенька, руки сильно растянуты в стороны, – их держат ремни. Стоять очень трудно, все мышцы, особенно руки, сводит боль, и нельзя издать ни звука – тогда наказание продлят...

Один раз он не удержался на ступеньке, повис. На его крики пришли не сразу. Потом старик дал младшим серьезный нагоняй за такую небрежность – мальчишка повредил плечо и, сложись все немного иначе, мог остаться калекой.

Понемногу он привыкал к боли и беззащитности, начиная воспринимать их как должное. Конечно, закон не одобрил бы действий Сэнхэ и этих двоих, но где был этот закон?

С ночи, когда его вернули в дом, Йири понял, что так распорядилась судьба. И воля оставила его – теперь мальчишку несла река. Говорить он почти перестал. От него требовали не просто покорности – слуги должны улыбкой встречать приказ. Уголок рта не мог дрогнуть без позволения. И он понемногу учился этому. Он уже мог понимать порывы собственного лица и тела и гасить их, заставляя себя быть тем, кем его видеть хотели. Но он все еще

пытался сделать из своего умения маску, которая прячет все, что внутри. Но потом маска разбилась.

...В это утро он еле двигался, после того, как ночью несколько часов снова провел на ступеньке. Почему-то именно ему приказали прислуживать за завтраком. Мыслей не было – в голове мешались какие-то обрывки картинок и слов. Сначала он несколько раз оступился, и в довершение большая узорчатая миска выскользнула из рук и раскололась на несколько черепков. Йири опустился на колени и замер, не смея поднять глаза. Горло пересохло. Он даже дышать не мог. Тем более умолять о прощении, которого – он знал – не может, не должно быть.

Услышал голос старика, как – будто немного удивленный.

– Что-то ты совсем не в себе. Возвращайся на место.

Йири с трудом поднялся, склонился и вышел. Он еще сумел добраться до своей каморки, но там просто сполз по стене и замер, прижавшись виском к шершавому дереву. Он даже думать не мог о том, что с ним сделают. Все тело болело, особенно руки. Хотелось стать частью стены, ни о чем не думать, не чувствовать, не испытывать страха – скулящей тягучей тошноты.

Старик вошел в комнатку – Йири не хватило сил на приветствие. Он знал, что увеличивает размеры своего проступка, но не способен был шевелиться.

– Да ты весь горячий, – сочувственно сказал старик, склоняясь над Йири. – Давай-ка ты ляжешь.

Он помог ему встать и дойти до лежанки. Йири смотрел на него затуманенными глазами, полными мольбы и недоумения. Почему с ним говорят столь мягко? Старик достал какую-то бутылочку.

– Вот что тебе нужно сейчас. Завтра будет легче.

Он открыл крышку, вылил на ладонь немного чего-то белого и густого, с острым травяным запахом. Принялся осторожно втирать это в кожу Йири – и скоро боль начала стихать. Йири лежал тихо. По лицу мальчишки текли слезы. До этого старик никогда не видел его плачущим.

– Ну, а насчет разбитой посуды...

– Господин... я не хотел сделать этого, – губы едва шевелились, а глаза были совсем черные, полные отчаяния и тоски.

– Считай, что тебя простили. Но будь аккуратней. А теперь спи.

Старик еще раз взглянул ему в глаза, удовлетворенно улыбнулся и вышел.

«Он мой, слава Сущему».

Идя по узкому коридору, Сэнхэ снова улыбнулся, вспоминая глаза мальчишки. В них была благодарность.

...В конце концов, что он – травинка, цветок придорожный; ладно, если сорвет человек, а то ведь и колесо телеги может проехать. А память... через нее можно переступить. Не переступить, – промчаться, как сквозь бурелом и липкую паутину, унося на себе отметины – несчетные царапины и клейкие нити. Даже домашние Сэнхэ порой удивлялись странному взгляду мальчишки – раньше он смотрел по – другому. Неподвижным стал взгляд, и вместе с тем пристальным, ждущим.

Но стоило заговорить с Йири по-доброму, глаза того наполнялись немного безумным светом, словно он был благодарен даже за кроху тепла, видимости участия. Незаметно для себя старик начал побаиваться собственного воспитанника.

Природа дала Йири мягкость голоса и движений – и хоть поздно учить его было многому – да и некому – в половине уроков он не нуждался. Так стремительно-гибкая ласка бежит красивей любой танцовщицы, хоть и не знает об этом.

Сословие сиин стояло особняком среди прочих. Несущие тень – молодые украшения дома. Слуги в личных покоях. Хорошо, если они умели и развлекать. Как и все слуги, они теряли большую часть свободы – но приобретали удобную жизнь. До тех пор, пока были нужны. Почти все в этом сословии, как и многие обитатели Кварталов, выбирали недолгую жизнь. Не желали стареть. Однако обладающие теми или иными талантами ценились высоко – они в ином статусе оставались при господине, или заводили свое дело. Другие обладали чудесным голосом, были хорошими музыкантами – они могли стяжать себе славу, не ниже, чем у известных артистов.

И оставались при них иные умения – однако тут ашриин были их конкурентами, и часто убивали соперников.

Йири не думал обо всем этом.

Больше его не загружали работой. Хотели, чтоб руки Йири стали ухоженными, как у девочки из богатого дома. Он был теперь образцом послушания.

Оставаясь один, подолгу смотрел за окно. Теперь он жил в этой комнатке, и полной свободой пользовался – Сэнхэ больше не опасался, что он убежит. Окно было узким, уже, чем в богатых домах, но таким же, как в доме Йири. На зиму окна затягивали несколькими слоями полупрозрачной бумаги, и они пропускали в дом очень тусклый свет.

Но сейчас была середина осени, трещала птица с бурой грудкой – в деревне ее называли «проказник». Прохладный ветерок подхватывал запахи вялой травы и бросал, пропадая.

Говорят, он видит души умерших и может разговаривать с ними.

Души... Йири сам видел когда-то тень утонувшей женщины на реке. Тело ее так и не нашли, и она бродила по мелководью, почти неразличимая в лунном свете. А тени Хиранэ и остальных, наверное, останутся в предгорье Эйсен. Сколько душа непохороненного останется на земле, прежде чем ее забирает посыльный – *айри*? Долго. Очень долго... Иногда души собираются вместе и жгут костры, пытаются привлечь внимание неба. Смертному нельзя подходить к такому костру.

На севере большинство деревьев теряет листву, и перед тем, как опасть, она становится рыжей. Как волосы Кенну. Он не был красивым, этот веселый лис – рыжий цвет не любят в землях Тхай. Наверное, его тень будет просыпаться лишь осенью, среди деревьев цвета огня...

4. Отори

Столица

Комната была похожа на пион. Решетки из золотистого южного кедра – дерева драгоценного, бархатистая ткань теплых расцветок. Только в покоях, где останавливается Ханари, средний брат, – властный, вызывающе-красный цвет. Но у Ханари свой дом. Впрочем, у Асано вкусы похожи – Лисы умеют жить красиво и ценить красоту вещей. И в конюшнях у них стоят лучшие лошади, в основном вороные. Только Золотой Дом держит лошадей, которые не уступят этим скакунам.

Когда-то Асано были влиятельней всех, сам правитель слушал их речи. Потом – десятилетия немилости. Лисы – животные плавают плохо. Но эти – животными не были, и на плаву удержались. А потом снова начали карабкаться на верхушку. Отец Шену и еще троих сыновей сумел занять хорошую должность. И начал окружать себя родней и верными людьми. Шену оказался достойным наследником. Ханари – тоже неплох, но слишком самонадеян и порывист. Неверный шаг – и Мийа, те, кого потеснили Лисы, с радостью свалят их.

Шену не любил суеты. Отстранение от должности дурачка Юини было не просто камешком на поле соседей. Сама дочь Благословенного не посмела вмешаться.

Подвязанные белым шнурком рукава домашнего одеяния чуть прикрывали бумагу, когда приближались слуги. Привычка – никто не должен видеть написанного, кроме тех, кому он позволит сам.

Девочка – *сиини* сидела в уголке на низком сиденье. Она не была ничем занята – просто, темно-бронзовая, красиво смотрелась на фоне стен и решеток, сказочным существом смотрелась. Ей бы камни, похожие мерцаньем на угли – тогда картина будет казаться законченной. Но таких камней нет. А надоест обстановка – и девочки этой не будет. Появится кто-то другой.

...Ему даже не доставляло удовольствия сталкивать неудобных с насиженных ими мест. Просто никто не должен мешать. Не помешают – пусть останутся, где положено. Но Асано будут стоять на вершине.

Слуги отодвинули створку двери, откинули занавесь. Отец Шену вошел в комнату без приветствия – уже виделись. Напротив, он зашел попрощаться перед дальней дорогой – здоровье стало сдавать, лишь горячие источники у моря могли вернуть прежнюю силу. О младших спросил. Шену ответил:

– Ханари здесь. Он и Тами уехали на новых конях. Наверное, снова затеют спор, чей быстрее. Тами просто бредит лошадьми.

– Оберегай младшего, пока он не подрастет. А Ханари держи в узде... хоть он и не конь, – отец позволил себе улыбку. Он был человеком скорее даже веселым, только очень уж привык к осторожности.

– Ты всегда говоришь о Тами, как о младшем. Но у тебя есть еще один сын.

– Его я не пушу ко двору. Он слаб и не очень умен.

Шену пожал плечами.

– Его мать... такая же. Но она чем-то пришлась тебе по душе.

– Она все же моя жена. Отзывайся о ней почтительней.

– С чего бы? Моя мать была достойней и лучшего рода. Но, если хочешь, я больше не стану упоминать о той женщине.

– Надеюсь, ты скоро подаришь мне внука, – отец не стал спорить. – Моя главная надежда и гордость – ты.

– Может быть, скоро твое пожелание исполнится.

Какое-то время оба молчали. Давно прошли времена, когда отец подолгу весело шутил со старшим сыном. Сейчас рядом был взрослый человек, помощник в нелегких и не всегда чистых делах.

Бесшумно появились мальчишки – один принес чеканный кувшин и маленькие серебряные чашечки, другой – блестящие красные фрукты на золотистом круглом подносе. Тонкие, словно стебли, мальчишки, Несущие тень. Один был похож на смуглую змейку – медянку, другой, поменьше, с русыми волосами – на вечернего мотылька. Узкие браслеты были на руках у обоих, украшения, стоящие чуть меньше небольшого дома в провинции. Старший Лис взгляделся в лица, полюбовался на плавные сдержанные движения.

– Что-то новенькое? Или память начинает меня подводить?

– Нэннэ вновь порадовала меня. Ее ученики хороши. Они много умеют. Говорят, люди ее обшаривают все захолустья в поисках таких вот цветов. Конечно, она не остается внакладе – из глуши любой с радостью отправится сюда, а родителям или опекунам достаточно самой ничтожной платы.

– Я хочу, чтобы один из них поехал со мной. Этот, пониже ростом.

Шену рассмеялся непринужденно.

– Родной отец грабит меня? Разве я смею перечить?

Они посмеялись немного. Потом голос старшего Лиса стал очень серьезным.

– И вновь повторю – присмотри за Ханари. Он достойный потомок Дома, но своенравен не в меру. Он может помочь укрепить Дом, а может разрушить все.

– Не беспокойся, отец. ... Ты не наведишь мать по дороге?

– Нет. Она добровольно ушла от людей.

– Я слышал, она все еще выглядит молодой.

– Возможно, – сухо ответил старший мужчина.

Ханари задержался у старшего брата. Его собственный дом стоял неподалеку – пересечь рощу; однако Тами пока был здесь, а этот «лисенек» был к братьям привязан. А Тами скоро возвращаться в Ай Ташина. Отец решил за него – он станет военным. Как и Ханари. Только у среднего Лиса душа лежит к избранному пути, а младшему пока хочется иной жизни.

Сшитые листы лежат на столе.

«...Ее прозвище было – Розовый Дождь. Девочка знатной дамы, невесты Благословенного. Потом невеста стала женой, а девочка – сиини заняла малые покои рядом с покоями повелителя. Пять лет продолжалось так. Говорят, она хорошо танцевала, вышивала и складывала забавные фигурки из разноцветной бумаги. И у нее были дети. Их отняли от матери и отправили с кормилицей куда-то на север. Там их настигли и убили по приказу Благословенной. А Розовый Дождь потеряла зрение – то ли от слез, то ли виной тому – люди.

И камышовая хижина приютила ее и служанку на долгие годы...»

Записано в год 210 от Великой Осады.

Ханари поднимает взгляд от листа, чуть раздраженно отводит волосы за ухо. Зачем Тами, младший брат, читает эти хроники? Какое дело до мертвых игрушек и фаворитов?

Что ж... и Ханари не чужды волнения души. Только направлены они на живых. Ханари и стих может написать не хуже, чем те, кого хвалят. Только несерьезно все это, забавы.

И Ханари велит унести желто-зеленые листы, ценную рукопись. Лучше младшему брату читать другое. Ханари выберет сам.

* * *

Предгорье Эйсен

Отори, человек с виду массивный, двигался вовсе не тяжело, хотя и лениво. Круглое лицо его было немного надменным, но все-таки добродушным. В этих местах, неподалеку от гор Эйсен, он считался довольно важной персоной – доверенный чиновник в штате ревизора провинции. У господина Отори был дом неподалеку от главного города этой провинции, дом, убранный по столичному. С мнением такого человека считался даже начальник, и тот был почти доволен собственным существованием.

Отори возвращался от родственников, когда получил полное хвалебных слов послание Сэнхэ, и соизволил сделать небольшой крюк, заглянув на обратном пути жилью своего осведомителя.

Он оказывал старику некоторое покровительство, и не удивился, когда тот в послании сообщил ему, что приготовил хороший подарок.

Погода была холодной и ветреной. Тем не менее носилки господина Отори остановились у ограды обиталища Сэнхэ, сам он не пожелал войти внутрь. Ему не нравился Сэнхэ, хотя старичок вел себя очень учтиво и не раз был весьма полезен – мог узнать и разыскать что угодно.

– Я не замечал за тобой склонности к живым подаркам, – не очень приветливо сказал Отори. – С чего тебе вообще взбрела в голову эта мысль? Мне хватает своих.

– Я случайно подобрал этого мальчика... Он оказался настоящим сокровищем. Мне негоже держать его здесь.

– А у меня своих предостаточно, – пожал плечами Отори. – Но хватит болтать. Где он?

У калитки показалась фигурка в светло-серой куртке простого покроя, недлинные волосы трепал ветер. Мальчишка.

– *Асантэ*, – сказал он тихо, склонился в почтительном приветствии – и замер, опустив глаза.

– Иди сюда.

Повинуясь приказу, мальчишка подошел к носилкам и поднял голову. Он выглядел безучастным, несмотря на легкую улыбку, которая дрожала возле уголков губ, едва касаясь их. Тонкое чистое лицо с чуть заостренным подбородком, довольно темные глаза – в тени опущенных ресниц цвет радужки только угадывался. В мальчишке не было ничего особенного, в богатых домах такие нередки. Только маленькая черная «метка» над губой как-то отличала его от таких же подростков обоего пола. Сокровище? Вряд ли.

– Ладно, – равнодушно сказал Отори. – Поедет со мной. Там разберемся. И обратился к мальчишке: – Садись ко мне. Ты, вижу, почти ничего не вешишь.

Тот наклонил голову, потом повернулся к Сэнхэ и склонился перед ним в жесте прощания. Потом одним движением очутился в носилках. Отори не понравилось, что он всячески избегает его взгляда и старается не поднимать лица.

– Как тебя зовут? – спросил он довольно резко, когда носилки тронулись.

– Йири, господин, – в голосе звучало напряжение, не подходящее к спокойной мягкой улыбке. В полутьме носилок глаза мальчишки мерцали, как у ночного животного. Это тоже оказалось не слишком приятно.

– Что ты умеешь?

– Не знаю.

Отори со свистом втянул в себя воздух.

– Старик хвалил тебя. В каком доме ты был раньше?

– Только у Сэнхэ.

– Это не дом, а сарай... Откуда ты вообще? Из Квартала?

– Из деревни в Хэнэ, господин.

Отори чуть не застонал. Подарочек...

– Да что же мне делать с тобой?

– Не знаю, господин. Что будет угодно.

– Нет смысла брать тебя в дом, – решил Отори. – Я оставлю тебя в какой-нибудь гостинице... будешь прислуживать там. Сэнхэ все равно не мог научить тебя ничему путному.

Тот не ответил. Чуть вздрогнули губы – и все так же странно поблескивали глаза. И эти глаза притягивали, как колодец с ядовитой водой.

– Ты меня понял?

– Как вам будет угодно, господин, – голос был мягким, негромким, с отчетливым акцентом северян. Богатый оттенками голос, весьма приятный для слуха.

«А он интересней, чем кажется с первого взгляда», – невольно отметил Отори.

– Так что ты умеешь?

– Меня научили немногому, – задумчиво и с каким-то странным сожалением проговорил Йири, вновь опуская ресницы.

Больше Отори не задавал ему вопросов. Йири сидел неподвижно, опустив голову. Пушистая длинная челка падала на глаза. Отори коснулся его волос – он вздрогнул и поднял взгляд, полный растерянности, испуга и странной тоски. Прикосновение было почти незаметным, однако он чуть подался в сторону – и потянулся к руке, как растение в засуху – к капле воды. Он больше не казался ко всему безразличным.

Отори, улыбнувшись, вновь дотронулся до его головы, провел пальцами по щеке.

Поездка оказалась забавной.

...Сейчас он получит полную свободу. Наверное. Если там снова не станут следить за каждым его шагом. Он вернется домой. Но сначала он должен увидеть тех, кто скажет ему, что дальше. А что они скажут? Что сделают? Где он сейчас вообще???

...Носилки остановились.

– Выходи.

Йири послушно откинул занавеску – и оказался на земле. «Так могут двигаться змеи или дикие кошки», – подумал Отори.

– Останешься здесь, – обратился он к Йири. – Я скажу хозяину гостиницы...

Тот прикусил губу. Непроизвольно качнулся назад – рука сжала деревянную створку. Отори увидел, что он дрожит, и, кажется, до полусмерти испуган. Глаза его расширились и стали совсем черными.

Люди – видимо слуги – во дворе уже заметили их, с поклонами устремились вперед.

«Сын хромоногого лиса!» – выругался про себя Отори. – «Ну и подарочек мне подsunул Сэнхэ Мальчишка же сейчас закричит! Этого еще не хватало!»

Он оторвал руку мальчишки от створки и сжал ее очень сильно, вывернул в кисти. Боль привела того в чувство, он умоляюще взглянул на Отори. Казалось, ему проще было умереть прямо тут, чем остаться в гостинице.

– Залезай обратно! – Отори был зол на себя.

– Спасибо, господин, – очень тихо сказал тот, очутившись на месте. Его все еще била дрожь.

– Ты всегда такой своевольный?

– Я делаю то, что мне говорят. Я не нарушал ваш приказ.

Господин Отори рассмеялся.

– Верно. Это я сам... Ты сумел меня заинтересовать. Может, я и оставлю тебя в своем доме. Только – не отправлять же тебя на конюшню, даже если ты ничего не умеешь. Но

чего ты так испугался? – его мысли пошли в другом направлении. – А как ты попал к этому проходимцу? Что он тебе наобещал?

– Ничего.

– Ты его воспитанник? Давно у него?

– С конца весны. Я не знаю, кем я был в его доме. И кем я буду теперь.

– Станный ты, – негромко проговорил Отори.

– Простите, господин. Я многого не знаю.

– Вижу... Впрочем, это неважно. Сегодня я посмотрю, пригодишься ли ты в *моем* доме.

Дом Отори был невысоким, с изгородью, крашенной в карминный цвет. Аккуратно подстриженные кусты и деревья окружали дом, толпились во внутреннем дворе. Занавеси из расписных деревянных пластин – нарисованные синим цветы померанца – скрывали окна. Покинувший носилки Йири стоял неподвижно, ветер тормозил густые черные волосы.

Отори кликнул какую-то женщину в темной одежде. Обратился к подростку:

– Иди с ней. Она передаст тебя, кому следует, там займутся тобой. Приведут в подобающий вид. Потом отдыхай. Потом я решу, пригоден ли ты к жизни в хорошем доме.

– Да, господин... – его губы словно хотели произнести еще что-то.

– Ну?

– Если я окажусь ненужным... что со мной будет?

– Да мне все равно, – с усмешкой сказал Отори. Его уже утомил этот разговор, и неприятно было находиться на холоде. – Вернешься в гостиницу. Или иди куда хочешь. Можешь попытаться счастья в Алом квартале.

Мальчишка вновь опустил глаза. Он показался Отори духом зимних гор – безучастный, в светлом и черном. Казалось странным, что еще полчаса назад он едва не кричал от ужаса.

Спустя несколько часов Отори велел позвать его. Теперь тот был одет, как подобает. В шелковой лиловой одежде сиин с вышитым знаком их – треугольником с символом Исполнения, изящный, как статуэтка из кости, он казался игрушкой. Лиловая лента льнула к его горлу, скрепленная тем же значком из бронзы – центральная точка в нем была яшмовой. Яшма – единственный камень, разрешенный Несущим тень.

Лиловый шел к светлой коже, еще хранящей следы бывшего загара. Не поднимая глаз, мальчишка опустился на колени у двери. Отори не мог не признать, что теперь он казался красивей – и совсем не походил на уроженца какой-то деревни.

– Сними одежду. Я хочу взглянуть, как ты сложен.

Тот повиновался мгновенно, гибким текучим движением избавился от того, что было на нем. Это движение было бы естественным для танцовщицы – или для лесного зверька. Ресницы его взлетели вверх, когда он искоса бросил взгляд на Отори, а на губах появилась странная тень улыбки – ласковой и самую малость тревожной. Пылинки, танцующие в луче света, создавали зыбкий ореол вокруг его тела.

«Что за оборотня он мне подсунул?» – чуть не с испугом подумал Отори.

– Ты лучше, чем мне показалось вначале, – задумчиво сказал он. И неторопливо продолжил:

– Ты должен уметь прислуживать в личных покоях – за столом, помогать одеться, вымыться, подать то, что требуется... Нужно знать, где тебе позволено стать или опуститься на пол, как держаться, как отвечать. Без этих умений ты стоишь немного. Сэнхэ не мог научить тебя тому, что знают сиин в хороших домах. Мне же нет резона возиться с тобой.

– Да, господин.

– Но ты чем-то мне нравишься. Попробуй оказаться понятливым и ловким.

Мальчишка склонил лицо ниже. Отори подошел к нему и взял за подбородок, приподнял ему голову. Выражение лица Йири не изменилось, однако по губам вновь скользнула

тень странной улыбки – горькой и ласковой одновременно. Красивое существо. Но разве мало таких?

– Давай попробуем выяснить, что ты умеешь, – сказал Отори, не отпуская его.

Отори был довольно ленивым человеком, любившим покой и удобства. Необходимость проводить некоторое время в разъездах, связанных с делами, утомляла его – но только так он мог занимать не слишком большую, но хорошую должность. Он был холостым и не стремился заводить подруг или друзей, предпочитая стены дома, чтение и изящные вещи. Его домашним жилось хорошо; случавшиеся у господина приступы раздражения не имели серьезных последствий.

Даже искать развлечений ему было лень. Но одно нашло его само.

* * *

Слуги поначалу встретили новичка добродушно – и с тем безразлично. Мальчишка не проявлял ни к чему интереса. На вопросы отвечал односложно. Если не звали, отведенного ему угла не покидал. Часами мог неподвижно сидеть на лежанке своей, завернувшись в тканое покрывало. Но исполнительным был, и не злым. Как-то гости приехали в дом Отори. Как раз праздник осенний пришел, повсюду огни золотые – красиво. Хозяин не пожалел денег, чтобы гостей удивить. После этого первый вопрос от мальчишки услышали:

– Господин Отори очень богат?

– Не то, чтоб очень, – отвечали ему.

– Но он из тех, кто стоит наверху?

– Нет, мальчик. До *Тайо*, *Высоких*, ему далеко, – собеседник бросил косой взгляд через плечо. – Ну, в этих краях он важная птица. А так – есть и куда пострашнее него.

– Красивый дом, – обронил подросток, весьма удивив отвечавшего.

– Наш господин весьма разборчив. Плохого не приобретет. А ты, выходит, видишь что-то, кроме своего носа?

Шутливого тона мальчишка не принял. Однако с этого дня оттаял немного, уже не вздрагивал, когда к нему подходили. Как-то спросил:

– Здесь еще будет так? Чтобы ночью – огни на ветвях, и ветви звенели?

– Будет...

– А нарисовать это... можно?

– Ты, что ли, помнишь? Умеешь? – недоверчиво отозвались.

– Не знаю... я помню...

– Так у господина спроси.

– Нет...

– Да ты его испугался, никак? Напрасно. Хозяина добрее еще поискать надо.

Мальчишка чуть улыбнулся, грустно немного – и отошел.

– Да ты погоди...

Отори любил живопись и знал работы многих художников. Однако мельком увиденный рисунок мальчишки его заинтересовал. Где он раздобыл краски? У слуг, вероятно. Совсем распустились... Отори посмотрел на листок раз, потом другой. В третий – разглядывал долго. Было что-то невероятно притягательное и вместе с тем неприятное в переплетении тонких линий, в слиянии холодных тонов.

«Он ведь еще дитя, – подумал Отори, – но у него рисунок взрослого». Велел позвать Йири.

– Тебе нравится рисовать? Я дам тебе такую возможность.

...Серые птицы срывались с испуганной глади озера, падали листья, мешая птицам подняться... И тишина. Пугающе полно передана тишина в рисунке.

– Что это такое?

Ответа, естественно, нет.

А вот еще один. Тоже листья, разных цветов. Паутина из листьев. Пламя из листьев. Бурые – мертвые, зеленые – недавно рожденные. Сизые – духи...

– Ты мог бы, наверное, стать хорошим художником.

– Не знаю... меня никогда не учили...

– Однако... Это похоже на стиль Зимней Ветви... ты не мог видеть его работ. Он...

– Что, господин?

– Хм... сошел с ума. В одиночестве умер. И не оставил учеников. Он рисовал птиц. Ты же – не только... однако похоже.

Когда ударили морозы, а потом приходила временная оттепель, голова у Отори начала сильно болеть. Это служило поводом для постоянного раздражения, там паче, что отвары пустырника или горной мяты, какие обычно советуют в подобных случаях, не помогали. Советчики разные ничего путного сказать не могли. А найти стоящего врача в этой глуши было не проще, чем луну в погребе. Новый мальчишка, узнав о подобной напасти, спросил у господина дозволения посмотреть запас сушеных трав – отобрал кое-что, после в саду и поле недалеко от ограды выкопал что-то еще, разгребая мелкий снег. Потом залил все это водой, долго держал на огне – получился некий настой, золотисто-коричневый, с горьким запахом.

– Это еще что такое? И это поможет? – спросил Отори, глядя на жидкость в широкой чашке.

– *Аэ тэ хэтта*, Травы говорят друг другу, – на протяжном диалекте Хэнэ отозвался мальчишка. Отори поморщился – он не любил северо – западный говор.

Однако настой помог. Правда, пить его приходилось часто – но пара глотков возвращала ясность мыслям, и даже приносила чувство некой восторженной легкости.

Мальчишка назвал это снадобье «*кээ-ши ай*», «глаз вороненка». На вопрос, почему, рассказал короткую прелестную историю о птенце, потерявшем мать, и сторожившим звезды на крыше Небесного дворца. Звезды поведали ему тайны трав...

– Откуда ты все это знаешь? И сказки, и травы? – господин явно был удивлен. Мальчишка не улыбнулся – но его лицо просветлело. Он чуть склонил голову:

– Травы я знаю плохо. А сказки... они везде.

«Не одна душа живет в этом существе. Деревенский мальчишка, порою неловкий, правда, умеющий быстро учиться – это понятно. А зеленоглазый оборотень, он-то откуда взялся? В самую пору звать заклинателя, изгонять его из чужого тела».

Однако в подобные байки Отори не верил, да и оборотень был хорош. Среди расписанных стен, синего, богатых оттенков, шелка и резных перегородок из светлого дерева он смотрелся великолепно, и впрямь – неким лесным существом. Двигался с бесшумной текучей упругостью, словно между стволами в чаще. Отзывался на любое проявление доброты со странной порывистостью, испуганной и нежной одновременно. Но господин заметил – тот все время боится чего-то, особенно – прикосновений. Вытягивать из Йири слова было делом тяжким, и толком Отори узнать ничего не сумел. На требование рассказать, как с ним обращались раньше, мальчишка отвечал односложно и голосом неживым, глухо звучащим. Лень было возиться с этим, да и не нужно. Скоро хозяин дома перестал обращать на это внимание. Однако дал мальчишке прозвище Раи – так на юге страны называли тамошних лесных существ, наполовину оборотней, наполовину духов. После уже и слуги не звали его иначе. А слуги его любили, хотя и опасались странного взгляда в упор, когда он будто сквозь них смотрел.

Отори, долго проживший в столице, уроженец окрестностей Аэси, с трудом переносил диалект северян – и Раи учился говорить, как принято в Сиз-Рэн. Впрочем, он вообще был молчаливым – однако....

Он не просто делал то, что положено – он должен был делать это хорошо. А вкусы Отори сохранили много столичного блеска. В этом доме слуги одевались в одежду указанного господином цвета, разного днем и ночью, и в разное время года, и носили одинаковые прически. И в деревенском мальчишке, словно зерно весной, начинало расти то, о чем он и помыслить не мог раньше. Простые, грубоватые караванщики, и даже Кенну об этом и не задумывались. Разве что Хиранэ видел в маленьком работнике не просто большеглазого паренька из деревни, а нечто более тонкое.

Раи подошел дому и господину, как подошел бы изумруд золотой оправе.

Его обязали быть достойным оправы.

Иногда Отори читал стихи вслух. Порою Раи находился рядом. Он слушал с закрытыми глазами – а может, и вовсе не слушал, мысленно улетаю куда-то. Лицо становилось словно из воска сделанным. Но однажды он произнес фразу из одного такого стиха. Запомнил он только ее, или что-то еще – Отори не пожелал узнавать. Но даже такая мелочь ему польстила – уж если этого зверька проняло...

Да, мальчишка бывал временами неловок, но это лишь вызывало снисходительную усмешку. Зато он умел рассказывать чудные, странные истории, порой страшные, порой чуть не заставляющие плакать. Откуда он брал их – неведомо.

Почему Отори взялся учить его тонкостям этикета и различиям рангов, он и сам не смог бы сказать. Разве – зима, нечего делать. Гости бывали редко и одобряли игрушку – так почему бы не уделить ей чуть больше времени?

Иногда господин брал его в город. Тогда, если настроение было хорошим, немного отдергивал занавеску носилок и обращал внимание подростка на это или на то.

Что видел Раи во время редких прогулок – узоры, отличия кроя – то, возвратившись, переносил на бумагу и тогда уже запоминал намертво. Услышанное же запоминал сразу, хотя мог бы и записать – яну он знал.

«Это – зимняя птица. Весной, когда все цветет, ее темное очарование только мешает, как мешает горький холодный запах сухого цветка чувствовать аромат первоцветов. И сказки она поет темные, странные – они хороши в осенние или зимние жуткие вечера, когда нечисть бредет по дорогам. Только «да», «нет», «не знаю» произносит та птица языком человека, остальное же – своим, глубоким горловым птичьим звуком, отчего оживают сказанные слова.

По ночам она стоит у окна и перекликается с оборотнями – совами, и духами – свитой луны. Кажется, сутки может пробыть без движения, словно душа выходит из тела и отправляется путешествовать».

Слуги с криками забегали по дому – нашли змею в покоях. Она забилась под циновку и раздраженно шипела. Серая в белую полоску, луговая гадюка – яд ее был не смертельным, но все же опасным весной, после змеиной зимовки. Змей местные боялись сильнее, чем следует – слуги пытались убить гадюку, но только ранили, при этом разозлив изрядно. Покинув укрытие, змея стремительно перетекла в угол, а потом – в стенную нишу, и бросалась на каждого, оказавшегося на расстоянии трех ни.

Откуда взялся Раи, слуги, поднявшие излишне много шума, не заметили. А мальчишка буквально просочился между ними, – и ловко схватил змею за хвост, бросил в полотняный мешок, который держал в руке. Немного опешившие слуги хотели было забрать мешок с извивающейся шипящей пленницей, но натолкнулись на вопросительный взгляд.

– Ее надо убить, – объяснил один.

– Нет, – Раи поднял глаза – холодные.

Вышел из дому. Слуги следовали за ним на некотором расстоянии. А тот, не замечая хлесткого ветра, в легкой одежде, дошел до ограды, присел у изгороди, смотрящей на луг. Выпустил змею – та вяло попробовала кинуться, но потом уползла за решетки. Сзади раздался голос Отори:

– Зачем отпустил?

– Она хотела тепла. Ее не за что убивать.

– А если укусит?

– Этот укус не смертелен.

– Кому будет радость, если она вернется?

– Не вернется, – Раи, откинув длинную челку, поднял глаза. Они потемнели. – Она умная.

– А ты не очень, дружок, – Отори направился к дому. Раи остался стоять на ветру. Господин оглянулся:

– Змее захотелось тепла. А тебе больше нравится тут?

В лице мальчишки что-то дрогнуло, и он пошел к двери. Старшему из слуг, немало удивленному тем, как непочтительно мальчишка вдруг заговорил с господином, Раи в этот миг напомнил фигурку из воска.

Да, слуги его любили – а после случая со змеей еще и побаивались. Таких же, как он, Раи сторонился, хотя заносчивости не было в нем. Говорил он мало, сам заговаривал редко – хотя господину рассказывал странные, красивые истории. Хоть под дверью подслушивай!

Однажды спросил у старшего по дому слуги:

– В провинции Хэнэ никаких новостей?

Тот брови поднял:

– Откуда мне знать? Не у меня спрашивать нужно. А Хэнэ – она большая. Если что, господин знает, наверное.

Раи еле заметно качнул головой – нет, мол. То ли «не знает», то ли «не стану спрашивать». И отошел.

– Погоди. Ты, что ли, оттуда?

Мальчишка не ответил. Только руку к щеке приложил, постоял так немного. Потом словно ветром его сдуло.

– Почему? – жаловалась одна из сиин старшему по дому потом. – Он вообще себе на уме, слова от него не дождешься, а всё ему достается. О нем только упомяни – сразу у всех лица меняются, словно хорошее что сказала.

– Глупышка, – отозвался старший. Больше не произнес ничего.

– Скажите, бывает так, что Бестелесные отвернулись от человека?

– Разве злодей какой... И то – нет, тогда просто судьба накажет его. Я не силен в этом... – старший потер переносицу.

– А если ему судьба – стать злодеем?

– Совсем ты меня запутал. Случилось что?

– Но у человека не может быть выбора? Если ему начертано что-то, оно все равно сбудется?

Раи тревожно взгляделся в глаза собеседника и вдруг отступил назад, будто испуганный тем, что прочел там.

...А с началом весны пришло время проверок, время оставить на месяцы дом и покойную лень.

Зверушку-оборотня с собой не возьмешь, слишком он странный. А запереть его в доме – не дело: Отори освободится не скоро, и после окончания дел не сразу вернется. Сестра ожидает первенца, не навестить нельзя.

К тому же вещь хороша, когда ею пользуешься. Отдать кому из знакомых – чувство собственника восставало.

Довольная улыбка скользит по лицу.

Хорошие слуги стоят многого, и поступать с ними должно как можно лучше. Воспитанные люди иного себе не позволяют. Мальчишка был хорошим слугой. Он заслуживает награды.

Сиз-Рэн – мечта провинциалов. Черный Соболь везет туда важные письма – пусть и мальчишку прихватит. Есть, кому его поручить. Когда-то она была очень красива... хоть и старше Отори. А Раи... уж вытерпит еще один раз.

Позвал его – появился, как всегда, тихо. В доме прохладно – Отори любил свежий воздух – но мальчишка одет легко, и холода, похоже, не чувствует.

Впервые в разговоре с Несущим тень испытал некоторое смущение, Отори сказал ему свое решение – и даже до подобия объяснений снизошел, видя, как стали пустыми глаза.

– Господин! Не отсылайте меня! – шепотом произнес тот, и полным какого-то неживого отчаяния был его голос.

– Ну, что ты? – удивленно и чуть испуганно даже откликнулся Отори. Прибавил ласково:

– Дурачок, с чего ты взял, что тебе будет плохо? Я пристрою тебя в хорошее место.

Тот не отозвался. Отори вспомнил, как он панически боялся остаться в гостинице. Чем вызван этот страх?

– Скажи, чего ты боишься? Что с тобой поступят как-то не так? Или другого?

Раи покачал головой.

– Позвольте мне просто уйти.

– Зачем? И куда?

– У меня был дом.

– Где?

– На той стороне Орэн...

– И как ты доберешься туда?

– Доберусь.

Отори задумался. Он знал, что мальчишка из деревенской семьи. Но он талантлив. И совсем не похож на грубых тупых крестьян. Его нельзя отпускать туда – кто ж отдаст таскать воду и камни породистого жеребца, даже если больше не может ездить на нем?

– Ты поедешь в столицу.

Мальчишка прикусил губу. Потом отвернулся. Отори понял, что больше тот ничего не скажет. Так и случилось. Впрочем, Отори и не пытался особо с ним разговаривать, боялся, что передумает. Если бы мальчишка начал его умолять, он бы оставил его, наверное. Сцен и слез Отори тоже не выносил. А уж от слуг – тем более. Те должны исполнять, что сказали. И он был даже рад, что все так легко и быстро уладилось.

Он постарался напоследок выказать мальчишке свое расположение, но тот словно этого не замечал – перед Отори снова было нечеловеческое существо, по сути, безразличное к тому, что происходит с его оболочкой – и при этом ласковое и покорное. Так что Отори даже вздохнул с некоторым облегчением, когда Раи покинул его дом. Слишком уж много сил и внимания на него уходило.

* * *

Черный Соболь безраздельно был предан господину Отори и приказов не обсуждал, хоть и странным ему казалось поручение господина. Не его то было занятие, доставлять

вещи в столицу. Иной мог и обидеться за подобное поручение – но не Черный Соболь. К тому же и мальчишка оказался совсем не помехой.

Раи – так называл его Отори, и другого имени Черный Соболь не знал – был существом на редкость послушным и незаметным, если надо. Сказано – он должен быть доставлен в столицу. Не исполнить повеление – позор для виновного. Значит, Раи должен попасть, куда велено, живым и здоровым. Если же вдруг он попробует покинуть Черного Соболя, чтобы поискать себе иной доли – к примеру увязаться за кем-то – то вернее будет убить его, но не дать выставить на посмешище Черного Соболя и господина Отори впридачу.

Впрочем, он сам не верил, что его будущий подопечный способен муху отогнать без приказа. В простой темной одежде подросток казался младшим из слуг. Темный шарф из той же материи стягивал его голову, а во время дождя и сильного ветра он накидывал сверху еще и капюшон. И ничем бы не отличался он от людей Черного Соболя, если бы не почти полная неподвижность.

Отори уверил своего посланника, что мальчишка вполне способен держаться в седле. Это было немного необычно для сиини – однако Черный Соболь скоро убедился в этом сам. Не то что бы Раи был очень хорошим наездником, но на лошади сидел так, словно привык ездить верхом – и, скорее всего, без седла. Лошадку для Раи подобрали смирную, серой масти. Повод ее скрепляли с поводом лошади Черного Соболя или одного из двух его слуг.

Погода в начале весны стояла отвратительная. Грязь на дорогах, дождь, сменявшее его жаркое солнце – то холод, то сырая духота.

Присоединились к небольшому обозу, идущему в Сиз-Рэн. Попутчики попались хорошие. Пара чиновников, молодой студент, небогатый горожанин с сыном – Черный Соболь смотрел на них свысока, однако для долгой дороги спутникигодились.

Однако гладко все было лишь первые несколько дней. Слишком уж невзлюбили Раи и хозяева обоза, и присоединившиеся путники.

Молчаливый, с опущенным взглядом, смотрящий на все безразлично, как через густой туман, он казался вырезанной из черного льда статуэткой. Сначала его не замечали. Потом сочли, что у него дурной глаз. Приметили родинку на лице – крошечную, ее тоже посчитали недобрый знак. Тем более людям не пришлось по душе имя мальчишки – студент не преминул разъяснить, что на диалекте провинций юга «Раи» означает «оборотень». А погода была прескверная – чувствовали себя люди неважно, и дорога временами была совсем непроезжей. У одной лошади из обоза разболелось копыто.

Черный Соболь хмурился, когда смотрел на мальчишку. Тот был ко всему безразличен, что верно, то верно, однако, стоило обратиться к нему, он поднимал голову – и взгляд становился внимательным, мягким как бархат. Это пугало.

Первую неделю пути одолели.

А начало второй недели отметила неожиданно ранняя гроза.

Разразилась днем – но тучи так заполнили небо, что потемнело изрядно. Укрыться было негде – поля, только огромное мертвое дерево невдалеке. В него и ударила молния. Сухое, оно загорелось мгновенно, и чахлые кусты возле него загорелись. А дождя еще не было, зато гром оглушал.

Крича о гневe Иями, одни кинулись к лошадям, другие врассыпную. Черный Соболь соскочил с коня. Раи замер на своей лошади – неподвижная темная фигура, смотрящая на огонь. Он выглядел частью стихии – спокойный и равнодушный, уголь в противовес огню.

– Посмотрите на это! – закричал кто-то, указывая на него.

– Он! От него все! – истошно завопил другой.

Люди ошетинились, пошли вперед – кто робко, кто очень зло.

Черный Соболь сдернул мальчишку наземь и загородил его от перепуганных попутчиков.

– А ну, тихо! – рявкнул он. Выглядел посланник Отори свирепо. Белые молнии кромсали небо.

– Кто только тронет... – люди притихли, особенно когда двое младших спутников Черного Соболя встали возле него.

Гром ударил по ушам с небывалой силой, казалось, Иями сходит на землю. Сильный порыв ветра – и сразу после этого дождь. Он обрушился единой тяжелой массой, словно хотел сравнять с землей тех, кто посмел стоять на ногах. Люди больше не представляли угрозы. Им сейчас было не до того.

Черный Соболя от души отвесил мальчишке затрещину.

– Клянусь рогами демонов, ты просто придурок! Они бы убили тебя!

– Ну и что, господин? – глухо прозвучало в ответ.

– Я обязан доставить тебя в столицу, раздраженно проговорил Черный Соболя. – Если уж ты умрешь, то только по моему решению.

– Нет. – Это слово он произнес впервые. Черный Соболя опешил. Он привык к молчаливой безвольной покорности Раи, словно к покорности вещи.

(Дождь, похоже, всерьез решил смыть с земли все, что дышит. Струйки стекали по капюшону Раи, по его лицу. Но подростку было все равно)

– Нет, господин. Воля человека не может отнять жизни. Только воля неба.

– Хм... – Черный Соболя не нашелся с ответом. В словах мальчишки не было дерзости. В них вообще не было жизни.

Стояла пора новолуния. Ночью на землю бросили деревянные складные щитки – на мокрой земле лучше не спать. Однако одеяла не пропускали холод ночи, холод ранней весны.

Черный Соболя дремал вполглаза, наблюдая за Раи – ему что-то не нравилось, беспокоило – так беспокоит воздух перед грозой. Жалобно заржала одна из лошадей – та, что была больна и плелась через силу. Темная фигурка поднялась и устремилась к ней. Черный Соболя издал невнятное шипение – не один он мог видеть Раи, дозорные тоже не спали, хоть и вяло соображали после недавней передряги с дождем и молниями. Но никто не произнес ни звука.

Мальчишка обвил руками шею лошади, что-то ей говорил тихо-тихо; животное успокоилось. Потом нагнулся к ее копытам, опустил на землю – что-то делал. После еще некоторое время крутился возле нее... наконец вернулся на место.

– Сволочь, что же ты делаешь! – прошипел Черный Соболя, стараясь не разбудить попутчиков, – Зачем суешься, куда не просят? Какое тебе дело до этой клячи?

Раи опустил на колени молча, с низко склоненной головой. Лица его посланник не видел.

– Они свернут тебе шею, и я не смогу исполнить приказ господина Отори, – задумчиво сказал Черный Соболя. – Что ж... посмотрим, что будет завтра.

Назавтра лошадь явно повеселела. Она все еще немного прихрамывала, но было ясно, что животное выздоравливает. Попутчики еще больше косились на мальчишку – видимо, дозорные его все-таки углядели. Но люди уже были напуганы, и выздоровление лошади сочли колдовством.

Черный Соболя начал подумывать, что лучше отстать от других путешественников.

Прибыли в окрестности озера Айсу, Серебряного. Оставалась неделя пути до столицы. Уже проглядывала поросль серебристого ковыля, который летом возле озера становился сплошным покровом.

Пока Черный Соболя и его люди мрачно поглядывали на спутников, а те отвечали им не менее хмурыми взглядами, Раи вел себя, как обычно. Статуэтка была бы таким же попутчиком, разве что этот двигаться мог. Лицо полузакрытое, жизни в текущих движениях нет. И все же Черный Соболя сомневался, на самом ли деле Раи настолько послушен – или только

притворяется для каких-то своих целей. Он сам понемногу начал подозрительно посматривать на подростка, правда, без малейшего страха, в отличие от спутников. Не сбежал бы тот, прибыв в Сиэ-Рэн.

Впрочем, лишь бы передать его, куда велено, а там пускай хоть в огонь прыгает.

В сумерках проехали мимо леса. Из-за деревьев раздался рыдающий хохот – он катился между ветвей, как камень с горы.

– *Кьонг*. Пересмешник, – спокойно сказал мальчишка, заметив испуганные глаза людей Черного Соболя. Попутчики не слышали негромкого голоса, и не скрывали страха. И верно – мало кому по душе бы пришлось дикое, болезненное веселье невидимой птицы. Только фигурку в одежде без единого светлого пятна оно не тревожило. Снова пополз, прижимаясь к земле, человеческий ропот.

На привале от прочих отделился едущий в столицу чиновник – еще молодой, он выглядел старше своих лет и держался уверенно и солидно.

– Простит ли уважаемый, если я осмелюсь дать ему совет? – крайне вежливо, но категорично обратился он к Черному Соболю – без господина Отори они были равны.

– Простит, – довольно жестко ответил посланник.

– Люди... хм... простые стали вашими попутчиками. Они верят в то, что просвещенные зачастую отвергают слишком поспешно. Так уж сложилось...они напуганы. Ваш мальчик...говорят, что у него дурной глаз.

– Он вылечил лошадь! – резко сказал Черный соболя.

– Не спорю, – поспешно согласился чиновник. – Но для чего и, главное, как он это сделал? В караване есть опытные лошадики – а он почти что ребенок. И кроме того... Поверьте, вам лучше ехать отдельно. Будет жаль, если малыш пострадает. А до столицы осталось четыре дня. Никому не нужна ссора.

– Дорога одна. Придется вам потерпеть, – сухо бросил Черный Соболя.

– Позвольте... Скоро дорога раздваивается. Одна ее часть удобней для каравана, но несколько верховых, без сомнения, предпочтут ехать более коротким путем, – он поклонился и отошел.

Черный Соболя выругался сквозь зубы.

– Славно пошутил господин Отори, – пробормотал Черный Соболя, когда разрезавшая дорогу скала скрыла караван.

– Раи...оборотень. Почему мой господин назвал его так? Тень демона...не больно удачно вышло.

– Эй! – обратился он к подростку, который, кажется, и не заметил, что их осталось четверо.

– Каково там твое настоящее имя?

– У меня его нет, – без выражения отозвался мальчишка.

– Ну, раньше-то как тебя называли?

Мальчишка молчал некоторое время. «Господин сказал на прощание – теперь пусть тебя зовут так, как захотят...»

– Не имеет значения, – прозвучало это не дерзко – устало. Странно, но Черный Соболя не рассердился. Даже усмехнулся краешком рта.

– А ты способный малыш. Напугать целый караван. Да и мои люди на тебя косо поглядывать начали.

Тени таяли, и напряжение последних дней начинало спадать. До столицы и впрямь было уже недалеко. А там... он оставит эту черную статуэтку, и будет свободен.

...Туман тек по самому краю поля, переливающийся и матовый одновременно. Мальчик вскинул голову – ему почудилось движение в тумане: серебряный старик шел, статный, важный, вброд по бледно – молочной дымке.

– Хранитель луны... – беззвучно позвал мальчик.

Величавый старик оглянулся, будто слышал.

– Очень прошу... расскажи обо мне дома.

Не различить лица было, однако мальчику показалось, что тот улыбается и кивает согласно. Туман за клубился, поднялся выше, слился с высокой травой на краю поля. Хранитель луны исчез. Со вздохом мальчик заполз под одеяло, свернулся калачиком, положив голову на собственное плечо. Скоро заснул.

У подножия сосновой горы примостился маленький каменный храм. Серый, рифлеными стенами похожий на морскую ракушку, невесть как занесенную в центр страны.

Когда-то давно в этих местах жил старик, управлявший погодой, лечивший больных и заступавшийся за обездоленных. Потом в его честь и построили этот храм. Проехать мимо, не оказав уважение духу святого было недопустимо – оскорбленный, он мог весьма затруднить остаток дороги в столицу.

– В давние времена здесь неподалеку было сражение... Кто-то из дальней родни правителя много возомнил о себе, и поднял мятеж. Его конница была остановлена здесь ураганом, и все люди погибли.

– А лошади – нет? – Черному Соболю почудилась насмешка в негромком голосе.

– О лошадях не сказано в летописи.

– Я бы сказал, – непонятно было, серьезно он или смеет издеваться.

– Не самое последнее дело на войне – конь, однако есть вещи и поважнее.

– Те, кто начинают войну... Они отвечают за все. А другим остается совершать подвиги или безвестными умирать.

– Ты хочешь совершить подвиг? – уголок рта Черного Соболя дрогнул.

– Не хочу – на войне. Лучше работать в поле и тихо умереть, когда придет срок.

Черный Соболь вошел первым, его люди за ним. Раи опустился на колени возле самого входа. Черный Соболь сделал ему знак рукой – «иди сюда»! Если мальчишка и вправду оборотень, ему трудно будет находиться в храме. Или он просто не сможет через порог переступить. Хотя... есть такие, которые могут.

Раи подошел к нише – алтарю, не поднимая глаз. Ему нечего было положить туда – он опустил ладони на камень.

– Можешь о чем-нибудь попросить, – тихонько посоветовал Черный Соболь.

Тот покачал головой.

– Небо знает и без меня...

– Но ты чего-нибудь хочешь?

Довольно долго молчал.

– Я хотел бы остаться тут. Стать одним из камней этих стен... – похоже, и не заметил, что произнес слова вслух.

– Пойдем, – посланник Отори попытался отогнать наваждение – темная фигурка растворяется в камне.

«Не знаю, кто он, но он точно немного чокнутый», – подумал Черный Соболь.

На выходе Раи оглянулся.

– Ты чего забыл?

– Я слышал про этот храм, – тихо откликнулся тот. – Но не думал, что увижу его... вот так.

И добавил:

– Тот, кто мне рассказал про Хранителя Пути, уже не здесь... – его лицо стало серым и измученным.

«Все-таки оборотень, – отметил Черный Соболь. – Нехорошо ему стало в святых стенах».

* * *

Сиз-Рэн, Ивовый Остров, был крупнейшим городом Тайё-Хээт. И красивейшим, надо сказать. Не в пример тем городам, что и вовсе о своей красоте не заботились. Что же до Островка – тем более его Сердца, резиденции Солнечного, то об этом шел разговор особый. Далеко не каждый житель квартала Аэси оказывался достоин просто попасть туда. Лучшие мастера были удостоены чести оставить там собственные творения, будь то малое изделие или целый дворец, выстроенный под их руководством. Много сотен лет насчитывала Столица.

Здесь даже на окраинах располагались домики приличного вида – крошечные, но чистенькие; за этим следили. Сине-коричнево-белые крыши делали их похожими на изделия из сахара и глазури, какие подают к столу в богатых семьях. Почти возле каждого домика рос большой куст – или выросло деревце. По узким, выложенным плиткой канавкам бежала вода, поблескивали маленькие бассейны – все районы снабжались водой весьма хорошо.

Издалека было видно огромную стену – и нежную весеннюю зелень, рощицы и высокую траву, как волны, разбивающиеся о каменную кладку. Стена, старая, невысокая, выглядела внушительно до сих пор.

– Когда-то давно здесь стоял дворец – крепость кого-то из прежних Благословенных, – неожиданно заговорил Черный Соболя. – Он и был на месте нынешнего Островка. А ныне человеческие руки превратили Островок в настоящий остров. Говорят, сверху, со сторожевых башен, он похож на огромный глаз. Конечно, сейчас это не крепость. Однако стена вокруг столицы быть обязана.

В небе парили большие хищные птицы. Черный Соболя счел это добрым знаком.

– Ты не увидишь столицы, как увидел бы простой человек. Я отвезу тебя в Аэси – оттуда родом мой господин. Если тебя примут те, кому он хочет тебя поручить, там и останешься. Это удача для такого, как ты... да что там говорить, каждому хотелось бы жить там. Любой деревенщине лестно, если позволят хоть пыль подметать в Аэси.

– Что там? – после долгого перерыва подал голос мальчишка. Черный Соболя аж вздрогнул от неожиданности.

– Там находятся дома только уважаемых людей, многие из которых весьма высокого рода. Иные дома стоят в перешейках между пятью другими частями города, соединенных дорогами. Но части, подобной Аэси, нет.

– Что я буду делать в столице? – неожиданно и чуть ли не требовательно это звучало после его молчания.

– Разговорился... Что скажут, то и будешь. Не знаю. Видишь ли, мой долг – доставить тебя сюда. Господин Отори не приказывал всю жизнь возиться с тобой.

Однако в мальчишку словно демон вселился.

– Я обязан остаться там? Или нет?

– Ты мне надоед.

– Господин Отори относился ко мне хорошо. Я не могу ответить ему неблагодарностью. Но перед теми, кто там, впереди, у меня нет никаких обязательств.

– Надо было убить тебя по дороге, – раздраженно выдохнул Черный Соболя. – Мне все равно. Только прежде чем выкидывать какие – либо штучки, подумай, как это отразится на репутации оказавшего тебе покровительство – даже при том, что ты, вероятно, больше не увидишь его.

– Я хочу лишь понять, – тихо сказал Раи. – А идти отсюда мне некуда.

* * *

– Ну, покажи, что прислал господин Отори, – голос был женский, немолодой, но приятный. В комнату вплыла пожилая особа. Густые без седины волосы – явно накладные, – пышной прической обрамляли круглое лицо, на котором было на удивление мало морщин. Богатое платье переливалось красным и синим, походило на садовый цветок.

Мальчишка поднялся, длинным движением снял темный шарф с головы – волосы были сколоты на затылке, лишь несколько прядей выбрались на свободу. Спокойное лицо казалось сделанным из золотистого снега – холодное в своей отрешенности и мягкое одновременно.

– Неплохая зверушка, – улыбнулась женщина. – Он всегда любил все красивое. – И чуть озадаченно сдвинула брови, разглядев черную «метку»:

– Метка? Ну-ну. Особенный, значит. Придется гадалщика звать, узнавать, к добру или к злу этот знак. Недобрый – нехорошо, придется избавляться от тебя. Впрочем, если к добру... – она призадумалась. Если верить изображению и легендам, у Лотос, девушки – героини, была такая же родинка.

Черный Соболь вспомнил испуганных попутчиков, и уголок рта невольно пополз вверх.

– Господин Отори не прислал бы в столицу то, что может быть злом.

– Это не нам решать, – хладнокровно ответила та. – Что-то он у себя его не оставил. Может, судьба так распорядилась, а может, и нет. А в остальном... приспособлю я его куда-нибудь, если нет на нем тени. В столицу много таких из провинций привозят. И правильно. Красивое тут должно быть.

Раи слушал их безо всякого выражения. Однако женщина вдруг обратилась к нему:

– А ты, похоже, не рад очутиться в столице?

– Не знаю. Я не видел ее.

И глаза закрыл, словно и не желая видеть. Вдруг понял, что никогда не вернется в Хэнэ.

5. Аэси

Утренний воздух прозрачен – девушка знала это. Она привыкла просыпаться, когда небо только подумывало стать светлее, когда птицы начинали пробовать голоса. Ей не хотелось тревожить других, и она лежала, открыв глаза, или садилась к столу и писала – на прозрачной бумаге *итасси*, какую выбирают поэты, или на более плотной, желто-зеленой *хэйти*, годной для личных записок, или на ученической *нисса*. Перебирала другие листы, зеленоватые или нежно-голубые, шелестящее-хрупкие или гладкие, словно шелк. Только бумаги *ниили*, на которой пишут указы, не было у нее – и невесомой, словно с размытым рисунком внутри – *шитека*, Облако в Танце, которой доверяют послания сердца.

Или девушка доставала шкатулки, стоящие в нише возле ее постели – темную, инкрустированную серебром, или другую, из кости, вырезанной так искусно, что шкатулка смотрелась плетеной из тонких нитей.

В первой – лежали грубоватые, тяжелые украшения из бронзы и кожаных ремешков – Хали они казались очень красивыми, *настоящими*; несколько камешков и, в кожаном чехле – стебли степной сушеной травы. Ставшие невзрачными и бледными, когда – то розовые цветы. Девочка по имени Шафран привезла все это из восточной холмистой степи.

Во второй – только детский браслет и кольцо с золотым лунным камнем. Мать подарила их Хали, когда та вышла из младенческого возраста. Тогда девочка только радовалась подарку, особенно кольцу, которое носить еще не могла. А лет с пяти – не снимала, до дня, когда стало мало.

Сегодня Хали не стала следовать привычному течению утра. Она кликнула девушек, немилосердно разбудив их – и те, протиравшие глаза, помогли Хали одеться. Звать дам старших по рангу Хали не стала, а сами они не проснулись. Быстрыми шагами вышла во двор – там дожидались носилки. Усевшись, опустив занавеску с вышитыми рыбами и змеями моря, Хали задумалась – и не заметила, как одолели расстояние от Сердца Островка до Храма Иями и Сущего. Не больно-то велико расстояние – особенно по хорошей дороге. А дорога была хороша – золотисто – белые плиты, квадратные, одинаковые на всем отрезке пути.

Носилки остановились не у главных ворот – в небольшом дворике. Каменное кружево стен и нефритовые изваяния, между ними – кустарники с глянцево жесткой листвой. Никто не стал на пути Аину – напротив, троюродная сестра встретила ее на пороге, провела внутрь помещения.

– *Санэ*, – улыбнулась девушка. Виделись они редко, но тепло между ними было. Только отец и Посвященная обходились без формальностей в разговорах с Аину. Только сюда за пределами Сердца Островка могла наведываться девушка, не спросив позволения. Прозванная за цвет глаз Соколицей, Посвященная выглядела моложе двадцати семи лет. Одета в темно – серую накидку – только во время обрядов одежда Соколицы была белоснежной, с оранжевым и золотым. И обстановка жилья – простая до изумления, хоть и не бедная. Девушки-*шемэ*, которые находились при Храме, жили еще проще. Когда-то Хали все это поразило неприятно. Теперь она завидовала.

– Ах, Соколица, если бы я могла стать, как ты...

– Невозможно.

– Как часто я слышу это слово... а еще чаще произношу его сама для себя.

– Твой отец правит. Ты не можешь стать Посвященной – *сэрини*. Благословенный здоров, храни Сущий его дни – и, даже если он не доживет до старости, тебя все равно успеют выдать замуж. Это важно для страны.

– Да...

– Глупенькая, – голос сестры стал ласковым. – Ты хотя бы получишь счастье иметь детей. А я отслужу свое здесь – и буду доживать дни в почете и одиночестве. А мое место займет другая.

Хали подумала, спросила вскользь:

– Как поживает моя вторая родственница – Посвященная?

– Хорошо. Она обучает девушек – шемэ вышивать и складывать из бумаги фигурки – не впустую проводит время.

– Разве такие занятия положены в Храме?

– Не запрещены, – повела плечом Соколица. – Мы тоже можем испытывать скуку.

Хали сидела молча, сцепив руки.

– Что беспокоит тебя? – мягко спросила сестра.

– Я боюсь. Мы и так лишены права выбора, я же – особенно. Слухов о моем предстоящем замужестве еще нет?

– Я не покидаю Храм. Но тебя могу утешить – об этом еще не велись разговоры. Это я знаю.

– Не знаю, кому меня отдадут. У сууру берут в дом по три жены. Это ужасно – я не смогу...

– Можешь не беспокоиться о западных соседях. Ты же не полностью крови тхай.

– Нет, нет... напротив. Здесь, в тихом месте, вы забыли о жизни. Напротив, они будут пытаться меня получить – ради союза с кочевниками.

– Отец тебя не отдаст. Если ты понимаешь – неужто не догадается он?

– Мало ли что может быть... Сууру сильны...

– Отец твой не станет покупать мир такой спорной ценой. Соколица протянула руку, взяла Хали за подбородок.

– Однако ты слишком много думаешь о том, о чем женщине не подобает. Как только тебе позволяют просто знать о таких вещах?

Девушка вспыхнула, но быстро совладала с собой.

– У моего отца нет сына. Я – не замена, и все же меня учили. Не знаю, зачем. Иногда я думаю – только затем, чтобы сейчас указывать мне на то, что я – женщина, и ни к чему не пригодна, даже обладая знаниями и умом.

Соколица всмотрелась в лицо Хали. Медленно произнесла:

– Надеюсь, такие речи ты ведешь только со мной?

– Я могу что угодно сказать, – горько ответила девушка. – Разве кому-то не все равно?

Соколица кивнула. Ее желто-коричневые в мелкую крапинку глаза словно дымка заволкла.

– Ты можешь кричать об этом на площади. Но я бы не сделала шагу, чтобы это услышать – ради своей собственной жизни. Дитя... ты ведешь такие речи с тем, кому веришь, и занносишь отточенную лэ над их головой.

– Меня на днях навестил мастер Весенний Ливень, – переменяла тему Соколица. – Подарил мне свою миниатюру с цветущим деревом. Сетовал, что нет достойных учеников. Подражатели – самое большее. Боятся, что канул в прошлое золотой век художников.

Хали улыбнулась кончиком губ – улыбка бледноватая, однако настоящая.

– Я люблю смотреть на его работы. От них на сердце светлее.

Совсем скоро Хали собралась возвращаться. Никто ее не гнал и не ждал, и все же она не могла позволить себе подолгу находиться даже здесь.

– Побудь еще, – пыталась уговорить ее Соколица. – Ты редко навещаешь меня. Скоро мы станем видеться только по храмовым праздникам.

– Я стану смотреть на тебя снизу вверх, как на облаченную высшей властью, – на миг проглянула веселая девочка, и скрылась опять.

Соколица помедлила, поглядев на троюродную сестру.

– Остерегайся любых влияний. Два Дома сейчас – пауки в одной норке. Пока они еще терпят друг друга, и другие Дома не определились. Но у Лисов родня получает хорошие должности. Скоро... Оберегай тех, кто тебе дорог.

– Ты сейчас говоришь о вещах, за которые упрекала меня.

– Да. Я женщина, и я Посвященная. Но все же и во мне течет капля Золотой крови.

Девушка встала, чуть поклонилась старшей сестре.

– Я буду помнить, – и вышла во дворик, проследовала за каменную ограду. Соколица провожала Хали, держась на три шага позади.

– Айэ, девочка, – беззвучно произнесли ее губы, когда девушка миновала ворота, направляясь к носилкам.

Храмовая бумага хооли – золотая...

* * *

Квартал в Аэси

– Ты правда сделал что-то необыкновенное со своими спутниками по дороге сюда?

– А правда, что ты можешь превращаться в дикого зверя?

– А ты в самом деле знаком с оборотнями и маки?

– Нет, – с завидным терпением отвечал он. Потом перестал. Поводил плечом – пусть думают, как угодно. Но долго еще слышал разговоры у себя за спиной.

Не сразу он в должной мере оценил, в какое место его привезли. Сюда нельзя было попасть с улицы – детей и подростков тщательно отбирали из лучших. Только слово Отори значило много для хозяйки этого Сада, и она приняла мальчишку.

Здесь жили красиво и празднично. Алый Квартал в Аэси – самый дорогой и яркий плод среди растущих на том же древе. Все тут было по-своему. Внутренние дворики домов располагались не спереди, а сзади, и все словно состояли из укромных уголков. Тихо не бывало – вечно что-то звенело, наигрывало, пело, смеялось. Остаться одному надолго было еще сложнее, чем отыскать тишину.

...Он смотрел в зеркала – бронзовые или серебряные – и не понимал, кого видит там. Собственное лицо казалось чужим, и от того неприятным. Тот, кто отражался в озерной или речной воде, куда больше был им. *Этот* – всегда был послушен, его часто хвалили – но похвалы обтекали его, как воздушные струйки – каменный выступ.

Их обучали многому – навыкам слуг в личных покоях, красивым движениям, ритму, ставили голос и учили говорить правильно и почтительно, рассказывать истории и читать вслух стихи; необходимому этикету, искусству составления букетов, складывания писем и просто фигурок и цветов из бумаги, умению укладывать волосы, разбираться в напитках и ароматах, одеваться. Учили распознавать, что говорит узор и покроем одежды, язык цветов и драгоценных камней...

Музыке, пению и танцам не учили особо – готовили не актеров, однако начальные навыки получали все, и более талантливые могли пользоваться ими, развивая самостоятельно.

Все это было чуждо мальчишке из лесной деревни, однако скорее привлекало, нежели отталкивало.

Настоящих друзей из себе подобных подросток здесь не нашел. Помогал, чем мог, расспрашивать опасался – мало ли что у кого в прошлом. А ему часто снился один и тот же сон: взлетающая лэ и кровь. Больше никто не выжил – понимал, когда просыпался. Не из-за него ли погибли все? Казалось, что и семьи уже нет.

Рисовал фигурки караванщиков и родных – скупыми штрихами, на песке – веткой, на бумаге – углем. Порой надеялся, что фигурки оживут; одергивал сам себя. Не оживут ни фигурки, ни мертвые.

Поначалу те, кто обучал воспитанников красивым движениям, разводили руками. Неторопливой отточенности *сэ-эттэн* новый мальчишка не соответствовал, но диковая, текущая естественность жестов оказалась не хуже веками утвержденного канона. И голос был певучим, как *тоо* — но это вряд ли могло удивить Нэннэ. Она встречала многих уроженцев Тхэннин, и слышала этот говор, грудной, протяжный немного.

Новичку поручено было ухаживать за птицами. Во «владениях» Нэннэ их водилось достаточно – одни создавали уют, других приносили и раздавали в качестве подарков. Было даже несколько весьма редких и дорогих птичек. Некоторые из них умели говорить, передразнивая человеческую речь, – а одна, белая с желтым хвостом, казалась почти разумной. Другие пели великолепно, вплетая в песню рулады ручья, звон стеклянных колокольчиков и голоса других птиц. Йири – теперь его снова называли по имени – нравилось возиться с пичугами. Он легко определял, какая птица поймана недавно, а какая родилась в клетке. Таких часто можно было брать в руки, и они лишь беззаботно щебетали, не пытаясь улететь. Никто не знал, были у него любимцы, или же нет. Со всеми он обходился ласково и спокойно, и, кажется, ни к кому не привязывался.

Клетки с птицами стояли в саду, возле бассейна, выложенного зелеными плитами. Что уж нашло на мальчишку, но подоспевший старший слуга увидел птиц уже над ветвями садовых деревьев. Схватившись за сердце, он кинулся к виновнику этого безобразия – и остолбенел, увидев на лице того детски-счастливую улыбку.

Конечно, Йири крепко досталось. Однако на все вопросы о том, почему он позволил себе столь странную дерзкую выходку подросток молчал, и на губах его была необычная усмешка. Словно он знал нечто, о чем другие и не догадывались. Подобное выражение лица продержалось недолго, он снова стал прежним – но хозяйка Сада призадумалась. И отныне с опаской поглядывала на него, внешне тишайшего из всех, послушного ученика.

Он тоже умел задавать вопросы.

– Кто такая Лотос? – спросил он однажды.

Нэннэ заулыбалась.

– Ты запомнил, что я сказала тогда? Или слышал где-то еще? Хорошо. Слушай – во многом из-за нее ты здесь. Лет двести прошло, а то и больше. Она была молоденькой придворной дамой, не из тех, кто стоят высоко. Двоюродный брат тогдашнего Тайё, Солнечного – в нем тоже была чистая кровь Золотого Дома – решил захватить власть. Лишь единицы поддерживали его, – а он захотел добиться отречения. Жена Благословенного и двое маленьких сыновей были у моря; на обратной дороге, когда они отдыхали в дорожном домике, на них напали. Мать мальчиков была убита, а детей Лотос сумела спрятать, и позже покинула стены дома с ними вместе. Она переделалась крестьянкой, малыша укрыла в заплечной корзине, а старшего выдавала за своего сына. Она боялась послать весть в столицу – не к тем могла попасть эта весть. В уединенной пустой хижине отшельника жили они, пока их не разыскали люди Благословенного. Лотос первой из женщин причислили ко Второму кругу – а всего их было две за историю Тайё – Хэат. У Лотос была такая же метка, как у тебя – теперь ее считают счастливым знаком. А в старину таких при дворе не больно-то жаловали.

– А вторая... та самая женщина-воин?

– Ты кое-что знаешь, – удивленно подняла брови Нэннэ. – Впрочем, здесь, в Аэси, этим мало кого удивишь.

Он впервые увидел по-настоящему высоких особ. Те приезжали на представления, в Хаатарэ – на улицах все склонялись, давая дорогу носилкам и лошадям; и после – вокруг них образовывалось пустое пространство, хотя ни они сами, ни слуги их не прилагали к тому

усилий. Лица этих людей были спокойны – они никогда не смеялись, позволяя себе разве улыбку, хотя большинство тайо были молоды – старшие искали иных развлечений. Теперь Йири было немного неловко – те, кого он считал знатными господами раньше, к *этим* – не посмели бы подойти. Впрочем, нечасто Высокие удостаивали Квартал своим посещением.

В Аэси Йири жилось свободнее, чем в доме Отори. Он даже мог бы временами ходить один – однако знал, что за всеми такими, как он, присматривают незаметно. Не того опасались, что они захотят покинуть Сад Нэннэ – кто же откажется от жизни такой и от будущего? Глупец разве что – да кому такой нужен? Скорее, охранять нужно было от тех, кто захочет похитить подобную драгоценность. Хоть строго с этим было в Аэси, сильны пороки людские, и демоны даже сюда пробирались. Поэтому чаще всего Нэннэ отпускала своих воспитанников по трое-четверо – и охранники незаметно шли сзади.

Хоть и весьма относительной была подобная свобода – несколько улиц всего – подопечные Нэннэ радовались и такой воле.

В ее Саду те, кто был достаточно взрослым, не задерживались подолгу – но Йири она отдавать в чей-то дом не спешила.

Незаметно лето пришло.

* * *

Хаатарэ

На этой большой, белыми плитами выложенной площадке выступали известные циркачи, музыканты и прочие приносящие радость. Сюда допускали только лучших артистов, и порою даже люди высокого рода смотрели на них – и кого-то потом приглашали в свои дома.

Когда Йири в первый раз оказался там, вниманием всех владел человек с дрессированными ящерицами. Большие, зеленые с бурыми пятнами и воинственно торчащими гребнями на спине, животные крутили колеса, играли яркими шариками и пританцовывали. Публика смеялась и ахала.

Потом настал черед плясуньи. Йири отвлекся, глядя вслед дрессировщику, запихивавшему ящериц в клетку из темно-коричневых глянцевого прутьев, и не сразу перевел взгляд обратно в круг. А там уже совершалось маленькое чудо.

Пятнадцатилетняя, легкая, с нежным полудетским лицом, она взлетала в змеиной пляске, раскидывала руки, кружилась, и рассекали воздух бесчисленные косички танцовщицы, и звенели медные браслеты, украшенные чеканкой.

– Ее зовут Ялен. Она родилась тут, в Аэси, ее знают не только в Алых кварталах Сиз-Рэн, но и выше... Она еще совсем дитя, но уже одна из лучших танцовщиц Столицы. Ее мать была известной *ашринэ*.

Плясунья смеялась, отдаваясь вихрю, который нес ее и крутил. Казалось, она не знала усталости. Посвистывали, подражая птицам, маленькие черные *тан*, и небольшой барабан рокотал, пытаясь поймать удары сердца плясуньи.

Потом он один возвращался узкими переулками, слушая журчащую в канавке воду. Навстречу шла та, что танцевала, яркая, словно алая бабочка, окруженная девочками лет восьми – они без умолку чирикали и грызли сладкие стручки. Ялен прищурила глаза, разглядывая его. Потом небрежно сказала девочкам «кыш!», словно надоедливый птицам. Когда они разлетелись со смехом, сказала, все так же рассматривая:

– Я видела тебя там.

– Я смотрел на твой танец. Красиво очень, ты мастерица.

– А ты какой? – она со смехом потянулась к нему. Он не отстранился, но не сделал ни одного движения, словно прикосновения Ялен были ему неприятны. Потом отвернулся, чуть склонив голову.

– Не знала, что здесь могут быть недотроги, – недовольно заметила Ялен.

– Прости.

– Ты прав, – неожиданно сказала она. Имеют значения только те, у кого есть нужное тебе. Подчиняться же следует тем, кто в силах тебя заставить. А остальные – пыль...

– Ты и вправду так думаешь?

– И ты будешь думать так же, – Ялен уверенно вскинула голову, косички ее разлетелись по всей спине.

– И все же... Ты считаешь, я хороша?

– Очень.

– Тогда идем! – она схватила его за руку. Йири последовал за ней.

В укромном уголке чужого сада росли огромные бархатистые розы. Их запах был слишком сладким, от него скоро начинала болеть голова – однако цветы были невероятно красивы. Они сплетались стеблями и старались прижаться друг к другу и одновременно уколоть друг друга больнее.

Танцовщица обхватила его за шею руками, тонкими, гибкими, словно змеи. Ее волосы пахли цветами – садовыми, пышными. На сей раз он отстранился не сразу...

– Безумная. Нас обоих убьют, если узнают.

Ялен рассмеялась беспечно:

– Ты этого боишься?

Он ответил не сразу:

– Нет. Но ты... почему?

– Лучше уйти молодой. Я хороша, но сколько у меня впереди? Десять, от силы двадцать лет. А потом? Умирать на улице, готовой на все? Стать женой бедняка? Я всего лишь танцовщица. Ради нас иногда умирают знатные люди, в старину, говорят, из-за одной девушки развязали войну три высоких рода – но что потом? Той девушке повезло – она умерла в расцвете своей красоты, и ее могилу до сих пор показывают приезжим. Но упаси Сущий дожить до старости... Поклонники превратятся в гонителей, вместо восторгов ты будешь вызывать отвращение. Я же не знатная дама, которая всю жизнь пользуется почетом.

– Так что же, стремиться навстречу смерти?

– Удача любит отчаянных, – беспечно сказала Ялен. – Ты что, не знаешь, сколько людей Алого квартала добровольно уходят, начав стареть?

– И здесь, в Аэси?

– Разве есть разница? – она дернула плечиком. – Здесь живут красивейшие и искуснейшие. Но сюда привозят и приводят новичков, они сменяют прежних.

– Как можно обрывать собственную жизнь? Только в особых случаях...

– Ты знаешь, кто мы? Цветы, которым Сущий повелел цвести и радовать глаз. Мы – и есть этот особый случай.

– Но зачем тебе я? Я – никто.

– Ты задаешь слишком много вопросов, – Ялен недовольно сдвинула брови. – Ты нравишься мне. Разве этого недостаточно, чтобы вместе провести время?

– Не знаю. – Он поднял голову, прислушался. В кустах пеночка мелодично посвистывала, как бы подтверждая, что кроме Ялен и Йири в этом уголке сада нет никого.

«Вам известно про них?» – Да. Пусть, – она улыбается. – Я позволю ему. Он хороший мальчишка, но немного странный. Ялен научит его жизни. Просто присматривай за ними. А то попадет в беду. Ялен – маленькая змейка, сумеет вывернуться, он – нет.

Ялен нравилась роль учителя. Больше в ее окружении не было тех, кто готов был признать ее первенство в этом. А он слушал – и слушался. Конечно, если бы он еще смотрел на нее с безоговорочным обожанием – но этого Ялен все же хватало от других, куда более

значимых. А подобные отношения были чем-то необычным и ласкали ее тщеславие, хоть и совсем иначе.

В Саду Нэннэ не приходилось сидеть просто так. Люди хозяйки занялись Йири вплотную. А он только исполнял все, но мыслями был не здесь.

Дни быстро летели.

Теперь он знал многих в Квартале – но сошелся ближе, – не считая Ялен – пожалуй, только с двумя. Брат и сестра, юные музыканты. Девушка играла на *тан* и на *ахи*, юноша – на *тоо* и маленьких барабанчиках. Это был превосходный дуэт. Они изучили, почитай, все мелодии Тайё – Хээт, и мелодии сууру, и даже варварские напевы. Ялен частенько болтала с этой парой, а Йири больше нравилось слушать их игру.

– А ты можешь петь? – спросила девушка однажды. Тот покачал головой.

– Совсем не так, как здесь.

– А как?

– Для себя или для малышей. А тут все красиво, но для многих сразу.

– А как же песни любви? Они тоже поются не для толпы.

– Да. Только... я и здесь не слышу таких.

– Они есть, – девушка закрутила на палец кончик косы. Показала в улыбке ровные зубы. Ялен ревниво нахмурилась.

– Есть, – согласился Йири. – Но для тех, кому они предназначены, разве не так?

– У тебя свой путь, – рассмеялась девушка. – Тебе, может, и не надо.

– Ты лучше играй, – тихо попросил он.

– И зачем она тебе сдалась? – поджав алую губку, говорила Ялен. – Ей, кстати, зимой будет семнадцать.

– И что же?

– А у нее даже покровителя нет.

– А у тебя – много, – обронил он. И повторил: – И что же?

– Да ну тебя, – надулась Ялен, то ли в шутку, то ли всерьез.

Да, он мог пользоваться некоторой свободой. Но предпочитал находиться в Саду. Учителя на него нарадоваться не могли, Йири же уставал порой сильно. И Нэннэ – правдами и неправдами, а то и прямым приказом – отсылала его на улицу. А с тех пор, как появилась Ялен, никто лучше нее не справлялся с этой задачей. Она уводила его на берег Аянэ, и даже довольно близко к Каналу, показывая сияющие крыши над верхушками серебристо-зеленых ив.

– Островок, – с благоговением говорила она. – Там живет Благословенный.

В Алом квартале Аэси редко появлялись чужаки из других земель, не считая редкость для тхай – полукровок, отданных родителями сюда или попавших в Квартал иначе, однако Йири видел и шаваров, и сууру-лэ, и даже проезжавшее через соседний с Кварталом мост посольство каких-то северян. Ялен смотрела на пышную процессию и жмурилась, как довольная кошка. Какой-то мальчишка за плечом Йири бормотал что-то о желании посмотреть поближе. А Йири внезапно отвернулся от всадников. Ялен тронула его за локоть:

– Скучно? Да, они далеко, плохо видно.

В ярко-голубой воде под мостом рыбками играли блики и бликами – рыбки.

Позже он видел двух чужеземцев с далекого Полуострова, у них были мощные торсы, огромные руки и бороды все в мелких черных колечках. Эти люди носили крупные золотые серьги, – украшения, не принятые у тхай. Вели себя с самоуверенной надменностью варваров. Чужаки не понравились Йири, они выглядели настоящими дикими быками, а их пышные бороды показались ужасным уродством.

– Если бы мне приказали пойти в дом к такому, я лучше умер бы, – невольно вырвалось у него. Ялен рассмеялась.

- Они никому не нравятся. А считают себя неотразимыми.
Ялен хитро прищурилась:
- А ты... Ну, попал бы к такому в дом. Пил бы траву *киура* – тогда все равно, чьи приказы исполнять. Так многие делают.
- И ты?
- Еще чего! – Она вскинула головку. – Я сама себе хозяйка. А тебе, может, и придется. Тогда осторожнее – в самом деле можешь и умереть, если часто использовать это зелье.
- Как-то еще шли мимо моста.
- Ялен смешно и злобно зашипела.
- Ты что?
- А ты разве не с гор? Или у меня плохо получилось?
- Рысь? – неуверенно спросил он.
- Ээ... нет. *Хасса*. Они охраняют сокровищницы Острова. Ты видел этих тварей?
- Ни разу.
- Я видела одну, в клетке. Длинная, пепельная... Бывают еще золотые. Лапы страшные, когти – во... – она широко развела руками. – Говорят, звери эти чуют вора аж за четверть *ани*. Лишь те, кто их кормит, могут их гладить, и то не все.
- Я знаю, какие шрамы оставляет рысь.
- Эти больше... Rrrrrr! С ними тяжело справиться. У Солнечного их шесть, – прибавила она с видом всезнайки.
- Вряд ли он сам касается их, – Йири взглянул поверх головы Ялен, словно увидел подтверждение своим словам.
- В этот раз она прибежала возбужденная.
- Там... одна женщина убила другую.
- Отдышавшись, она рассказала. Голос журчал.
- Сумела найти, хотя та и пряталась, – медленно и с видимым наслаждением говорила Ялен. – Она встретила вторую утром, когда в переулке у пристани не было никого. Сходи, посмотри – там и сейчас кровь. Часть ее оставили да первого дождя.
- Что между ними было? – нехотя спросил он, так как знал: не спросишь – надуется.
- Подруги... Потом одна оставила другую нищей и без покровителя, а сама сбежала с кем-то из его слуг.
- А тот, с кем она убежала?
- Не знаю, – дернула плечиком Ялен. – Если господин не пожелал его искать, верно, это был никчемный человек, не стоящий даже гнева.
- Они укрывались от света в естественном шалашике из сплетения ветвей жимолости, и руки их тоже сплетались.
- Ты еще не знаешь, куда тебя отдадут?
- Нет. Может, оставят здесь?
- Ооо... Глупо. Даже если не выгонят, будешь под началом старухи всю жизнь. А после – ее замены. Разве что свой Сад откроешь... но ты вряд ли способен на это.
- Она призадумалась.
- Я могу кое-что сделать для тебя. Я знаю разных людей. И... они ценят меня. Может быть, ты уйдешь отсюда в хорошее место. И даже больше, если тебе повезет.
- Мне все равно.
- Дурачок, – она рассмеялась. – Никогда не надо отказываться от того, что само идет в руки. Иначе упустишь многое...
- Может быть.
- И все же я сделаю это для тебя... хоть ты и странный. Другой бы упрасивал... ты будешь никем, если не научишься жизни.

– Жизнь разная.

– Нет, она одинакова, – Ялен качнула головой. – Поверь мне, я знаю. Я выросла в Алом квартале. И моя мать...

Ялен высоко ценили даже знатные господа, чем она пользовалась с естественностью котенка. Однако она вовсе не была безобидным зверьком – хитрая и во многом жестокая для своих пятнадцати лет. Она получала богатые подарки, одни из которых тут же продавала, а другие копила с упорством и жадностью горной острозубки. Однако она всегда возвращалась к Йири, и многие драгоценные вещицы обретали хозяина уже в его лице. Ему они были глубоко безразличны, однако спорить с Ялен стал бы не каждый. Йири не спорил. Он вообще никогда никому не перечил. Если Ялен нравилось вытаскивать его то на одно, то на другое зрелище, если это позволяла Нэннэ – он просто принимал все, как должное. Многих удивляло упрямое желание Ялен держать при себе мальчишку, который не мог дать ей ничего и, по совести, вовсе не был так уж ей восхищен, хоть и подчинялся ее прихотям в меру возможности.

А лето в Алом квартале казалось особенно жарким. От жары немного спасал холодный кисловатый сок, разбавленный водой, и ледяные отвары трав с мятным вкусом. На всех углах продавались сладкие стручки, облитые чем-то розовым и тягучим, спелые плоды и леденцы со вкусом плодов – желтые и зеленые.

Йири привык к постоянному шуму, к разноцветным фонарикам, которые переполняли сады и улочки по ночам, к музыке и улыбкам, за которыми часто пряталась страсть – ненависть или любовь, без разницы, тем более что часто одно переходило в другое.

* * *

Тот человек был весьма высокого рода, причем отличался отменно вежливым обращением даже с ничтожнейшими из слуг. Когда он изъявил желание забрать Йири в свой дом, Нэннэ ощутила радость и облегчение. Ее ученик получил должную огранку, и пора было ему начать иную жизнь. Бывшая красавица по-своему привязалась к мальчишке, и рада была пристроить его в хорошее место. Когда Нэннэ распорядилась, что он должен оставить Сад, он принял это без слов – как должно, и без улыбки. Не обрадовался, но и не огорчился вроде. На колени опустился, голову послушно склонил – а лицо медленно теряло краски. Нэннэ что-то заметила – но ей было не до того. Отпустила мальчишку, велела пока дожидаться. Йири вышел в коридор – и там остался, не двигаясь больше. Прислонился к стене и замер, глядя в одну точку. Казалось, что он рассматривает узор над аркой, ведущей в крытую галерею. Нэннэ случайно вышла следом за ним и увидела на его лице маску неживого спокойствия – того безумного ужаса, который превращает человека в лед – и бесполезно пытаться добиться чего-то. Человек не в силах будет сдвинуться с места – и так умрет скоро, сердце не выдержит. Или, напротив, помчится, сломя голову, пытаясь спастись от стоящих перед глазами картин – и может свернуть себе шею или разбить голову, не способный понять, куда он бежит.

Нэннэ и не подозревала, что больше полугода назад, когда Отори хотел оставить Йири в гостинице, он видел мальчишку таким. Но обо всем остальном она знала – уж она-то умела выведывать все о человеке, в том числе и у самого человека. И поняла, что Йири не видит ее сейчас, что сейчас он снова там, в прошлом. И нужно быть осторожной, если она хочет не дать ему умереть.

Пришлось приказывать нести Йири в комнату, говорить с ним, не переставая, лишь бы он слышал доброжелательный голос, и отпаивать горячими настоями, – а он, когда немного пришел в себя, был совершенно растерян. И не мог объяснить, что произошло.

– Он так пугает тебя? Или ты чувствуешь отвращение? – допытывалась Нэннэ.

– Нет...

– Тогда в чем дело? Тебе неслыханно повезло.

– Да...

– Тогда почему ты чуть не свалился без сознания?

– Не знаю...

На пару минут женщине показалось, что Йири сейчас уткнется лицом в ее широкий рукав, и сам заговорит наконец больном, а то и заплачет. Ее воспитанники ничего в душе не держали.

Нет.

Он готов был исполнить распоряжение Нэннэ, покинуть Сад, – но, глядя на лицо Йири, она поняла, что это будет не самым разумным. Ему придется успокаиваться долго. Нэннэ не оставалось ничего другого, как сказать высокородному гостю, что Йири получил травму и в ближайшем времени не может быть ни к чему пригоден, даже не сможет оставить ее «владения».

– Неумное ты существо, – если ты упустил собственную удачу... – больше она ничего не сказала. Довольно добрая, она была сильно раздражена. Однако мысль вышвырнуть Йири прочь не пришла ей в голову. В Алом квартале он был достаточно заметной штучкой, несмотря на замкнутость – милая птаха, не умеющая наживать врагов; многие отзывались о нем весьма одобрительно. Так что некуда было спешить – а если в дальнейшем хлопот с ним станет больше, чем пользы, – что ж... пусть отправляется хоть в Нижний дом, ей будет все равно. Со своими подопечными Нэннэ обращалась вполне хорошо, однако случалось их и наказывать, в чем Йири уже успел убедиться, выпустив птиц. Однако в этот раз Йири она не тронула.

В молодости она многое повидала, была даже любимицей знатного человека – благодаря ему сумела подняться до нынешнего положения. Ей, в общем, везло, однако она знала прекрасно, какой след в душе оставляют страх и боль. Хоть она и не выделяла Йири, относилась к нему внешне прохладнее, чем ко многим, ему было позволено едва ли не больше, чем остальным, вместе взятым. Нэннэ хотела побыстрее вылечить мальчишку. И ее не раз ставило в тупик, что он думает иначе, нежели обитатели Алых кварталов. Тут она была бес- сильна.

* * *

На него указала Ялен. Уж какими хитростями эта ящерица добилась своего, Йири было неизвестно. Не по его просьбе она делала это, и даже не по его желаниям. Просто рассчитывала на будущую оплату долга маленькая грациозная хищница.

А ему было все равно.

Тонкий, длинноногий, гибкий; еле заметная ломкость движений – единственный недостаток подростка – не столько недостаток, сколько интересное отличие от привычного канона сэ – эттэн, холодноватое, словно запах полынного стебля.

«Может быть».

Нэннэ даже рта не посмела раскрыть, когда ей приказали отдать именно этого. В маленькой комнатке, склонившись к нему, она шептала последние наставления, умоляла не беспокоиться, как надо, держаться – с нее же голову снимут, если мальчишка вновь выкинет фокус вроде недавнего.

«Я не могу отказаться отдать тебя и на сей раз – моя репутация безупречна, и я хочу, чтобы оставалось так. Я никогда не просила воспитанников своих – я была в них уверена. Но ты... может быть, ты – мое наказание...»

Йири слушал, прижав пальцы к губам. Одежда Нэннэ шелестела, и шелестел голос, все еще доброжелательно – властный, но вместе с этим испуганный – испуг пронизывал речь, как прожилки камень. Это было неправильно, тяжело, и он только согласно кивал, желая, чтобы кончилось все поскорее – и знал, что все только начнется.

Ялен ошиблась. Теперь он не смог бы с ней расплатиться...

Его «метка» вновь была сочтена счастливым знаком. Его привезли в окрестности Острова – через мост, в ивовую рощу, где располагалось несколько небольших павильонов. Там он провел три дня. Он не способен был думать ни о чем, чувствовать что-то, – все словно плавало в тумане. Может быть, поэтому он не совершил ни единой ошибки.

Было страшно. Не меньше, чем два предыдущих раза – но он понимал, как его поставили высоко, и, вероятно, поэтому мог справляться с собой. Но от этого было не легче – он знал, что должен ни одним взмахом ресниц не выдать своего состояния. Это был беспричинный страх, острый, как боль от резаной раны – но все уже было решено. Конечно, если бы он сейчас сказал «нет», его бы не взяли ТУДА... вероятно, и наказание было бы весьма серьезным. Но он уже не умел кому-то противоречить.

А потом он, одетый в светло-лиловое, ехал в закрытых носилках с темно – синими и золотыми птицами на занавеске. Ехал, крепко сжав пальцы – они начинали дрожать. Йири казалось, что его дрожь чувствуют носильщики. Страшнее этого беспричинного страха была мысль о том, что он не сдержится, не сумеет скрыть то, что с ним происходит. Он беззвучно шептал забавные песенки, слышанные в Алом Квартале, и прекращал тогда, когда понимал – еще миг, и звук вырвется криком. Он не мог прикусить губу – остался бы след. Нельзя.

Он вышел из носилок в маленьком дворике, обнесенном высокой белой стеной, украшенной каменными узорами. Было начало осени, но пышные кусты с острыми серовато-зелеными листьями казались по-весеннему свежими. Цветы по сторонам дорожки походили на бледно-лиловые астры, небольшие, с холодным и сильным ароматом.

Со стороны его движения казались безупречными. Спутники Йири не говорили с ним – он понимал все по направлению взглядов и кивкам головы.

Вошли в павильон, отделанный белым и полосато-коричневым камнем – сардониксом, и направились дальше по галерее, в которой не было нижних окон – стена не доходила до потолка, и свет лился сверху. Йири видел только небо и иногда ветви. Но он не смог бы оглядываться по сторонам в любом случае, даже если бы его окружали невероятные чудеса. Смотрел прямо перед собой.

Потом они оказались в овальном зале, словно созданном из опала и молока. В зале было две двери, одинаковых, только знаки на них начертаны были разные. Йири не знал этих знаков.

Там его оставили одного – двое сопровождающих сразу же скрылись за дверью.

Почти сразу вошел человек в черном – тонкая золотая вышивка украшала его одежду. Йири вздрогнул, увидев его – лицо было весьма неприветливым, и черный подчеркивал это.

Йири опустил перед ним на колено, коснувшись рукой пола, склонив голову – человек с минуту пронзал его взглядом, потом приподнял пальцем его подбородок, долго вглядывался в глаза. Его словно не интересовало больше ничего, только то, что находится в глубине глаз подростка. Взгляд человека стал почти злым. Внезапно он приказал «Встань!»! Повернулся и бросил через плечо: «следуй за мной!» – и направился к одной из двух дверей.

За ней начинался еще один коридор – бесконечный.

После была еще комната и еще люди. Потом ему велели раздеться, и его осмотрели тщательно – хоть уже делали это в павильоне, где был Йири до этого. Тело обтерли какими-то ароматными настоями. На волосы тоже брызнули ароматной водой. Дали другую одежду, похожую на ту, в которой он сюда пришел. В конце концов он почувствовал, что ноги его

не держат, и едва не упал. Его поддержали, но не остановили неторопливый свой ритуал. Потом снова вели куда-то...

В маленькой комнатке, где все было цвета темного и светлого меда с вкраплениями бледно-лилового, он остался один. Здесь пахло цветами – но не садовыми, а теми, что растут на горных лугах – легкий и солнечный запах. Темная занавеска заменяла дверь; что было за ней, он не помнил, хотя только что прошел там. Он вообще ничего не помнил сейчас. На маленьком низком столике в темной чашке поблескивала какая-то жидкость. Рядом стоял изящный узкогорлый кувшин. На нем не было узора, но те же оттенки меда перетекали друг в друга на его боках. Убрана комната была очень просто, но он уже научился понимать, насколько дорого стоит подобная простота. Он взял чашку, соединил обе ладони, замер. Потом медленно выпил ее содержимое. Это было что-то прохладное и свежее, как ветерок. Йири аккуратно поставил чашку на столик. Он принял то, что ему предложила судьба. Присел у столика – почувствовал, как голова закружилась. Понял, что очень устал. Слишком многое изменилось за последнее время. Теперь он просто не мог видеть, слышать, чувствовать новое. Тем более что с этого момента он не принадлежал себе даже в малой мере. Он заснул на мягкой кушетке, не раздеваясь, не думая уже ни о чем.

– А мы думали, ты так и не выйдешь, – со смехом сказал мальчишка, с виду ровесник Йири или на год постарше, с насмешливыми черными глазами, продолговатыми, влажными, словно вишня без кожицы. Он лежал на кушетке, подогнув руку, опираясь на плотную маленькую подушку. У него был удивительно мелодичный голос, больше напоминающий музыку, а не речь.

– Тебя все-таки послали сюда, не в Западное крыло? И где ты был раньше?

Йири назвал имя.

– Ах, это... Я знаю. Тебе повезло. Ее Сад не слишком хорош, хотя и не плох.

– Сад?

– Ты не в себе, да? – он усмехнулся. – Тот, где розочки цветут! Ну, не стой котенком на задних лапках, садись, – он небрежно повел рукой. – Ты словно не рад.

– Я не знаю. Что мне нужно делать сейчас?

Ответом был дружный смех черноглазого и еще троих – из них двое были юными девушками.

– Какое чудо, – протянула одна. – Хиани, нам будет весело.

Она змейкой скользнула к Йири и прошептала, глядя на него снизу вверх:

– Ты поймешь все. Здесь самое лучшее место.

6. Островок

Ни одного доброго слова не сказано о них. Только одна история есть – и мало кто ее знает. О человеке, который поздней осенью пришел к ночному костру. Там был другой, похожий на стебель черной осоки. Он позволил путнику согреться и указал, где дорога. Полночи они разговаривали, а утром ушли от костра вместе. И, когда четверо лихих людей преградили им путь, тот, безоружный, легко справился с ними. И глаза его были зелеными.

«Ты и меня убьешь?» – спросил человек, поняв, кто шел с ним.

«Нет», – ответил тот – и незаметно отстал в дороге. И не слышал путник о нем с тех пор.

...Говорят, ишииро сами не разжигают огня. Но их привлекает огонь.

Кто подарил жизнь тому костру, неизвестно.

* * *

– Знаешь ведь – тут мало кто остается подолгу. И правильно – тому, кто все для страны, не хочется видеть одни и те же лица. А иначе никак; слуги – пыль, да и те, кто намного выше...

– А самые высшие – для дел государственных, – тихо откликнулся Йири.

– Да, – усмехнулся Хиани. – Не для Малых покоев даже... Так что остались мы с Ланью. Заслужили, значит... Еще одну подарили кому-то – кажется, сууру ее увезли. Совсем небывалое дело... А ты, да и эти двое – новенькие.

– Что нас ждет после? – спросил он, помедлив.

– Остров такой есть – называется Белый. Туда отвезут, а обратно – никак.

– Солнечный милосерден, – добавила вторая девушка. – Мы сможем даже говорить. А сто лет назад нас бы убили...

Хиани усмехнулся краешком рта.

– Молчи уже... Сто лет назад тебя бы сюда не взяли. Выращивали тех, кого сюда готовили, как орхидею из семечка – с колыбели. Не слишком надежно – и долго. А теперь – с нас прошлое снято... Мы – лучшие.

Жизнь в Алом квартале напоминала фонтан – смех, ссоры, постоянные перемены. Яркая, стремительная и жестокая. Тут жизнь словно текла внутри дымчатого опала – ленивая, тягучая, неизменная. Важен был только сегодняшний день, как и для большинства юных; знали, что не долгое суждено счастье, но не думали о конце, как не верят в будущую смерть серьезно в эти года.

Каждый шаг был предписан; любое действие, любой жест. Даже наедине друг с другом они вели себя согласно канону, который скрадывал все их различия.

Сиин из Восточного крыла запрещалось общаться с другими Несущими тень, и слуги у них были свои. Но сплетни и новости все равно доходили.

Одной из двух «старожилов» была девушка с удивительными сизо-каштановыми волосами – Йири никогда раньше не видел такого холодного цвета: ее пряди, казалось, подернуты инеем. А еще – у нее были невероятно огромные глаза, влажные, как у лани. Ее и прозвали – Лань. Девушка умела тенью скользить по комнате, шелком переливалась, не поднимала ресниц – но глаза улыбались. Ее руки были гибкими, как трава, шаги невесомее водомерки в пруду. Она выглядела тихой и незаметной, словно шелковая нить, однако была совсем не проста. И остальные в этом походили на нее – кроме Хиани. Все относились друг к другу ласково, однако истинная сущность каждого пряталась глубоко, как подводное течение. Каждый хотел не упасть – или хотя бы продержаться подольше. Хотя бы за счет дру-

гих. Безупречные; не люди – произведения искусства. И тот, кто дольше всех находился в восточном крыле, посматривал на Йири с едва заметной усмешкой. Он ни разу не сказал обидного слова – все было ясно и так.

О, над «ласточкой» хорошо поработали. Однако там, где другие действовали как дышали ему приходилось помнить. И тот, с черными насмешливыми глазами, ждал, когда же Йири споткнется на ровной дороге. Если ему повезет, его пинком отшвырнут прочь. Если не повезет...

Да, канон пронизывал все. И центром, откуда расходились лучи, был человек с мелкими чертами лица и сухим, немного печальным ртом.

В присутствии этого человека было страшно дышать. Если уж высокие советники старались лишний раз не поднимать взгляд, стоя подле него, что говорить о низших?

Так и повелось.

Дни были совсем одинаковы.

Благословенный разве что Хиани с Ланью на лицо различал, не других.

Лань и Хиани стояли ближе к лучам светила – остальным перепадали осколки в виде позволения видеть повелителя и прислуживать ему. Другие завидовали этим двоим, но не Йири.

И неудивительно. Другие хоть как-то старались обратить на себя внимание, этот же хотел стать меньше, чем тенью – считал себя недостойным даже просто быть здесь. Его и не замечали.

Хиани смеялся над ним.

Те, что носили черное с золотом и походили на хищных охотничьих птиц, распоряжались, куда им идти и что делать. Лиц Йири не разбирал – словно их прикрывала маска, одна на всех.

Стоило бы каждую минуту брать в ладонь, наслаждаться ею – ведь такое не повторяется, а длится недолго. Но ему, напротив, казалось, время стоит на месте.

Постепенно привык.

Скоро он знал их истории. Хиани еще ребенком совсем отдал за немалую плату родители – он был из Эйя и в столицу скоро попал. Мать Лани, «подопечная» некоего высокопоставленного лица, ни в чем не нуждалась, но сама избрала для дочери такую судьбу. Девочке и впрямь повезло. У одного только судьба сложилась иначе – его отец был из доверенных слуг другой важной персоны. Отец провинился серьезно, и отдал свою жизнь. Мальчишку пристроили, по мнению господина, неплохо. Что ж... и ему в конце концов повезло.

А жизнь в Восточном крыле была особенная. Им многое позволялось – и много было запретного. Йири никак не мог привыкнуть к новым возможностям и запретам.

Они были игры, словно котята, и столь же ласковы и бессердечны. Они могли потребовать любую еду, весьма дорогую утварь – менять ее хоть каждый день. Но, как и многие другие сословия, не могли надевать ничего иного, кроме установленного традициями. Им не стоило слишком капризничать – но они вовсе не были безмолвными созданиями. Они не умели говорить «нет» вышестоящим, были счастливы, когда касались их тени – и ни во что не ставили слуг. А слуги боялись их.

Йири плыл по течению – он не успевал понять и просто делал, что говорят. Для мальчишки из далекой провинции вознесение на вершину оказалось слишком щедрым подарком судьбы – сил не хватало принимать этот подарок. Йири не искал друзей, но и в стороне от других оставаться не мог.

Ему снилась дымка, висящая над Восточным крылом – едва уловимая, нежная – как улыбка оборотня из страшных рассказов.

Порою к ним заходил кот. Белоснежный, с длинной блестящей шерстью. Кошек было мало на Островке. Их любили, но предпочитали рассматривать как произведения искусства,

которые лучше смотрятся по отдельности. Котята благодаря «заботе» людей были редкостью. Кот гулял по всему крылу. У него был надменный взгляд и привычка отпихиваться от слишком настойчивых рук. Больше всего он благоволил к Хиани. Мог целый час сидеть у него на коленях. Пронзительно – зеленые глаза кота порою становились непереносимо умны. С котом разговаривали, смеялись, называли его высокими званиями и расспрашивали его о жизни на Острове. Кот важно щурил глаза.

И другие забавы придумывали....

– Расскажи о себе!

Молодым зверькам было скучно. Малейшая новость являлась событием. Нарушать запреты, покидая отведенные им места, сиин Восточного крыла даже не приходило в голову. И нарушители запрета были бы отвергнуты ими. Они с легкостью рассказывали о себе и о прежней жизни столь откровенно, что это удивляло Йири даже после Алого квартала. Но сам он молчал. И сейчас они нацелились на него, полные стремления выведать все. Этому напору было трудно противостоять.

– Расскажи!

– Ну, чего ты молчишь?

– А может, мы недостойны?

Смеющиеся глаза – и руки, тянущиеся к нему, словно к раненой птице, подпрыгивающей на дорожке. Он почувствовал, как горло перехватило – незримой петлей. С самого приезда сюда мягкое, ненавязчивое чувство страха не оставляло – и Йири перестал его замечать. А теперь снова почувствовал знакомый холод – но теперь он знал, что это такое.

– Нет! – его крик показался тут неуместным. Неправильным. Йири сорвался с места и скрылся за занавеской в своей комнатке.

Подростки переглянулись. Они не поняли. Только одна девушка встала и направилась следом. Вошла – он не услышал. Села на циновку возле него, неподвижно лежащего на постели лицом вниз.

– У тебя было что-то страшное в прошлом?

Тонкая рука нежно тормошила черные волосы.

– Это ведь уже кончилось, разве не так? Теперь ты достиг всего. Неужели ты несчастлив?

Он не отвечал.

– Ну, мы же не причиним тебе зла?

Молчание. Девушка просто не могла осознать, что он едва слышит ее. Но мало-помалу ласковые касания немного вернули его к реальности.

– Спасибо. – Это получилось еще довольно-таки натянуто. Зашелестел занавес. Девушка подняла глаза.

– Теперь моя очередь. Ты уже час тут с ним, пора дать возможность другим развлечься.

Девушка сердито глянула на Хиани и вышла, намеренно не отвечая ему. Хиани уютно устроился на лежанке Йири в позе размышляющего мудреца.

– Давай соображать, что к чему. Ты как-то сказал, что ты северянин. К нам ты попал через Сад старухи Нэннэ. Ты не рожден в Алом квартале на севере, даже и не пытайся врать. Тебя отправили или забрали туда. И не младенцем – маленьких обучают движениям; ты двигаешься хорошо, но не так. Думаю, не меньше десяти лет тебе было... а то и двенадцати... Интересно, из какой ты семьи?

– Не надо.

– Счастливым ты не выглядишь даже тут, не знаю, чего уж тебе еще хочется. Значит, каким-то образом ты попал в Сад против воли. Такое, наверное, бывает – хотя с какой радости ты там оставался тогда? Или так уж ценили, что не сбежать даже?

– Зачем тебе это? – голос Йири стал уже умоляющим, но определенно живым.

– Ты две недели тут, а мы ничего не знаем. Непорядок. От нас-то чего скрывать? Здесь ты никого не удивишь, если достанешь и покажешь собственное сердце – но молчание тебе друзей не прибавит. Ты уже связан с нами, не так ли? А расплачиваться не желаешь?

Йири вскочил, словно Хиани внезапно стал ядовитой ящерицей. Шарахнулся от него – однако остался в комнатке.

Тот невозмутимо продолжал.

– Какое ты нежное существо! Мы тоже не всегда грелись в лучах солнца... теперь – да. Теперь мы выше всех, себе подобных. А ты хочешь стоять выше нас? – он усмехнулся краешком рта. – Не выйдет. Ты – совершенно такой же.

– Мне... Я не могу об этом. Просто... Я не могу дышать тогда...

Хиани потянул его за руку, усадил рядом с собой. Всмотрелся, словно в диковинную гусеницу, прикидывая, что за бабочку она породит со временем и не лучше ли не брать ее в руки.

– Хочешь, спроси меня о чем угодно. Кроме как о повелителе. О чем угодно – даже о том, чего я не говорю тут.

Йири недоверчиво прокачал головой.

– Тебе будет приятно отвечать? Я не понимаю.

– Значит, душу ты отдавать не хочешь?

– Но искренность... она бывает при любви.

– Или при ненависти.

– А как же здесь? То или другое?

– Здесь просто иначе нельзя. Странно, что ты не понял.

– Но при этом – каждый сам за себя?

– И в этом иначе нельзя, – у Хиани вновь дрогнул уголок рта. – Те, за дверью, уже готовы от тебя отступить. Я – нет. Я всегда получаю ответы.

* * *

Ему казалось, что жизнь там стоит на месте, но, когда это произошло, жизнь словно понеслась вперед галопом – и снова застыла. Тот мальчишка был новичком, и поначалу выглядел таким, как и все. Но он оказался не в меру болтливым. И, впервые покинув Крыло и вернувшись, наговорил много лишнего – взалхлеб, радостно – тогда Хиани необычно для себя резко поднялся и от души съездил ему по уху. Потом без слов вернулся на место.

Мальчишка молчал весь вечер. Никто не обращал на него внимания. Но через несколько часов его забрали. Любому было понятно, что больше его не увидят.

– Они слышат все, чтобы мы не говорили? – потрясенно спросила самая новенькая. Её звали Созн.

– Не все. Но многое, – небрежно и мягко сказал Хиани.

– Но мы...

– Нам и так позволено немало. И еще кое на что смотрят сквозь пальцы – тут уж как повезет. Но есть вещи, которые запрещены, какими бы безобидными они тебе не казались.

– Ты не предупреждаешь новичков, – негромко проговорил Йири.

– Выживут те, кто умнее, – усмехнулся Хиани. – Может быть, ты?

– И что будет с ним?

– С кем? – он лениво потянулся. – Завтра будет дождь.

Никто из них в этот день и ночь не покидал Восточного крыла. Хиани был веселее остальных.

Ночью Йири пришел к нему. Тот не спал.

– Почему?

– Не задавай слишком много вопросов. Ты создан для жизни здесь. Многие – нет, хоть и взяты из лучших. И хватит об этом. Не то мы окажемся там же.

– Почему ты думаешь, что я подхожу для того, чтобы быть здесь? – совсем тихо спросил Йири.

Тот рассмеялся беззвучно.

– А ты сам подумай. Конечно, ты многого не знаешь... но ты осторожен и учишься быстро. Мне жаль будет расстаться с тобой. Я думал, ты уйдешь раньше.

– А ты? Разве тебе есть на что надеяться? Тебе не подняться выше.

– Я знаю. Меня щедро одарила судьба. И, если мне предоставят возможность решить самому... я не останусь внизу.

Хиани резко притянул Йири к себе, заговорил едва слышно:

– Я помню, ты не из Алого квартала. Мне все равно, кто ты, но ты не умеешь... У меня нет оружия, но я смогу достать его, если нужно. Я научу тебя, куда надо ударить, чтобы уйти очень быстро. Мы учимся этому с детства, а ты... Но ты сможешь.

Спрашивать, почему Хиани вдруг взбрело в голову проявлять заботу о нем, Йири не стал. Хиани мог и передумать. Хотя... Йири все еще не мог привыкнуть к тому, как в Алых кварталах относятся к собственной жизни. Если бы он мог думать так тогда, в предгорье Эйсен, он давно был бы мертв. Но он отучился жалеть о чем бы то ни было в прошлом.

Отведенный им маленький сад казался кусочком игрушечного или сказочного леса. Небольшой пруд, ручеек с выложенным золотистыми камешками руслом, похожий на ракушку в гроте фонтанчик... Несколько изваяний из зеленовато-белого камня – его названия Йири не знал. Кусты снежноталого и чего-то похожего, но с золотистыми ягодами. Белая стена, сверху украшенная изящной резьбой по камню – невысока, но возле нее – колючий кустарник. Не заберешься... Да и не пытался никто – нужно быть совсем без ума, чтобы добровольно пытаться уйти отсюда или хотя бы нарушить запрет.

* * *

Выглядела она маленькой девочкой и, по чести сказать, хоть красива была, вроде цветка сливы, но слишком прозрачной какой-то, наивной до крайности и полупешотом говорила даже с другими такими же Несущими тень. Черные волосы свои единственная из девушек Восточного крыла заплетала в косы, и кожа ее имела явственный красноватый оттенок – с Юга она была, полукровка. Испуганная увиденным в первый же день, она тенью пристроилась к Йири – видно, он ей показался родной душой. А тот, хоть и не беседовал с ней особо, за девушкой приглядывал – и над ней шутить не решались.

– Хороша парочка, – фыркнул Хиани, – Южанка и северянин. Там, на Юге, Краснорукие до сих пор себя татуировками украшают. И ладони свои красят в ярко-рыжий цвет. Странно, что эта чистенькая...

– Я не из Красноруких, – застенчиво говорила та. – У меня только бабушка из них была... А другая – шаварка...

Вечерами она долго рассказывала Йири про свою, в сущности, крайне бедную событиями жизнь. Он не говорил ничего и вообще едва слушал. Однако и не прогонял – ни взглядом, ни жестом. А три дня спустя ее отправили вниз, в Западное крыло – Благословенный только взглянул на нее, и заметил, что она слишком похожа на девушек Шавы. Мало кто из жителей Тайё-Хэет хотел видеть чужеземцев в своих домах.

– Правильно, тут она, как лопух в розах, – смеялся Хиани.

– А ведь она будущее имеет, а мы – нет, – заметила одна из оставшихся девушек.

– Зато настоящее у нас такое, что им разве приснится. Золотое яйцо... лучше прожить год здесь и умереть, чем пять там и выйти оттуда служанкой в чьем-нибудь доме...

«Ты любишь звезды? Смотри, Рысь сейчас прыгнет... А вон Змея... Крылатая Змея. Спишь? Когда-то мне казалось – я слышу их голоса. Странно ведь – созвездия приходят на землю, и звезды приходят – но это совсем разные существа, словно одни состоят не из других. Послушай... Когда-то... они рассказывали мне сказки...»

Он места себе не находил, все думал о ней. Созн, как и сам Йири, была – дитя далеких селений, ветер полей еще помнил о ее волосах. Как она там? Она почти не плакала, уходя. Она тоже считала, что Золотая птица стряхнула ее со своего крыла.

Он и не подозревал, что может быть так настойчив. Из всех слуг, что бывали у них, нашел одного, кому смог доверить записку. В ней просил об одном – в поздний час, когда звезда-Око будет над самой высокой крышей, придти к стене сада Западного крыла. Со слов слуги Йири знал, как расположены стены. И знал, что Созн, полевая птичка, схитрит, но найдет способ остаться одной.

«Недоумок, – шептали стены. – Оба погибнете, если хоть что-то пойдет не так. И тот, кто отнес записку, пострадает тоже. Может, Созн поумнее тебя, и не придет вовсе?»

Йири обратился к Иями, глядя на зелено-голубую звезду. Страшно было. Но он достаточно знал нравы Дворца Лепестков и натуру Созн, чтобы не сомневаться – она чувствует себя одинокой. А что такое одиночество, он знал тоже.

Как он ухитрился просочиться сквозь кустарник, не разорвав одежду в клочья, он не помнил и сам. Перелезть через стену было легко для него, вспрыгивавшего на бегущую лошадь, забиравшегося на любые деревья в родном лесу. Руки еще были сильны. Легкую темную фигурку никто не заметил.

По ту сторону стены никого не было; он ухитрился преодолеть такой же кустарник и добежать до увитой плющом беседки. Тут можно было вздохнуть. Расстояние оказалось больше, чем он представлял, но он добрался до живой изгороди, за которой должна была ждать Созн.

– Эй! – позвал он шепотом, почти безнадежно.

– Йири? – откликнулся голос.

– Не называй... нельзя... как ты? – ему почудились голоса. Но он заставил себя остаться на месте. Лучше замереть, пока не пройдет опасность; если бежать, можно попасться – к тому же все будет напрасно.

– Я... – кажется, она плакала.

– Что ты, не надо, – он очень боялся, что она не сдержится и разрыдается в голос. Но не хотел уходить.

– Расскажи...

Она шептала все свои обиды, кажется, забыв, что она не одна, что не самой себе она открывает душу. Он слушал.

– Не надо, не плачь... Ты не упала с крыла – просто жизнь идет, как должна идти. Может быть, тебя ведут к счастью...

Она сбивчиво шептала еще – и он разобрал самое важное.

– Я понял тебя... Прости. Больше здесь нельзя оставаться. Если сможешь – не выдавай нас.

Он хотел бы взять ее за руку, но мешали кусты.

– Прощай... Я не смогу придти больше.

– Эшара... – кажется, она прикусила кончик косы, чтобы не заплакать.

Он черным мотыльком полетел обратно, едва не натолкнувшись на стражу.

Руки были исцарапаны от плеч, одежда местами порвана.

Пришлось опрокидывать лампу, чтобы одежда эта загорелась. Отговорился случайно... А руки скрыли рукава *лаа-ни*. Только бы его не позвали сегодня... Он знал, что просить у слуг, чтобы составить целебную мазь. Но это все утром...

Он упал на лежанку – долго не мог заснуть. Но потом все же провалился в ядовитый туман.

Проснулся от прикосновения. Рядом сидел Хиани и смотрел на него; потом снова провел пальцем по свежим царапинам. Усмехнулся. Заметив, как Йири прикусил губу, улыбнулся непередаваемо ласково – и выскользнул прочь. Только занавеска шевельнулась.

В этот день Йири не звали. Все было спокойно. Сегодня он жадно вглядывался в лица слуг: будь серьезные новости из Западного крыла, он бы понял. Если бы заметили одну Созн ночью в той части сада, она была бы наказана не очень серьезно. А если бы услышали разговор, из нее по-любому бы вытрясли имя. Она не выглядела сильной, южная девочка. Даже если бы она молчала, узнав, что ее обвиняют, он бы рассказал все. Потому что виновным считал себя.

А Хиани следил за ними своими черными продолговатыми глазами, и в них было знание.

Йири пришел к нему под утро, когда не было опасности невольно поведать что-то посторонним ушам. Тот, как обычно, был ласков, словно дворцовый кот, и столь же непроницаем. Кутался в теплое покрывало – он не терпел холода.

Йири долго смотрел на сидящего рядом, а после неторопливо и сухо рассказал все. Про стену, письмо, – все, кроме того, как там живет Созн. Это Восточному крылу знать не надо.

– А ты смелый, – усмехнулся Хиани. – Совсем ничего не боишься?

– Ты не выдашь меня?

Он скорчил забавную рожицу.

– Да что тебе Созн? Она не так уж красива.

– Мне ее жаль.

– Ты еще умеешь жалеть? – это был не вопрос, удивление. – Да... я сразу понял, что ты нечто весьма... занятное.

Близко ладонь.

– У тебя сердце колотится.

– Теперь ты знаешь.

– Кустарник оставил тебе хорошие метки. А на что годен жемчуг с царапинами?

– Пройдет. Под рукавами не видно. А иначе у меня не бывает.

– Кажется, ты произнес это с гордостью?!

– Ты меня выдашь, – говорит он почти спокойно. – Но сначала наиграешься вволю. Я не полевка, Хиани. А ты не кот. И не ласка. Мы люди...

– Что-то хочешь мне предложить за молчание?

– Жизни не покупают.

Хиани рассмеялся.

– Неужто? Хорошо... посмотрим.

И аккуратно оторвал один лепесток у стоящей в вазе хризантемы.

Тогда Йири решил. Какая безумная звезда стояла над ним в тот день?

– Вы позволите мне говорить?

Солнечный прекрасно владеет своим лицом, но сейчас на нем читается удивление – подала голос ваза или занавеска? Так не бывает.

– Говори.

– Я сделал то, чего делать нельзя... – смотрит отчаянно – настолько испуган, что взгляд кажется вызовом.

– Эта девушка была в Восточном крыле только три дня. Она не выходила оттуда. Вашим приказом ее спустили вниз. Ее имя Созн.

– И что же?

– Мы... успели сдружиться. И я нашел способ увидеться с ней.

Лицо Благословенного не меняется.

– Продолжай, – того не интересуют детали.

Становится очень холодно. Но он говорит, не останавливаясь – если прервется, больше не сможет. Не хватит духу.

– Ей плохо там. Над ней... смеются. Говорят, что она упала, не взлетев.

– Ты хочешь, чтобы я позволил ей уйти?

– На остров Белый?! Нет, – вырывается у него. – Но неужели... никто... не заслужил такого подарка – девушку из Западного Крыла?

– О чем вы еще говорили? Уж не назвала ли она имя того, к кому желает попасть?

Голос спокойный, почти что приветливый. А Йири уже знает, что все, что он делал и говорил, было ошибкой. Такое тут не прощается. Он почти не пытается оправдаться. Голова опущена, и вздрагивают туго переплетенные пальцы.

– И я, и она... знаем, о чем у нас нет права говорить.

– В этом я не уверен. Как и в чем-то праве здесь находиться.

Йири закрывает глаза, понимая, что просить уже не о чем, и бесполезно. Да и сил говорить больше нет.

– Тебя научили покорности, – слышит он голос Благословенного, сухой и холодный. – Но не научили знать свое место. Вы оба останетесь, где были. Но больше ни слова о чем-то подобном.

Он возвращается – слышно, как падает на лежанку. Одно короткое, глухое рыдание. Хиани – пасмурней осеннего дня. В первый раз он не решается подойти.

Их и вправду не тронули. Однако наказаны были не уследившие. Некоторые знали – что-то произошло. Только подробности некому было повторить. И не посмели бы.

Но обитателям Восточного крыла рассказали. Теперь Йири было известно, сколько человек и как заплатили за его безумный поступок.

– Я знаю, она не была тебе дорога. Почему ты решился на это? – только раз спросил Хиани, удивления не скрывая.

– Это мое дело, – в первый раз Йири ответил ему так холодно и спокойно, почти как Благословенный при обещании все оставить, как было. И после несколько дней молчал.

* * *

– Если достигнешь вершины, нет смысла цепляться за нее. Достаточно знать, что ты – лучший. И уйти насовсем.

– Почему?

– Чтобы остаться лучшим.

Йири серьезно смотрел на него.

– Ты правда так думаешь? Но ведь это значит – один. Только о себе... Или не иметь никого рядом?

– А никого по-настоящему рядом не будет. Лучшими восхищаются, их ценят, хотят держать при себе или, напротив, стоять возле них. И всё.

– Это неправильно. Но тебе проще жить... а кому умирать проще – не знаю.

Нечасто они так разговаривали. Каждый раз Йири казалось, что он начинает понимать, кем является Хиани на самом деле. Потом понимание уходило, а Хиани становился почти врагом. Медлительным, текучим, как темная бронза, ленивым – с беспощадно острым языком, не снисходящий даже до того, чтобы ужалить. Он был единственным, кто говорил неожиданное.

Йири знал, что летом комнаты украшали огромными алыми маками. Так же одевались в безрукавки – *тэй*, шелковые штаны и *лаа-ни*, как и в доме Отори, и в Саду Нэннэ. И не

было различия в покрое, словно одного пола все Несущие тень. Одежды были различных оттенков меда, почти без вышивок – тонкие золотые плети растений и змейки ползли по горловине. Зато ткань стоила больше, чем половина одежды господина Отори.

Порою Йири казалось, что жить в крестьянской лачуге он бы теперь не смог. Ему давно не приходилось мерзнуть. Он привык, что вода для него будет горячей, как только он пожелает. О пище говорить просто не стоило – ее было вдоволь, причем лучшей, чем он когда-либо представлял, рассказывая сестренкам о сказочных пиршествах фей в золотых дворцах. В конце концов, ему просто было приятно смотреть на вещи, которые его окружали – они были необыкновенно изящны.

А по ночам ему теперь не снилось ничего. Или он снов не помнил. Дни были странными – прозрачная паутина, которая непонятно, есть или нет, и одновременно – вата, мешающая видеть и слышать.

Рисовал иногда – но мысли путались, и линии выходили неправильными. Он сплетал их, словно лозу или нити, не заполняя контуры цветом; цвет растекался по линиям, словно вода.

Он любил бывать в купальне один, хоть это далеко не всегда получалось. Вода успокаивала и нашептывала странные сказки; о себе обитатели Восточного крыла чаще всего заботились сами, и слуги появлялись только по зову. Он никогда их не звал. Нравилось смотреть, как сверкают капельки воды на коже – они казались росой, или звездами, живущими своей, чуждой людям жизнью.

Он привык к ароматам Восточного крыла – Благословенный любил легкие цветочные и фруктовые запахи, ненавязчивые и светлые.

Одна из девушек – соседка Йири – напротив, с ума сходила по запаху роз, и, несмотря на установленные порядки, всеми правдами и неправдами добыла у слуг флакончик розового масла; держала его в шкатулке возле кровати.

Йири порой удивлялся, как быстро такие же, как он приживаются на новом месте, и, оставаясь послушными, выбирают из отведенного им лишь приносящее радость. Он все еще чувствовал себя здесь чужим.

Свои обязанности исполнял, не думая, – они не были трудными; но постоянное напряжение, боязнь ошибиться не отпускали. Кому когда и куда идти – указывали носившие черное, с золотой вышивкой на одежде. Больше они не говорили ничего. Всё необходимое словно появлялось само собой, слуг встречали нечасто – с ними зачастую не могли обменяться и парой фраз.

Иногда Йири видел гостей Благословенного – но он и лиц их не запоминал. Образцовые Несущие тень смотрят только на хозяина – но помнят всех. Йири образцом не был.

Но он исполнял все, что положено.

Повелитель относился к ним, как к чему-то среднему между слугами, вещами и кошками.

Длинными были дни.

В это время жизнь шла разными тропами. Умер старый правитель сууру. Трон унаследовал его сын, избранный отцом среди других сыновей – таковы были традиции сурулэ. Дополнительный набор в войско был объявлен в связи с этим – про характер молодого наследника лестного говорили мало. Из Дома Асано на Островке оставался Шену – и отпрыски младших ветвей. Ханари был отправлен следить, как продвигается обучение новобранцев из бедных семей.

Прервался один из родов Тайо, Высоких – сыновей не осталось, одни дочери. А они мало что значили. В остальном тихо пока было в стране и на Островке.

7. Взлет

Столица

Человек сидел, склонившись над столиком, и что-то писал. Кисть летала над зеленоватым листом, над бумагой для личных заметок.

«Осенняя ночь темна, как звук большой тан, сладка, как запах умирающих цветов. Кто знает, сколько нечисти бродит во тьме? В такие ночи вся нечисть тянется поближе к жилью, привлеченная светом и жаром огня. И в доме не укрыться от тягучей и хрупкой красоты осени, ее аромата.

И брат мой там, на сырых дорогах, погоняет коня, и ветер смеется над ним.

Когда-то он бросал камешки и ракушки в живую оплетку нашей беседки, желая привлечь внимание – меня, старшего, занятого разбором очередной книги. Его волосы блестели, как пена. А ныне ему уже двадцать лет. Позади беспечное детство и разговоры о жизни и красоте с младшими из Дома Асано, Белых Лис.

Теперь меня тревожит стремление брата по-прежнему прислушиваться к их речам. Всем ведь известно, Асано – и впрямь хитрые лисы. Их род неотвратимо погружался в пучину немилости и забвения, однако они сумели подняться и прилагают много усилий, чтоб не упасть. И пытаются опрокинуть других. Однако Солнечный, несмотря на заметное благоволение к этому роду, усилить его не желает. Кажется, ему интересна эта игра, в которой только умнейший останется возле повелителя. Но мы не можем позволить, чтобы это оказались Асано.

У них немного серьезных сторонников, однако те, что есть, достойны внимания.

Двое старших в роду внешне надменны, в душе коварней ужа. Их сыновья тоже не упустят кусок – им бы торговцами быть. Разве что самый младший, еще не надевавший белую тэй-но он не живет в столице, да Тами – ему всего пятнадцать. Из него еще неясно, что вырастет. Когда-то он хвостиком бегал за моим братишкой. Теперь при встречах слишком вежлив и смотрит косо.

Брат мой отправился к морю. Сам он знает другое, но истинной целью его пути станет – заронить еще больше нелюбви к Дому Асано в сердце того, кто живет там, второго после нашего повелителя. Ибо, если род Лисов станет по-настоящему сильным, слабыми окажутся многие. И брат мой Кими, с его попытками слушать всех, станет одной из жертв».

Постучали по раме окна – то ли ветки, то ли тот самый шутник-маки, который повадился вечерами прилетать в сад и шалить. То служанку дернет за рукав, тот конюху подножку подставит. То резким криком и скрипом пугает, то нашептывает сомнительные песенки девушкам.

Каэси Мийа глянул в сад, усмехнулся. Не видно проказника. Пару раз лишь позволил себя увидеть, и то мельком.

С низкими поклонами появились служанки, завернутые в коконы шелка – за служанками следовала Кору. Жена. Как странно – их соединили старшие, молодые дальней родней приходились друг другу. И вот обрели каждый в супруге – союзника. Хотя Кору зря родилась женщиной – покорности в ней было меньше просяного зернышка. Это раздражало Каэси. Но Кору была умна – это радовало.

– Что нового?

– Ничего.

– Ты зря тратишь время.

– Что я могу? Госпожа Аину только юная девушка, и не много значит для Солнечного.

– Много...только она считает иначе, – Каэси снисходительно посмотрел на жену. – Если бы кто дал ей совет, как стоит разговаривать с отцом, он мог бы получить всю ее силу.

– Ты хочешь, чтобы советы давала я?

– Разумеется.

– Она слушает меня вполуха, когда речь заходит о чем-то, кроме ее дам и нарядов. Раньше она не была такой.

– Придумай что-нибудь. У вас, женщин, свои дела. Неужто я стану вникать в них? Аину должна верить тебе и быть нашим голосом перед отцом, раз уж нет иного пути.

– А его нет?

– Мы все еще влиятельны при дворе, – с неохотой ответил он. – Но освободившиеся должности занимают младшие родственники и ставленники Лисов. Их уже слишком много, все приходится делать с оглядкой.

– Достаточно подрубить ствол, и мелкие ветки упадут вместе с ним.

– Этим стволом придавит и нас... Нет. Пока нет. И не так. Дома Тайо убивают отпрысков таких же Домов только в случае крайней нужды. Жаль, нет отца. Его братья – подмога не лучшая. Один осторожен, боится собственной тени, другой думает долго. Сыновья их неплохи, и все же хороши недостаточно. А мой собственный брат... он готов примириться и с Лисами.

– Кими – всего лишь оружие, не воин, – произнесла Кору. – Но оружие великолепное.

Дворцы Островка напоминали лабиринт внутри муравейника – только многие коридоры, галереи и залы были пусты. Двое встретились, не ожидая того. Обоим было около тридцати, и звезда одного начинала сиять непростительно ярко. Только выскочки могут позволить себе обмен колкостями, только низшие, лишенные воспитания, могут проявить грубость. Каэси и Шену были предельно учтивы – они поговорили немного о новостях, о сортах жемчуга и новой пьесе известного автора, и с вежливыми поклонами расстались. Варвары приняли бы этих двоих за лучших друзей.

* * *

Дом-на-реке

Хали откинулась на невысокую спинку. Волосы дочери Благословенного были распущены, нижнее платье скрывала накидка цвета слоновой кости с золотой вышивкой. В пальцах девушка вертела цветок из полудрагоценных камней – многие девушки мастерили подобные из обточенных разноцветных шариков. Хали была в числе лучших в этом умении, но ей было скучно.

Сидевшая на подушке у ее ног Кайсин пыталась сделать из разноцветного жемчуга бабочку, но золотая нить путалась, а жемчужины выскальзывали из рук.

– Ах, до чего ты сегодня неловкая, – заметила Хали. – Лучше сыграй мне.

Кайсин послушно потянулась за *ахи* – играла она пальцами, не используя плектр. Тихий голосок приятно журчал, убаюкивая.

Качнулась занавеска над входом – с поклоном вошла Кору. Хали всегда удивляла ее уверенность – казалось, демоны с воплем убегут с пути главной дамы из «внутренних».

– Ты сегодня хмурая, Кору. Луна что-то сказала тебе ночью?

– Ах, госпожа Аину...пустяки, – она раздраженно махнула кистью руки, качнула головой – височные подвески зазвенели.

– Твой муж? Что, эти девчонки – актрисы сумели слишком увлечь его?

– К этим сестричкам я привыкла давно. Раскрашенные обезьянки. Уж лучше б мальчишки были – те хоть вести себя умеют... – на ее лице появилась гримаска показного равнодушия. – Он завел себе какую-то плясунью...

– И что же тебя раздражает? – удивленно спросила Хали. Кору была единственной, кто разговаривал с ней настолько вольно: Аину сама даровала Кору эту привилегию.

Так говорить мог бы еще отец, но он держался сухо и холодно.

– Он вот-вот привезет ее на Островок.

– Через неделю увезет обратно. Бывало и такое... У вас же свой дом.

– Ах, эти Белые Лисы рады будут воспользоваться таким легкомыслием Дома Мийа.

– Вот ты о чем, – рассмеялась Аину. – Не бойся. Такая мелочь...

– Вы не помогаете нам, госпожа, – ревниво сказала Кору. Все это время она ходила по комнате, но теперь села, повинувшись знаку Аину. Пальцы ее, униженные опаловыми перстнями, затеребили серо-золотую ткань покрывала.

Хали с укоризной смотрела на это варварство.

– Кору! Как можно! – и добавила: – Что ж., тебе обидно, моя старшая дама. Но я не стану сердить отца без нужды. Пусть он выказывает расположение Лисам – мне все равно.

– А я?

– А ты... пытаешься вертеть призраками. – Хали умолкла. Смирно сидевшая на подушке Кайсин встрепенулась.

– Сыграть вам, госпожа? – она, до смешного обожавшая Хали, вела себя, как служанка, не как младшая дама из «внутренних». По ее волосам бежал солнечный зайчик.

– С тобой и музыкантов не надо, – ласково сказала Хали.

Кору все еще была недовольна, и тщательно пыталась это скрыть. Пока ей не удавалось втянуть Аину в борьбу между Домами. А какое та могла оказать покровительство!

И Каэси опять останется недоволен.

Дворец-Раковина

Когда-то десятилетний Юкиро познакомился с Тооши, сыном Смотрящего за морем, подростком года на три постарше. Его, выросшего на юге, привезли в Сиз-Рэн завершить образование – мальчики стали друзьями. Впрочем, со стороны наследника это было всего лишь расположение, со стороны Тооши – преданность подчиненного. Все время он был тенью Юкиро – и тогда, когда произошла странная смерть второго сына Благословенного, и когда старший сам взшел на престол, заменяя умершего отца.

Тооши не стал одним из Тех, кто Справа или Слева, но все же оставался самым доверенным лицом, чем-то вроде старшего секретаря – не самая высшая должность, по правде сказать. Он не блистал острым умом, зато был на диво дотошным и исполнительным, имел превосходную память, к тому же умел угадывать с полуслова, что хочет сказать повелитель. И то, чего он сказать не хочет.

Наряду со столь ценными качествами он обладал и некоторыми забавными чертами характера. Верил, что Островок наводняет всякая мелкая нечисть, безвредная, привлеченная блеском золота и камней. Эта вера у многих вызывала улыбки.

Но он – как и лучший врач Сиз-Рэн, Ёши – мог входить к Благословенному в любое время, когда было необходимо, и никто не смел задержать его.

– Нам предстоят трудные времена. Задачи надо решать... непростые.

– И что же ты считаешь трудной задачей?

– Новый правитель сууру-лэ, мой повелитель. Он мальчишка еще, но и мы, и его подданные хлебнем с ним горя. Он несдержан, самолюбив, не желает слушать советы – но сам довольно умен. Он может вновь развязать войну.

– Посмотрим. Пока он ничего не может.

– Нам нужен союз с синну, мой повелитель. Прочный союз – сейчас он шатается.

– Я знаю об этом. Что ж... Аину уже взрослая девушка. Можно начать разговоры о свадьбе.

– Хотите отдать ее в дикие степи? – ужаснулся Тооши.

– Нет. Мы достаточно отдавали. Ее мужем будет тот, кто воспитан здесь – и жить они будут здесь. Он не наследник, но близкий родственник их верховного вождя. Синну чтят родство – но этого мало. Пока он здесь, они ни в чем не пойдут против нас.

– А Хали?

Благословенный остро глянул ему в глаза.

– О чем это ты? Она будет довольна. В конце концов, ее мать – полукровка.

* * *

Дом-на-реке был ее убежищем, ее личным, неприкосновенным. Там умерла ее мать – но все равно Аину любила это место. Конечно, то не дом был – крошечный дворец, построенный для Омиэ. Только три года Благословенная радовалась ему.

Река Юн – приток Аянэ – разделялась там на несколько рукавов, омывала зеленые островки и крутые холмы – почти горы. Всего в трех ани от Островка, Дом-на-реке казался затерянным в далеких лесах. Конечно, опытная охрана стерегла узкие тропки, незамеченным не подошел бы никто, но почти все охранники скрывались от глаз, и о них не думали обитатели Дома-на-реке. Омиэ всегда была рада очутиться в этих стенах, только удавалось это нечасто – а дочь ее, как выросла, совсем редко стала навещать бывшее обиталище матери. Не по своей воле – прочно держали незримые цепи должного.

Бледно-голубые стены трех воедино слитых павильонов напоминали соцветие колокольчиков. Тончайшей каменной резьбой были покрыты они, и казалось – дышат стены. Возле самого дома находилась маленькая пристань – изящные позолоченные столбики удерживали несколько лодок, большую и маленькие. Повсюду была темная зелень – деревья с широкими листьями, и серебристые ивы. И вода – сердитые водоворотики, блики и тени. Тут водились стремительные узкие рыбы. И огромные бронзово-зеленые стрекозы с сердитым гулом носились возле воды.

Юкиро не любил, когда жена уезжала в Дом-на-реке, однако и не препятствовал ее развлечению. Для придворных Островка было лучше, когда Омиэ – полукровка покидала его пределы.

Хали сидела прямо, задумчиво глядя на плывущие рядом листья. Хотелось опустить руку за борт – однако в большой лодке, кроме Амарэ и Кайсин, присутствовали другие люди. Даже при слугах нужно вести себя должным образом... особенно при слугах.

Кайсин наигрывала на ахи – девочка и вправду хорошо владела инструментом. Черная прядка ее волос выбилась из прически и забавно вилась над ухом...

Спутники Хали еле слышно беседовали, не осмеливаясь перебить ее мысли.

Вода была теплой, несмотря на то, что осень подошла к середине.

Другая лодка, меньше этой, перевернулась, когда в свои права вступала зима. Одному Творцу известно, как Благословенной в узком гэри удалось добраться до берега. Она была сильной... Ее сопровождали дамы – и лишь один мужчина, который управлялся с веслом. Он не сумел выбраться – дамы вцепились в него, как в последнее спасение. Омиэ смогла. Но прожила лишь неделю – вода была холодна...

Хали плакала долго.

Но любила Дом-на-реке все равно.

«Отец всегда действовал умно. И всегда – как подобает. Я видела его ровно столько, сколько, по его мнению, послушная дочь должна видеть занятого делами государства отца. Я всегда имела все, кроме надежды когда-нибудь распоряжаться собственной жизнью. Дочь повелителя, даже и полукровка, должна быть образцом совершенства. Меня окружали лучшие учителя и воспитатели, мои дамы отчаянно пытались сделать меня красивой. Им это

так и не удалось. Зато быть послушной дочерью я научилась. И выглядеть благодарной меня научили тоже.

Мне позволялось многое – даже Янтарный дворец я смогла перестроить по своему вкусу, и поселиться в нем.

И мужа мне выбрали подходящего. Я всегда знала, что меня отдадут как залог политического союза за самого выгодного претендента, но я недооценила отца. Мой жених, ко всему прочему, обладает привлекательной внешностью и молод. К тому же у него хороший характер. Я, наверное, была бы даже рада уехать вместе с ним к синну, хоть мне и внушали с детства, что восточные наши соседи не больше, чем варвары... Однако теперь мы оба – заложники мира, заключенные в Тхай-Эт.

Огромную страну я вижу тюрьмой.

И весною свадьба.

Если бы отец ненавидел меня! Но он обращается со мной почти как с любимой дочерью. С одним лишь отличием – он меня вовсе не любит. И это знают все. Каждой дворцовой служанке это известно.

Он даже гордится моей независимостью, ибо знает, что в любую секунду сможет поставить меня на место.

А я... веду себя так, как должно для дочери Благословенного. Я ношу не красящую меня одежду с гордостью и даже пытаюсь казаться в ней привлекательной. Я выказываю презрение к дикарям синну, делая вид, что не помню, откуда родом была моя мать. Я держу возле себя положенных женщин высокого рода, потому что ими должна себя окружать дочь повелителя, ими, а не любящими людьми».

Дом-на-реке...

* * *

У Юкиро болело плечо. То ли рукой неловко двинул, то ли иное что. По таким пустякам звать врача не любил. Однако в купальне плечо разболелось совсем. От горячего пара, что ли? Поморщился – только этого не хватало. Услышал робкий голос:

– Мой господин... позвольте...

Сначала не понял даже. Потом увидел – мальчишка указывает на его руку. Согласно кивнул – хуже не будет.

Тот дотронулся неуверенно – а потом пальцы обрели ловкость опытного целителя. Словно сквозь кожу проходили они, снимая боль, пока не осталась – песчинка.

– Хорошо, – удивление было в голосе Благословенного. – Тебя учили лечить?

– Нет, мой господин, – не поднимая глаз говорил, руки сложив перед грудью. – Я сам... еще с детства.

Юкиро мельком глянул на второго, в чьих руках переливалась шелковая одежда, взял, сам накинул ее, подождал, пока завяжут пояс, и, бросив короткий взгляд на того, кто снял боль, жестом велел:

«Ты – останься».

...Последнее, что заметил Йири, растерянно глядя вслед уходящему, – полный великолепной насмешки взгляд Хиани.

В этих покоях он не часто бывал раньше – и всегда не один, и всегда чем-то занят был. А сейчас Благословенный велел ему ждать здесь – а сам задержался, проглядывая какую-то бумагу. И Йири осмелел немного, даже голову поднял, глянул на стены. Тут жила красота – и звала: «посмотри на меня»...

...Он забыл, где находится... Узор, переливавшийся на занавеске, был довольно простым – по голубому фону – сиреневые первоцветы в золотых каплях росы. Узор, легкий,

изысканный – и так похожий на тот, что он видел на платье Лин, когда она нарядилась в честь весеннего праздника и вышла на мостик...

Юкиро наблюдал за ним уже минуту. Тот стоял, не сводя глаз с занавески, затем протянул руку, коснулся ее кончиками пальцев, словно присевшей на листок стрекозы.

– Нравится?

Мальчишка вздрогнул и обернулся – лицо его было растерянным и донельзя удивленным. Потом глаза стали огромными, темными и перепуганными. Он стремительно принял позу полной покорности.

– О! Простите меня...

Кажется, он был настолько испуган, что забыл, как надо обращаться к повелителю. Юкиро подошел к занавеске, взгляделся в рисунок.

– Нравится?

Мальчишка чуть приподнял голову.

– Очень, – прошептал еле слышно.

– А мне как-то не очень. Что-то не так.

– Может быть... первоцветы?... Они выглядят слишком уверенно, словно уже середина лета – но ведь они первые...

Юкиро смотрел на него. Улыбнулся.

– Встань. Любишь цветы?

Йири не был готов к разговору – поэтому отвечал, не раздумывая.

– Да, мой господин.

– И какие?

– Лесные больше всего.

– А те, что растут в моем саду? Неужели они хуже лесных?

– Я... мало что видел. Но те, что я видел, не хуже. Просто они слишком горды и вряд ли захотят разговаривать даже с бабочками, не говоря о людях.

– Подойди к окну и посмотри, – Юкиро давно не встречал такое занятное существо. Мальчишка еще не пришел в себя окончательно – Юкиро не собирался этого дожидаться. Будь у него иное настроение, он бы не обратил внимания, кто перед ним вообще. Но сейчас ему было интересно.

– Что ты скажешь?

Мальчишка стоял у окна. Он видел лишь маленький уголок сада, к тому же прикрытый сумерками, но этого было достаточно, чтобы не суметь отвести глаз. Сад был заметно тронут осенью, но это лишь придавало ему странную, потустороннюю красоту. Цветов было много: и утренних, и тех, что раскрываются к ночи. Большинство – красных и золотистых. Изваяния из бледно – желтого камня вставали, как стражи цветов. Темная листва блестела в свете заходящего солнца.

– Достаточно. Ты так всю ночь прстоишь.

Он обернулся – и лицо его было совсем детским и восхищенным. И это наивное выражение медленно соскальзывало с лица.

– Ты пробовал рисовать?

– Да, мой господин, – тихо ответил тот.

– Как тебя зовут?

– Йири, мой господин.

– Почти «ласточка»... Посмотри на меня. У тебя необычный взгляд – доверчивый и закрытый одновременно.

Он только склонил голову.

– Простите... Я был должен молчать.

– Вовсе нет. Ты должен исполнять то, что я прикажу.

– Да, мой господин.

В комнате было прохладно, Юкиро часто оставлял приоткрытым окно вплоть до холодов. Угли в жаровнях потрескивали, легкий запах пряных трав плыл по комнате. Йири опустил ресницы, губы его вздрогнули. Юкиро внимательно следил за ним.

– Тебе стало грустно? Почему?

– Осень... Мне кажется осенью, что я вижу костры, вокруг которых собираются души. Сумерки... это время айри.

– Ты думаешь об этом даже здесь, во дворце?

– Это... всего лишь стены. Для них же нет преград.

– Хватит, – негромко сказал Юкиро. – Идем со мной. Несмотря на странности в твоей голове, думаю, ты знаешь, что к чему.

– Да... – он оглянулся на окно, как бы ловя слабый ветерок...

– Я сказал, хватит. Опустить створку. И закрой занавеску.

Хиани встретил его примерно таким же взглядом, как и проводил. А Йири хотелось остаться одному, не видеть этой откровенной насмешки. Среди медового цвета утвари и тканей казалось тепло и уютно. Он завернулся в шелковое покрывало. Ему нравился шелк – холодный и так быстро теплеющий, безразличный и ласковый. Это было единственное из роскоши, к чему привыкать не потребовалось.

Хиани оказался потрясающе проницателен – он разогнал всех желающих поговорить с Йири и сам к нему не приближался.

* * *

Голова болела с утра. Тучи плыли по небу, все никак не решаясь пролиться дождем. И заботы как тучи. Мальчишка – правитель сууру-лэ, мечтающий о войне. Пока ему не дадут воли – но сколько такое продлится? И синну, требующие, чтобы Хали ушла жить к ним, в бескрайние пыльные степи. Он согласился лишь на краткий визит – и пока они присмирели. Сейчас любой ценой нужен мир с этими дикарями. Но если для тхай даже разговор с ними – великое одолжение, что уж говорить об уступках?

Он вспомнил вчерашнее – забавное... Усмехнулся.

– Пусть придет тот, со взглядом, как у олененка. У него еще имя – почти название птицы. Один.

...Оказалось, он умеет рассказывать занятные вещи – и сам в них верит при этом. Наивная вера напомнила повелителю Тооши. Но этот был – сиини. И не только рассказывал... И прошла головная боль.

– Теперь мне идти, господин?

– Остайся. Ты симпатичное существо. Твое общество действительно развлекает. Кстати, ты ведь северянин, верно?

– Да, мой господин. Я...

– Не смотри так испуганно. Север – такая же часть страны.

– Но... откуда... – мальчишка осекся, опустил глаза.

– Слышу. Северный говор трудно спутать с другими. Хотя у тебя он не слишком силен. Однако только уроженец Тхэннин называет луну белой рыбой. Чешуйки белой рыбы – лунные блики...

– Простите.

– Да перестань, – досадливо поморщился он. – Я понимаю тебя. Речь северян – это не тарабарщина Хиё.

– Что мне нужно делать?

– Можешь вволю наглядеться на занавески. Ты был так увлечен ими в прошлый раз... Не опускай голову. Я разрешаю тебе осмотреться здесь. Мне понравилось, как ты сказал тогда о рисунке на ткани.

Он нерешительно подошел к стене, не рискуя поворачиваться спиной. Склонился над какой-то шкатулкой из кости.

Необычное существо. Грациозное, красивое – но странное. Как он попал в Восточное крыло? Другие так хорошо обучены, что глаз за них не цепляется. Они идеальны, как мебель в его покоях. А этот все время боится ошибки.

– Ты хочешь спуститься в сад?

– Да, мой господин, – глаза его загорелись. И Юкиро, обронивший случайную фразу, чувствует себя почти что неловко.

– В другой раз.

Глаза гаснут. Он снова всего лишь ждет распоряжений.

«А почему бы и нет?» Все слишком обыденно – можно позволить себе развлечение.

– Замерзнешь ты в ней, – он кивает на легкую, янтарного цвета лаа-ни. Вдруг – глаза того улыбаются.

– Нет, мой господин, – «нет» звучит чуть протяжно, не дерзко совсем. – Я не боюсь холода.

– Совсем? Говорят, у вас на севере встречаются горные духи? Ты не из них?

На этот раз в глазах – удивление. Кажется, сам не знает...

Цепь фигурок из черного мрамора – не подпустят демонов к саду. Двое спускаются по широким ступеням, и фигурки, окруженные темной в сумерках зеленью, всматриваются в пришельцев. По воздушным дорогам сада уже гуляют светляки, вспыхивая то тут, то там.

Йири низко склоняется перед молочно-белой фигуркой из кахолонга.

– И что это значит?

– Она... была покровителем нашей семьи, – сказать «нашей деревни» он не решился.

– И хорошо она вас охраняла?

– Наверное, да.

«Этот не будет перечить Бестелесным...»

Йири молча смотрел на скульптуру. Наверное, при дневном свете камень отливал голубым цветом. Сейчас этого не различишь.

– Она красивая.

– Хм...

Работа резчика по камню действительно хороша. Однако сама Покровительница – большеглазая причудливая рыба с изогнутыми на манер рук плавниками.

– Это *лисса-кори*. На севере, в деревнях, ее называют... *кориса*, – он замечает, что лицо мальчишки на миг обретает сходство с кахолонгом по цвету и неподвижности.

– Все же ты странный. Ты точно не оборотень?

– Меня уже называли так. И не раз.

– И как же?

– Нет, мой господин, – и, очень тихо: – Иначе меня бы здесь не было.

Юкиро вскинул бровь. Однако... Он то ли глуп, то ли отчаянно смел, и пытается чего-то добиться.

– Ты – вполне достойное украшение этого сада. Хотя, если бы ты все же был оборотнем, это могло быть куда интересней.

– Не думаю, мой господин, – серьезно возразил он. – Добрые... бывают только в сказках. А со всем, что делают злые, прекрасно справляются люди.

– Ты хорошо говоришь, словно тебя учили особо, – задумчиво произносит Юкиро. – Когда ты родился?

– Под созвездием Рыси. В начале месяца.

– Вот почему у тебя мерцают глаза...

Возвращаются. Внезапно он спрашивает:

– Я могу рассказать другим? Они ведь не были здесь?

– Именно здесь? Кто-то был... кажется. Рассказывай. Только... Ты не боишься?

– Чего мне бояться?

– Зависти, северный ты ребенок.

– Мне может что-то грозить от них?

– Вряд ли. Не от них, от меня.

«Демоны, не объяснять же ему, как можно выставить человека в самом невыгодном свете. Как можно попросту отравить ему жизнь при тесном общении. Снова – не понимает, или пытается заручиться большим? А ведь он не дурак».

Хиани, как всегда, потягивается лениво, раскидывает руки, словно хочет узором растечься по янтарному шелковому покрывалу.

– Думаю, ты давно уже понял, какое у тебя есть оружие. А не понял, так скоро поймешь. И вряд ли постесняешься им воспользоваться. Полагаю, у тебя хватит ума не упускать свои шансы.

– Не знаю, о чем ты.

– Может, пока и не знаешь. Но уже начинаешь понимать. И еще. Ты не жертва, и никогда ею не будешь, хоть тебя несложно принять за нее. Я тоже ошибся поначалу. Сам-то не ошибись.

Больше Хиани не говорит ничего – и словно жалеет о произнесенных словах.

Зима, показалось, прошла куда быстрее, чем осень. Йири почти перестал испытывать страх в присутствии повелителя. С глазу на глаз они разговаривали. При гостях, допущенных в личные покои Благословенного, Йири становился тенью – он только прислуживал, так, что, казалось, все происходит и вовсе без участия человека.

Тооши он видел часто – тот его не замечал.

А в этот вечер Благословенный обратился к мальчишке с вопросом.

– Правда ли в нашем саду живет *маки*?

– Не думаю, мой господин, – тихо, но без запинки откликнулся тот, не поднимая глаз. – Маки порой любят шум, но покидают свои убежища ненадолго. А на Острове где он мог бы укрыться, чтобы не слышать человеческих голосов?

Брови у Тооши полезли вверх.

– Повелитель? – и, с недоверием оглянувшись на Йири: – Он умеет думать и говорить столь складно?

Благословенный с легкой иронией смотрел на обоих.

– Умеет, когда я захочу, – и добавил: – Занятный он. И неглупый. Может рассказать странные вещи. И людей чувствует...

– И что потом, повелитель? – удивленно спросил Тооши.

– Я и сам не знаю пока.

Йири, казалось, не слышал, что говорят о нем.

* * *

И настала весна.

Свадьба Аину была такой, какую положено устроить невесте высокого рода. Наряженная в роскошное одеяние, расшитое белым, огненно-красным и золотым, девушка улыбалась, гордо глядя по сторонам, гордо – и вместе с тем скромно, как и подобает невесте. То, что она плакала всю ночь перед свадьбой, никто бы не мог подумать – с помощью льда и

других ухищрений все следы слез были убраны. Янтарь – камень верности – украшал рыжеватые волосы, пышно уложенные. Жених Аину выглядел куда более растерянным и робким, ожившую куклу напоминал, вовлеченную в хоровод блестящих придворных. Он, как и Хали, не строил иллюзий на будущее – великолепный хоровод и дальше станет нести их обоих, отодвигая все дальше, и рано или поздно они станутся за границами круга.

А Хали уже забыла про слезы. Впервые она рада была длинной церемонии – лишь в эти минуты девушка в центре внимания, это ее день, солнечный, как кровь Золотого Дома, первый и последний торжественный ее день...

Восточная степь

«Первый день месяца Угря, анна-и-Шаанэ. 333 год от Начала Великой Осады. Земли Солнечной птицы полны радости сегодня – светлая Аину, прозванная Хали, Желтым цветком, связала свою судьбу с достойным человеком ради общего мира.

...Они снова пришли – с речами о мире. Их речи всегда учтивы и холодны, как подземные родники, и столько же неведомого в них. И сами – холодные, прямые и тонкие, словно копьё. Хорошие воины, хоть и тонкая кость. Опасны. Говорят, те, что на западе, за их землями, воюют с помощью отравленной стали. Эти же – сами отравы.

Вожди синну брали в жены их дочерей и сестер. А они брали лишь полукровок, словно заторно влить в свою семью чистую кровь людей Огня, тех, кто может ходить по углям.

А после приехали двое. Дочь моей Шафран – и мальчик, теперь ее муж, тоже не чужая кровь. Внучку я не видел не разу, а его в десять лет увезли эти надменные. Долго смотрел я на внучку. Эээ... Разве это дочь Шафран? Дочь Шафран деда бы обняла. А эта и на ковриках узорных у священного очага сидела, и сладкое молоко пила, и в степную даль смотрела, где ковыли, а все холодная, совсем чужая.

Подарки они богатые привезли, и мы им лучшее отдали – сбрую конскую дорогую, луки, женщинам – плетеные занавески, браслеты красивые. А потом они уезжали – и тут девочка эта так глянула, совсем маленькой показалась.

Ох, как было мне жалко дочь – а внучку и того жалче стало. Обижают ее там, что ли? С виду не скажешь – вся такая нарядная, держатся с ней почтительно. А глаза тоскливые, темные...

Так и уехали».

Столица

Тооши не был хорошим наездником, в седле держался с трудом, но упорно пытался передвигаться верхом. Родные уговаривали его избрать для себя паланкин – он упрямо отказывался, и даже во время быстрой езды пытался сопровождать повелителя. Получалось неважно. Но Тооши мог с кем угодно поделиться упорством, хоть ясно было уже – давно прошла юность, и нет смысла пытаться достичь невозможного.

Первые дни весны не баловали теплом. На чахлой траве лежал иней, лужи и ручейки не спешили расстаться с толстой ледяной коркой. Случилось – лошадь Тооши поскользнулась на льду. Горе-всадник не удержался в седле. Смешно упал. И не встал.

...Лицо было – удивленное.

В доме повисла тишина, ощутимая, на губах оседающая неприятным сладковатым привкусом; и словно их всех закопали в землю живьем, и скорее чудился, нежели угадывался, запах черных свечей нээнэ-хэн. Йири кожей чувствовал смерть. Почудился смех караванщиков. И тогда испугался, так, как там, у телеги, во время нападения – еще немного и непоправимое произойдет.

«Это я приношу несчастье...»

Фигурка в углу. Слишком большие глаза. Лицо в тени кажется серым. Может, и вправду так – подросток до смерти перепуган.

– Кто посмел впустить кого-то из вас?

Ах, да... так положено. Как всегда...

– Мой господин... – кажется, сейчас задохнется, настолько сдавленный голос.

– Прочь! – повернулся спиной. А за открытым окном – солнце. Оно не спешит садиться. Впрочем, в случае смерти его самого солнце село бы раньше. И, наверное, пошел бы дождь.

Шорох сзади. Он? Или все же – она? Все на одно лицо... поднялся на ноги... Смотрит. Смотрит, не отрываясь.

– Я велел тебе уйти.

– Позвольте... мне сейчас нельзя уходить. Пусть... я потеряю жизнь ... потом.

Благословенный почти растерян. Ему нечасто возражают даже родные.

– Да ты что?!

Того почти не различить, совсем белый, теряется на фоне бледной занавески. На лице ужас, будто *яссин* – змею перед ним держат, будто дышать осталось – минуту. Но он смотрит. Ах... это тот... какая-то история с девочкой... я простил его тогда... забавные у него сказки... Это воспоминание немного смягчило Благословенного.

– Уходи. Ты не нужен здесь.

– Нужен. – Прижался спиной к стене... а потом качнулся вперед – так бросаются на острие.

– Ты считаешь, что знаешь лучше меня? – он чувствует уже только усталость. И пустоту. Звенит тишина, одинокой отчаявшейся пчелой кружится у виска. Но человек произносит слова – это немного оттягивает тяжелое, сосущее *нечто*. Молчать – значит упасть туда. И какая разница, кто с тобой говорит?

– Лучше всех сумеешь обо мне позаботиться?

– Не знаю. Но мне нельзя уходить. Он... был вам дорог.

Словно холодной водой в лицо...

– Да что ты понимаешь, ребенок?

– Я знаю, каково это – терять...

– Тихо! – И, немного позже, скорее, себе самому: – Ты думаешь, они слышат нас?

– Нет.

– Почему?

– Мой господин... вы не слышите голоса тех, кто намного ниже. Вы стоите НАД ними.

И они стоят выше нас. Слышат нас только айри...

– Даже потомков Солнечной Птицы?

– Простите... Для Творца есть ли резон нарушать законы жизни?

– А ты смел... Равняешь меня с простолюдином?

– В вопросах жизни и смерти – да, господин. У вершителей судеб своя судьба и огромная власть, но и они умирают.

– Почему ты уверен, что умершим нет до нас дела?

– Иначе они были бы слишком несчастны.

– Но они хотя бы способны прощать. Так говорят...

– Скорее, они просто не помнят обид...

Мальчишка – Юкиро не помнил сейчас его имени – снова опустился на пол, повинувшись жесту – приказу. Он больше не решался в открытую поднимать взгляд, и смотрел сквозь упавшие пряди, но иногда вскидывал голову, и слова вырывались хриплые, по-северному протяжные – он был очень испуган, но забыл про свой страх. Так же, как Благословенный забыл его имя.

Ничего утешительного он не сказал. И поэтому Юкиро слушал его. Холодная, прозрачная, горькая честность – нечего ждать. Ушедший – ушел. Но голос, высокий и мягкий, был словно питье для заблудившегося в пустыне. Пусть мало воды, пусть только иллюзия, что прибавляется сил – все равно. И вид капли дает надежду...

Они говорили долго. А потом Благословенный спросил:

– Ты думаешь, я оставлю свидетеля своей слабости?

Тот, сидя в углу, провел ладонью над полом. Неуверенно двинул плечом.

– А может быть, ты очень умен, и решил, что останешься в выигрыше?

Глаза распахнулись – честное слово, в них был почти гнев. Он может и так?

– Недостойно... использовать смерть человека...

– Все живут за счет чужой смерти.

Мальчишка резко выдохнул – и прикусил губу.

– Не знаю... – это был почти шепот.

Юкиро сделал три шага – склонился, сжал его плечо, заставляя подняться. Вгляделся в глаза. Как ни странно, не увидел там ничего. Мальчишка выглядел мертвой бумажной игрушкой. Даже не раскрашенной.

– Прости...

Задумчиво перебирая густые пряди, словно кошачий мех:

– Я не думал, что такое возможно...

И, много позже:

– Лепестки опадают быстро... Не будешь постоянно держать при себе сорванный цветок. Обитатели Восточного крыла уходят на остров Белый. Но я мог бы изменить любой обычай. Все равно вы знаете все имена... Назови...

– Я не знаю имен, – говорит он честно. – Я их забываю. Они далеко...

– Как хочешь... Возможно, ты многое упускаешь.

– Цветы не говорят, – звучит почти дерзко. Но смотрит он вниз.

Йири не звали неделю. Он мучился неизвестностью – кажется, то было не по несмотру тех, в черном и золотом. На то был приказ. А потом его стали присылать во Дворец-Раковину каждый день. Всегда отдельно от других. И главное – его теперь вызывали по имени...

Жизнь во Дворце Лепестков стала – как струна *тоо*, прозрачно – звенящей. Натянутой до предела. Любимая игрушка. Неизвестно, завидовать ли ей, жалеть ли – торжество не бывает долгим.

Однажды он сорвался. С утра ушел к зарослям снежнотопицы и полдня просидел там, в зимней еще сырости, неподвижно, пока его не забрали оттуда. Он не заболел. Тело не стало изнеженным за два с половиной года жизни в роскоши – у Отори, у Нэннэ... и здесь.

* * *

– Я знаю, что Благословенный оказывает предпочтение одному из своих зверьков – даже в сад его выпускает, и подолгу с ним разговаривает.

– Не искушай судьбу, брат, – лениво обронил Шену Белый Лис.

– Я сегодня видел его. Он принес цветы и сливовую *лээ*. Сначала я не взглянул на него – потом по обращению Благословенного понял... Да я бы понял и так.

– Помнится, ты смеялся над книгами о старине? Над теми, кто ставил все на кон ради прихоти?

– Я смеялся над тем, что смешно.

– Послушай... мне нет дела до бредней, Ханари.

– Он – как солнечный блик... так и тянет коснуться, но рука остается пуста. Словно дикая птица – шевельнешься, и она улетит. Жаль, что из Восточного крыла не уходят в другие дома. Я взял бы его.

– Никто не смеет дотронуться до тех, кто был уже отмечен милостью Неба. Все справедливо.

– Демон, мы все же Асано Белые Лисы. Я попытаюсь добиться этого – я этого хочу. Наш дом сейчас в милости. Почему бы и нет?

– Да умолкни ты, наконец. Он не долго будет в милости, если ты начнешь позволять себе столь неуместные выходки. Они достойны дикарей – синну.

* * *

Теперь они стояли на одной доске, и эта доска качалась. Хиани наблюдал за ним молча, с улыбкой, но в черных глазах ясно читалось желание скинуть Йири с места, где раньше был он. Но он ничего не предпринимал. Так же заговаривал с подростком-северянином. Даже, кажется, предпочитал его обществу всем другим – за исключением той, пепельноволосой, Лани. Так же щедро одаривал всем, чем мог – и получал такой же ответный дар.

И тот, и другой понимали – сделай неосторожное движение, и упадут оба.

Йири соперничества не хотел. Он вообще ничего не хотел – разве что дружбы. И жил, не гадая о будущем.

К Хиани его тянуло – за небрежную грацию, острый язык, гордость, не предусмотренную канонам. И он чувствовал себя виноватым, не зная, в чем.

А время шло.

* * *

– Если Белые Лисы будут так же ловить удачу, Шену скоро займет место второго из Тех, кто Справа.

– На это же место метит Каэси из Дома Мийа.

– Зимородки? Боюсь, это безнадежно. Асано сейчас – любимцы Благословенного; хоть и не все методы их чисты, он закрывает на это глаза. А они ненавидят Дом Мийа.

– Зато многие не любят Белых Лис... они имели наглость упасть и подняться.

– Тут не обошлось без помощи нечисти...

– Бросьте. Последний раз самого завалящего *маки* видели вблизи Сизэ-Рэн лет двадцать назад. А мелочь – что она может? Всё куда проще. Золото – и умение ловить, куда ветер дует. Младшие Лисы весьма в этом преуспевают, не чета дедам. А вот Мийа демонов бы призвали, лишь бы свалить Асано. Только младший, Кими ко всему безразличен – и вряд ли чего добьется.

В этот момент Лисы вели другой разговор, мало связанный с именем их врагов...

– Если я владею драгоценностью, я не стану выбрасывать ее – никогда. Настроение повелителя меняется быстро... он не ценит свои сокровища!

– Да ты просто помешанный.

– Я не хочу, чтобы его увезли отсюда. Тень демона, это безумие – добровольно избавиться от *такого*! Я хочу, чтобы он ни на минуту не оставлял меня. Если его отошлют, я выкраду его с острова.

Старший холодно проговорил:

– И лишишься головы. Превосходно. Ради игрушки ты готов поставить Дом под удар. После столь вопиющей глупости выжившие Лисы навсегда потеряют возможность приблизиться к Эйя. – он помолчал и сказал тяжело:

– Забудь, Ханари. Красивых много. А игрушки Солнечного – не для тебя.

– Красивых – много, – эхом откликнулся Ханари. – Думаешь, он берет красотой? Плохо ты меня знаешь, брат. Если бы только... Он просто другой. Хочется взять – и не отпускать, как раковина – моллюска, и створки сомкнуть, чтобы никуда не смотрел, чтобы случайный луч не коснулся.

Старший словно в молитве возвел глаза к небу.

* * *

Благословенный часто начал ловить себя на странной слабости. Порою казалось, что вот-вот поделится мыслями с этим, тихим, похожим на стебелек черного ковыля, как делился с Тооши. Смешно было бы их равнять, но мальчишка думать умел. И говорить не боялся, если позволяли слово произнести. Многое понимал, хотя не знал ничего: лицемерие видел и от честности отличал, неуверенность, страх ли – все, с чем приходили в покои Благословенного те, кого допускал повелитель. На Йири внимания не обращали – мало ли кто *лээ* принес или светильник зажег.

...А после – сжимался комочком среди шелковых покрывал или замирал на циновке, и отвечал на вопросы, проницательностью порой пугая Юкиро. Уж он-то знал своих подданных... И чаще беседовал с Йири, порою жалея о произнесенных словах.

Но за собственное сожаление платить Йири не заставлял.

* * *

– Брат просил передать это лично в руки, – Ханари низко склонился. Зал, где по делам принимали избранных, был светлым – цвета кленовой древесины. Украшений тут было мало – приходили не развлекаться.

А Шену прислал и вовсе не сказку – донос на двух наместников северо – западной области, из Окаэры и Нара. В двух провинциях сразу творится беззаконие, взятки гребнут – и прикрывают дырявой вуалью.

...Пристально смотрит в глаза: Шену далеко не святой, может, стоит *его* проверить? Слишком уж много пороков находит он у тех, кто ему неугоден.

Обошлось.

– Подай мне прибор для письма, – требует, словно слуга перед ним, или сиини. А впрочем, тут не до мыслей о рангах. А вот рука среднего Лиса дрогнула – опрокинулась тушечница, большая черная капля испачкала серебро.

– Другой, – велел повелитель, и тут только Ханари заметил, что за ажурной решеткой, оплетенной живыми растениями, тот, кому больше пристало выполнять порученное Асано. Тот скрылся за дверью – будто змейка скользнула.

Благословенный глянул на среднего Лиса в упор и усмехнулся краешком губ. Огненный дождь не пролился. И на этот раз сочли Шену достойным доверия.

С поклоном, не скрывающим облегчения, Ханари вышел из комнаты – и через два шага столкнулся с мальчишкой. Тот отпрянул испуганно. В руках его был поднос, на нем новый прибор для письма. Ханари решился – единственная возможность.

– Когда надоешь Солнечному, проси, чтобы он отдал тебя мне. Иначе сильно пожалеешь – да ты, верно, знаешь и сам.

...Он смотрел на молодого придворного, пытаясь вспомнить, как его имя. Он из тех, кто сейчас пользуется милостью повелителя.

– Зачем мне просить об этом?

– У меня тебе будет неплохо... Или думаешь найти себе место получше? Ты очень наивный, если думаешь так. На островке едят сырую рыбу – если не хотят умереть. Так расплачиваются за неслыханную милость судьбы – провести юность здесь.

«Что с тобой? Ты какой-то грустный сегодня?» – он улыбается...

Нельзя показывать грусть повелителю – нет, даже не так. В его присутствии нельзя испытывать ничего, кроме радости. Уж лицом-то своим Йири владеть научили.

...Человек в черном, узоры на хаэне – золотые хищные птицы. Он видел его каждый день...и в тот день, когда только попал сюда.

– Следуй за мной.

Это – что-то другое. Так уходят совсем.

Беспомощно оглянулся – заметил только Хиани. Смотрит с ненавистью и тоской...

Он был слишком хорошо обучен, чтобы пытаться задавать вопросы. И с Хиани он прощается только взглядом.

Благословенный хочет, чтобы было так.

Йири снова идет по темному коридору. Впрочем, темным он кажется ему. Красиво мерцает камень – мелкие искорки.

Его уводят из Дворца Лепестков.

Три маленьких комнаты. Ничего не произошло – радуга не засияла, день остался таким же пасмурным. И на душе – тревожно и пусто как-то, и слова благодарности нелепыми кажутся. Всего-то дела – Малые покои впервые за правление Юкиро обрели жильца.

– Зачем вам ... я?

– Хочу узнать, что ты на самом деле.

8. Знак

– Жизнь коротка. Кто знает, повезет ли тебе родиться еще раз. Мир вокруг тебя – совершенен. Посмотри – снежинка, лепесток, облако – все безупречно. Стыдно человеку, смотря на дары Творца, оставаться никчемным и неуклюжим. Он не достигнет совершенства обыкновенного полевого цветка – но он способен, во славу Сущего, хотя бы попытаться достичь его. Иначе – не оскорбление ли Творцу существование подобного ленивого ничтожества?

Каждый идет по пути совершенства по – своему. Гончар лепит посуду из глины – у мастера изделия звонкие, прочные, радуют глаз. Художник рисует – посмотри на эти картины. Они заставляют и думать, и чувствовать. Даже чиновник может стать безупречным в порученном ему деле.

– А воин? Он радуется Сущего, когда мастерски убивает?

– Да. Это его путь.

– Я понимаю.

– Путь обозначен – каждый знает, к чему стремиться. И красота, и доблесть, и справедливость – обо всем нам даны понятия. Человек не выбирает свой путь – но он должен следовать по дороге назначенной. Следовать к самой вершине – зная даже, что дойти не успеет.

* * *

Столица

Во Дворце-Раковине он жил теперь, в крошечных комнатах, еще кем-то их прежних правителей отведенных для тех, кого хочешь иметь под рукой – в Малых покоях. Уютными они были, но не для Йири. В Восточном крыле казалось спокойнее, хотя и там он не чувствовал себя, как дома.

Он сейчас носил то, что и раньше, однако отличия были. В одежде преобладали тона лиловые, однако она была украшена совсем иной вышивкой, разных оттенков, богаче, – хоть и без самоцветных камней. И покроем лаа-ни, как и безрукавки – тэй, был немного иным. Но яшмовый знак ему снять не велели. И, как и раньше, одежду Йири не выбирал себе сам. Ей занимался человек, знающий вкусы Благословенного. Цвета занавесей и тканей обивки напоминали переливами своими весеннюю рощу, оттеняя одежду подростка.

Тут, на Острове, люди ухитрились добиться подлинной гармонии в сочетании внешности и жилья, парка и времени года, настроения и безупречной манеры держаться. Йири подмечал все больше оттенков таких сочетаний, и старался понять. Его привлекало красивое – и особенно неуловимая, непонятная красота, которая, по словам мудрецов, и была ближе всего к совершенству.

Все было, как раньше, те же обязанности – только теперь он остался один. И слуги его окружали другие. Помимо прочего Благословенный уделял игрушке достаточно свободного времени – по его меркам. Но этого времени свободного было немного. Йири постоянно находился один. Он часами сидел в саду, или на галерее – тоже глядя в сад. Казалось, он каждый листик сумел бы нарисовать по памяти. Получал все, что необходимо – и развлечений не знал никаких. Кому бы пришло в голову, что Йири может чего-то недоставать? Даже у него самого не было таких мыслей.

Слуги появлялись, только когда были нужны – они почти не открывали рта. Йири знал, что беседы со слугами могут не понравиться Благословенному. А те – не решались. Хотя взгляды любопытные скрыть не могли.

Про Восточное крыло ничего не говорили ему.

Проведя так недели три, он робко попросил позволения читать какие-либо книги – он знал и умел очень мало, и, может быть, для Солнечного оказалось бы занятным, если бы он сумел узнать побольше? Повелитель сказал, что Йири несет чушь, и умников на Островке хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.